Переводы святых отцов
по структуре

Славянского Добротолюбия
(на русском языке)



ТОМ 2

ОГЛАВЛЕНІЕ

ТОМ 2

Преподобный Исихий, пресвитер Иерусалимский

1. Краткое сведение о нем……..…….. 5
2. Преподобного Исихия, пресвитера Иерусалимского, к Феодулу душеполезное и спасительное слово о трезвении и молитве. 7

Преподобный Филофей Синайский

3. Краткое сведение о нем…… 40
4. Преподобного отца нашего Филофея Синайского 40 глав о трезвении……... 41

Никифор Уединенник (Монах)

5. Краткое сведение о нем…… 55
6. Слово о трезвении и хранении сердца многополезное….. 56

Феолипт Филадельфийский

7. Краткое сведение о Феолипте, митрополите Филадельфийском…….. 66
8. Слово, в котором выясняется сокровенное во Христе делание и показывается вкратце, в чем состоит главное дело монашеского чина…… 67

Каллист Патриарх

9. Блаженного Каллиста Патриарха главы о молитве…… 78

Каллист патриарх и сподвижник его Игнатий, Ксанфопулы

10. Краткое сведение о них……. 80
11. Наставления безмолвствующим, в сотне глав…… 81

Евагрий Понтийский

12. Краткое сведение о нем…… 164
13. Евагрия монаха, образ иночества, поучающий, как должно подвизаться и безмолвствовать……... 165
14. Главы о различении страстей и помыслов……. 171



Преподобный Исихий, пресвитер Иерусалимский

Краткое сведение о нем [1]

Преподобный Исихий, урожденец Иерусалимский, в молодых летах своих был слушателем и учеником св. Григория Богослова. По кончине великого наставника своего проводил жизнь подвижническую в одной из пустынь Палестинских, где продолжал изучать дух христианства то в книгах, то из устных бесед с современными подвижниками Палестины, то опытами собственной жизни и своими исследованиями. В 412 году Иерусалимский архиепископ посвятил просвещенного подвижника во пресвитера, и с сего времени, соединяя с саном пресвитера и звание проповедника, он является в истории Церкви как один из знаменитых учителей. ”Великий Евфимий, как пишет ученик его Кирилл Скифопольский (в житии св. Евфимия), много был утешен тем, что св. Ювеналий Патриарх Иерусалимский, прибыв в 429 году в обитель его на освящение храма, взял с собою и просвещенного Исихия, пресвитера и учителя Церкви”.

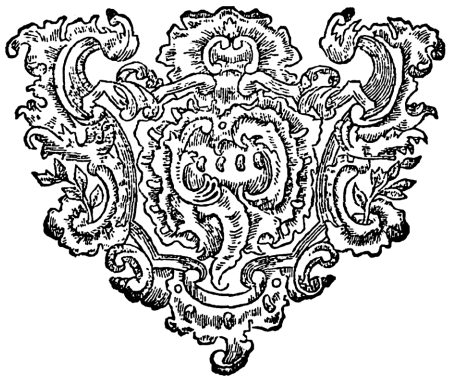
Феофан в хронографе своем кончину его полагает в 26 году царствования Феодосия юнейшего, который соответствует 432-433 году. В месяцеслове Императора Василия память его указывается 28 Марта. У нас, как и на всем востоке, ныне поминается он со всеми преподобными в сырную субботу. В каноне св. Феодора Студита на сей день в 9 п. он поставляется в сонме великих учителей Василия Великого, Григория Богослова, Иоанна Златоустого, Афанасия Великого, двух Кириллов – Иерусалимского и Александрийского, св. Епифания, Григория Нисского, – и именуется другим богословом, разумеется, после Григория Богослова.

По ученым трудам своим преп. Исихий был достойным учеником св. Григория Богослова. Месяцеслов Импер. Василия, отличая в преп. Исихие проповедника и толкователя Св. Писания, говорит: ”все Святое

[1] При переводе Греческий текст Добротолюбия был дополняем в некоторых местах из Patrologiae Graecae Migne t. 93.

Писание изъяснил и изложил он с ясностью и предложил для общей пользы; почему для всех был весьма знаменит и удивителен”.

Из многих его творений, подражая Греческому Добротолюбию, заимствуем в наш подобный сборник одно на 203 главы разделенное слово к Феодулу, как самое полезное для желающих навыкнуть трезвению, вниманию и хранению сердца. Блаж. Фотий в своей филокалии в 198 чтении, именует слово сие ”паче всякого другого писания пригодным для проводящих подвижническую жизнь ради наследия царства небесного. Изложено оно, говорит, ясно и по всему таково, какое требуется для людей, не упражняющихся в глубоких исследованиях, но весь труд и все тщание обращающих на подвиги деятельной жизни”.





Преподобного Исихия, пресвитера Иерусалимского, к Феодулу душеполезное и спасительное слово о трезвении и молитве.

Трезвение есть духовное художество, которое, если долго и с постоянным усердием проходить его, с Божиею помощию, совершенно избавляет человека от страстных помыслов, и слов, и худых дел; дарует тому, кто его так проходит, верное познание Бога непостижимого, сколько сие возможно для нас, и сокровенное разрешение сокровенных Божественных таин; и есть творительница всякой заповеди Ветхого и Нового Завета и всякого блага будущего века подательница. — Само же оно есть собственно чистота сердца, которая по величию своему и своим высоким качествам или, истиннее сказать, по нашему невниманию и нерадению, крайне редка у монахов; между тем, как Христос ублажает её, говоря: *блаженни чистии сердцем: яко тии Бога узрят* (Мф. 5:8). Будучи таковым, оно и покупается дорогою ценою. Треезвение, если оно постоянно пребывает в человеке, делается для него путеводительницею к правой и богоугодной жизни. Оно есть и лествица к созерцанию; оно же научает нас право править движениями троечастности души (т. е. трёх сил: мыслительной, раздражительной и желательной) и твердо хранить чувства, — и в причастнике своём каждодневно возращает четыре главные добродетели (т. е. мудрость, мужество, воздержание и справедливость).

2. Великий законодатель Моисей, паче же Дух Святый, показывая, сколь сия добродетель непорочна, чиста, всеобъемлюща и высокотворна и научая нас, как должно начинать её и совершать, говорит: *внемли себе, да не будет слово тайно в сердце твоем беззакония* (Втор. 15:9), тайным словом называя одно мысленное воображение какой-либо греховной, Богу ненавистной, вещи: что св. Отцы называют также приводимым в сердце от диавола прилогом, за которым, вслед за появлением его в уме, тотчас последуют наши помыслы и страстно с ним разглагольствуют.

3. Трезвение есть путь всякой добродетели и заповеди Божией; оно называется также сердечным безмолвием, и есть то же, что хранение ума, в совершенной немечтательности держимого.

4. Не видит солнечного света родившийся слепым: так не видит сияний богато нисходящей свыше благодати тот, кто не живёт в трезвении; не освободится он также от греховных, Богу ненавистных дел, слов

и помышлений. Таковые во исходе своём не минуют свободно (имеющих сретить их) князей тартара.

5. Внимание есть непрестанное от всякого помысла безмолвие сердца, в коем оно Христом Иисусом, Сыном Божиим и Богом, и Им Одним всегда, непрерывно и непрестанно дышет, Его призывает, с Ним мужественно ополчается против врагов, и Ему, имеющему власть оставлять грехи, исповедует свои прегрешения. Такая душа чрез призывание часто объемлет Христа, Единого тайноведца сердец, от людей же всех всячески старается скрыть свою сладость и свой внутренний подвиг, чтобы враг лукавый как-нибудь не дал удобного в неё входа злу и не уничтожил добрейшего её делания.

6. Трезвение есть твёрдое водружение помысла ума и стояние его у двери сердца; так что он видит, как подходят чуждые помыслы, эти воры-окрадыватели, слышит, что говорят и что делают эти губители, и какой демоны начертывают и установляют образ, покушаясь, увлекши чрез него в мечтания ум, обольстить его. Если будем люботрудно проходить такое действование, то оно, если хотим, очень основательно и внятно, на опыте покажет искусство мысленной брани и доставит опытность в ней.

7. Сугубый страх, с одной стороны от оставлений Божиих, с другой от обучительного попущения искушений внешних, обыкновенно рождает частость надзирательного внимания в уме человека, старающегося заградить источник худых помыслов и дел. Для этого именно и оставления бывают, и посылаются нечаянные искушения от Бога, к исправлению жизни нашей, особенно когда кто вкусил сладость упокоения от добра сего (внимания и трезвения), — и вознерадел. — От частости сей рождается навык; от этого — естественная некая непрерывность трезвения; а от сего, по свойству его, мало по малу порождается видение брани, за которым последует непрестанная молитва Иисусова, сладостная без мечтаний тишина ума, и дивное некое состояние, исходящее от сочетания со Иисусом.

8. Ум, стоящий и призывающий Христа на врагов и к Нему прибегающий, подобен зверю какому-нибудь, который быв окружён множеством псов, мужественно стоит против них, укрывшись в некоем ограждении. Издали, провидя мысленно мысленные ковы невидимых врагов, он непрестанно против них молится Миротворцу Иисусу, и чрез то пребывает неуязвимым ими.

9. Если ведаешь, и дано тебе *заутра представать пред Господа*, — и не только зриму быть, но и зреть (Пс. 5:4); то ты разумеешь, о чём я говорю. Если же нет, трезвенствуй, и получишь.

10. Состав морей — множество вод; а состав и твердыня трезвения бодренности и углубленного безмолвия души, равно как бездна созерцаний дивных и неизреченных, и разумного смирения, правоты и любви

есть (само же одно) крайнее трезвение и ко Христу Иисусу без помыслов с воздыханиями молитва, непрестанная, притрудная, но без уныния и скучания (Лк. 18:1).

11. *Не всяк глаголяй Ми, Господи, Господи, внидет*, говорит Господь, *в Царствие Небесное, но творяй волю Отца Моего* (Мф. 7:21). Воля же Отца Его есть сия: *любящии Господа, ненавидите злая* (Пс. 96:10). Итак, при молитве ко Иисусу Христу возненавидим злые помыслы, — и воля Божия исполнена.

12. Владыка наш и Бог, воплотившись предложил начертание всякой добродетели в пример роду человеческому и в воззвание от древнего падения, живописав всё добродетельное Свое во плоти житие. В числе многих других показанных Им добрых примеров, Он восшедши по крещении в пустыню, с постом вступил там в мысленную брань с диаволом, приступившим к Нему, как к простому человеку; и образом победы над ним, т. е. смирением, постом, молитвою и трезвением, кои держал Он, не имея в них нужды, как Бог и Бог богов, научил и нас, неключимых рабов, как держать достодолжно брань против духов злобы.

13. То, сколько, по-моему, есть способов (приёмов) трезвения, могущих мало по малу очистить ум от страстных помыслов, се — я не поленюсь означить тебе не красною и не испещренною речью. Ибо я не считаю разумным и в этом слове, как бывает в повествованиях и внешних войнах набором речений закрывать полезное, особенно для людей простых[2]. *Ты же, чадо Тимофее*, скажу тебе словом Апостола, *внемли* тому, что будешь *читать* (1 Тим. 4:13).

14. Итак, один способ (приём) трезвения есть: — смотреть неотступно за мечтанием, или за прилогом; ибо без мечтания сатана не может устраивать помыслы и представлять их уму к его прельщению обманом.

15. Другой: — иметь сердце глубоко всегда молчащим и от всякого помысла безмолвствующим, и молиться.

16. Иной: — непрестанно в смирении призывать на помощь Господа Иисуса Христа.

17. Иной еще способ: — иметъ в душе непрестанное памятование о смерти.

18. Все сии делания, возлюбленный, подобно привратникам, возбраняют вход худым помышлениям; о том же, что должно лишь к небу взирать (занимать всегда ум созерцанием вещей небесных), ни во что вменяя землю (и всё земное), — что также есть один из действенных способов трезвения, как и прочие, — об этом я с помощию Бога, дающего слово, изложу обстоятельнее в другом месте.

---

[2] Чтение сего пункта взято из Cur. patr. gr. Migne.

19. Если отсечём причины страстей (поводы к возбуждению их) и займёмся духовными деланиями на короткое лишь время, а не пребудем в сем чине жизни навсегда, это самое имея занятие; то легко опять возвращаемся к плотским страстям, никакого другого не получив от того (доброго начинания) плода, кроме всеконечного омрачения ума и глубочайшего ниспадения в вещественное.

20. Тому, кто подвизается внутри, в каждое мгновение надобно иметь следующие четыре (делания): *смирение*, крайнее *внимание, противоречие* (помыслам) и *молитву. Смирение*, — чтобы, как брань у него идёт с соперниками — гордыми демонами, всегда иметь в руке сердца помощь Христову: ибо Господь ненавидит гордых. *Внимание*, — чтобы всегда держать сердце своё не имеющим никакого помысла, хотя бы он казался добрым. *Противоречие*, — дабы, как только уразуметь, кто пришёл, тотчас с гневом воспротиворечить лукавому, как говорится: и *отвещаю поношающим ми слово* (Пс. 118:42), — *не Богу ли повинется душа моя* (Пс. 61:1)? *Молитву*, — дабы после противоречия, тотчас из глубин[3] сердца возопить ко Христу с воздыханием неизглаголанным. И тогда сам подвизающийся увидит, как враг его поклоняемым именем Иисуса, как прах ветром развевается и гонится прочь, или как дым исчезает с своим мечтанием.

21. Кто не имеет чистой от помыслов молитвы, тот не имеет оружия на брань, — молитвы, говорю, той, которая непрестанно действовалась бы во внутреннейших сокровенностях души, дабы призыванием Господа Иисуса Христа (незримо) был бичуем и опаляем враг, скрытно ратующий.

22. Надлежит тебе острым и напряжённым взором ума смотреть внутрь, чтобы узнавать входящих; узнав же, тотчас противоречием сокрушать главу змия, с воздыханием возопив в то же время ко Христу. И получишь тогда опыт невидимого божеского заступления. Ясно также увидишь тогда и правость сердца (право ли оно действует, или в чём состоит правое действование сердца).

23. Как держащий в руке зеркало и смотрящий в него, стоя между другими, видит и своё лице, каково оно, видит и других, смотрящихся в то же самое зеркало: так со всем вниманием смотрящий в сердце своё видит в оном своё собственное состояние, видит и мрачные лица мысленных ефиопов.

24. Не может ум победить демонское мечтание сам токмо собою: да не дерзает на сие никогда. Ибо хитры будучи враги наши, притворяются побежденными, замышляя низложить борца отъинуды, — чрез тщеславие; при призывании же имени Иисусова и минуты постоять и злокознствовать против тебя не стерпят.

---

[3] Дополнено из patrol. graecae Migne.

25. Смотри не возмечтай о себе много (и не измысли своих способов к борьбе), подобно древнему Израилю: иначе и ты предан будешь мысленным врагам. Ибо тот, избавлен будучи от Египтян Богом всяческих, измыслил потом своего себе помощника — идола слиянного.

26. Под идолом же слиянным разумей слабый наш разум, который, пока на духов злобы призывает Иисуса Христа, удобно изгоняет их и с искусным умением обращает в бегство невидимые, ратные силы врага, а коль скоро сам на себя одного безрассудно дерзнёт понадеяться, то падает и разбивается, подобно так называемому быстрокрылому[4]. Вот что исповедует уповающий на Господа: *Господь*, говорит, *помощник мой, и защититель мой: на Него упова сердце мое, и поможе ми и процвете плоть моя* (Пс. 27:7); и *кто*, кроме Господа, *востанет ми на лукавнующыя? или кто спредстанет ми на делающыя беззаконие* (Пс. 93:16) — бесчисленные помыслы? На себя же, а не на Бога надеющийся падет падением ужасным.

27. Да будет тебе, возлюбленный, — если хочешь вести борьбу, как следует, — примерным указателем образа и чина сердечного безмолвия маленькое животное — паук. Тот хватает и умерщвляет малых мух, а ты, если так же, как он (сидит в своей паутинной норе), притрудно безмолвствуешь в своей душе, не переставай всегда избивать младенцев вавилонских, — за каковое избивание блаженным назвал бы тебя чрез Давида Дух Святый (Пс. 136:9).

28. Как невозможно Красному морю узрену быть на тверди между звёздами, и как нельзя человеку, ходящему по земле, не дышать здешним воздухом: так невозможно нам очистить сердце своё от страстных помыслов и изгнать из него мысленных врагов, без частого призывания имени Иисус-Христова.

29. Если со смиренным мудрованием, памятию о смерти, самоукорением, противоречием (помыслам) и призыванием Иисуса Христа всегда пребываешь ты в сердце своём, и с сими орудиями трезвенно проходишь каждый день мысленный путь, — тесный, но радостотворный и сладостный; то внидешь во святые созерцания святых, и просвещён будешь видением глубоких таин от Христа, *в Немже вся сокровища премудрости и разума сокровенна* (Кол. 2:3) и *в Коем живет всяко исполнение Божества телесне* (Кол. 2:9). Ибо во Иисусе восчувствуешь ты, что в душу твою нисшел Дух Святый, Коим просвещаясь ум человека *зрит откровенным лицем* (*славу Божию* — 2 Кор. 3:12). *Никтоже*, говорит Апостол, *может рещи Господа Иисуса, точию Духом Святым* (1 Кор. 12:3), Который тайно утверждает ищущего Его (в истине о Нём).

---

[4] Голуби-турманы, поднявшись высоко, свёртываются и падают вниз. Если не успеют развернуться, то ударяются оземь и разбиваются до смерти.

30. Любящим научение надо знать и то, — что злые демоны, завидуя нам, по причине великой от брани пользы, умудрения ею и к Богу восхождения, часто скрывают от нас и утишают эту мысленную брань (имея при сем в намерении и то), чтобы, когда мы (забыв об опасностях нападения с их стороны), обеззаботимся, внезапно похитить ум наш (в мечтания), и опять сделать нас невнимающими сердцу нерадивцами. Ибо их одна цель и один подвиг непрестанно заботит: — совсем не давать сердцу нашему быть внимательным к себе, зная, какое богатство собирается чрез это в душе. — Но мы тогда-то паче (во время затишья брани) воспростремся с памятованием Господа нашего Иисуса Христа в духовные созерцания, — и брань опять найдет на ум. Только будем всё делать, скажу так, с совета Самого Господа и со смирением великим.

31. Пребывая в общежитии мы должны с самоохотным изволением и готовностию сердца, отсекать всякую волю свою пред настоятелем, и быть таким образом, при помощи Божией, некако самопроизвольными безвольниками. При сем всячески надлежит нам ухитряться, чтобы не возмущаться раздражительностию и не допускать неразумных и не естественных движений гнева потому, что иначе в час брани духовной мы будем оказываться бездерзновенными (лишёнными мужества). Ибо воля наша, если сами самоохотно не отсекаем её, обыкновенно раздражается на тех, кои покушаются отсекать её принудительно (без нашего соизволения); а из-за сего подвигнутый гнев, злобно лая, губит разумение брани (уменье вести её), которое с большим трудом едва можно было стяжать. Гнев обыкновенно бывает разрушителен. Если он подвигнется против бесовских помыслов, то их разбивает и истребляет; а если воскипит против людей, то истребляет в нас благие относительно их помышления. Таким образом гнев, как очевидно, является разрушительным для всякого рода помыслов, худых ли то или, если случится, и правых. Он дарован нам от Бога, как щит и лук, и бывает таковым, если не уклоняется от назначения своего. Если же начнёт действовать не сообразно с ним, то бывает разрушителем. Видал я, что и пёс, в иной раз смело бросающийся на волков, терзает овец.

32. Так надлежит бегать дерзостности (безосторожной вольности в обращении с другими), как яда аспидова и уклоняться от частых бесед, как от змий и порождений ехидниных; потому что они весьма скоро могут привести в совершенное забвение о внутренней брани, и низвести душу долу с обрадывающей высоты, доставляемой чистотою сердца. Проклятия достойное забвение, как вода огню, противится вниманию, и сильным супостатом ему бывает каждочасно. От забвения приходим в нерадение, от нерадения переходим к пренебрежению (порядков духовной жизни) и унынию, — и к безместным похотениям; и таким образом опять возвращаемся вспять, как пёс на свою блевотину (2 Петр. 2:22). Будем же бегать вольности, как яда смертоносного; а злой недуг забве-

ния будем врачевать крайне строгим хранением ума, и непрестанным призыванием Господа нашего Иисуса Христа: ибо без Него не можем мы *творити ничесоже* (Ин. 15:5).

33. Не обычно, да и невозможно, дружиться со змием и носить его в недрах своих; невозможно и тело всячески ласкать, любить его и угождать ему, кроме доставления необходимо потребного, — и вместе с тем пещись о добродетели небесной. Ибо тот (змий) по естеству своему не удержится, чтобы не уязвить пригревшего, а это (тело), — чтобы не осквернить угождающего ему движениями похотной сласти. Когда тело в чём-либо погрешит, бичами бить его надобно нещадно до ран, как беглого раба, исполненного вином, да ведает, что есть над ним господин (ум), готовый наказать его, и да не ищет упивства похотию, будто вином в корчемнице, да не неведает и госпожи своей (души) нетленной эта раба нощная, — прах тленный. До самого исхода своего не доверяй плоти своей. Хотение плоти, говорит Апостол, *вражда на Бога; закону бо Божию не покаряется* (Рим. 8:7), — и: *плоть бо похотствует на духа* (Гал. 5:17), — еще: *сущии во плоти, Богу угодити не могут. Вы же несте во плоти, но в дусе* (Рим. 8:8-9).

34. Дело *благоразумия* есть — всегда подвигать раздражительную силу нашу к схваткам во внутренней брани и к самоукорению; *мудрости* — мысленную силу нашу напрягать к трезвению строгому и непрерывному, и к духовному созерцанию; *справедливости* — желательную силу направлять к добродетели и к Богу; *мужества* — управлять пятью чувствами и удерживать их, чтобы они не оскверняли ни внутреннего нашего человека или сердца, ни внешнего или тела.

35. *На Израили велелепота Его*, — на уме, зрящем красоту славы Самого Бога, сколько это возможно, — *и сила Его на облацех* (Пс. 67:35), — на душах светозрачных, во утрии вперяющих взор свой в Сидящего одесную Отца, Который, осиявая их, подобно тому, как солнце озаряет лучами своими чистые облака, являет достолюбезнейшими.

36. *Согрешаяй един погубит благостыню многу*, — говорит Божественное Писание (Еккл. 9:18); и ум согрешая погубляет то, о чём написано в предыдущей главе, — эти небесные пития и брашна.

37. Не сильнее мы Сампсона, не премудрее Соломона, не разумнее Давида блаженного, не паче Петра верховного любим мы Бога. Да не надеемся же на самих себя; ибо Писание говорит, что надеющийся на себя самого падет падением ужасным.

38. Научимся от Христа смиренномудрию, от Давида — смирению, от Петра — плакать о случающихся падениях, но не отчаяваться подобно Сампсону, Иуде и вельми премудрому Соломону.

39. *Диавол, яко лев рыкая, ходит* с своими полчищами, *иский кого поглотити* (1 Петр. 5:8). Да не пресекаются же у нас никогда — сердечное внимание, трезвение, прекословие (помыслам) и молитва ко

Христу Иисусу, Богу нашему. Ибо лучшей помощи, кроме Иисусовой, не найти тебе во всю жизнь твою; потому что только Он Один Господь, яко Бог, знает демонские ковы, обходы и лукавства.

40. Дерзновенно убо да уповает душа на Христа, да призывает Его; врагов же отнюдь да не страшится: ибо не одна воюет, но с Страшным Царем Иисусом Христом, Творцем всего сущего, бестелесного и телесного, видимого и невидимого.

41. Как дождь, чем в большем количестве ниспадает на землю, тем более умягчает её; так и святое имя Христово, без помыслов нами возглашаемое, чем чаще призываем Его, тем более умягчает землю сердца нашего, преисполняя его радости и веселия[5].

42. Неопытным хорошо знать и то, что мы, дебелые и к земле поникшие и телом и мудрованием, врагов своих, бестелесных и невидимых, зложелательных и мудрых на озлобления, скорых и легких, искусившихся в брани, какую ведут от Адама доныне, не другим каким способом имеем возможность победить, как только непрестанным трезвением ума и призыванием Иисуса Христа, Бога и Творца нашего. Для неопытных молитва Иисус-Христова да будет возбуждением и руководством к испытанию и познанию добра; для опытных же — самый лучший наставник в добре есть деяние, испытание делом и вкушение добра.

43. Как дитя малое и нелукавое, видя как иной веделывает какие-либо фантазии, утешается тем и, по незлобию своему, последует за этим дивотворцем: так и душа наша, будучи проста и блага, — ибо такою создана от благого Владыки своего, — услаждается мечтательными прилогами диавола и, обольщаясь ими, подбегает к нему злокозненному, будто к доброму, как голубица к расставляющему сети для её птенцов, и смешивает таким образом свои помыслы и мечтанием бесовского прилога. Если это будет лице красивой женщины, или другое что заповедями Христовыми совершенно запрещенное; то замышляет, как бы ухитриться и в дело привесть то, что внушила представившаяся красота; а потом дошедши до сосложения с помыслом тем, она уже и в дело посредством тела, приводит вообразившееся ей в мысли беззаконие, на осуждение себе.

44. Такова хитрость лукавого, и такими-то стрелами оядотворяет он всякую добычу. Посему, небезопасно, прежде приобретения умом большой опытности в брани, попускать помыслам входить в сердце наше, — особенно в начале, когда душа наша ещё сочувствует демонским прилогам, соуслаждается ими и охотно устремляется вслед их; но должно, как только они будут сознаны, тотчас, в самый момент нахождения их и приражения, отсекать их. Когда же ум, долгое время пребывая в таком дивном делании, обучится сему подвигу, всё в нём разузнает и на-

[5] Сей пункт пополнен по patr. gr.

вык приобретёт в ведении такой брани, так что верно будет распознавать помыслы, и, как говорит Пророк, будет в состоянии легко ловить *лисы малыя* (Песн. 2:15): тогда можно искусно попускать им входить внутрь, сражаться с ними с помощию Христовою, обличать и извергать вон[6].

45. Как невозможно по одному каналу вместе проходить огню и воде: так невозможно греху войти в сердце, если он не постучится прежде в дверь сердца мечтанием лукавого прилога.

46. Первое есть прилог; второе — сочетание, когда наши помыслы и помыслы лукавых демонов смешиваются; третье — сосложение, когда обоего рода помыслы сговорятся на зло и порешат между собою, как ему быть; четвёртое же есть чувственное деяние или грех. Итак, если ум, трезвенствуя, внимает себе и посредством прекословия и призывания Господа Иисуса прогоняет прилог с самого его приражения, то ничего из того, что обычно следует за ним, уже не бывает. Ибо лукавый, будучи умом бестелесным, не иначе может прельщать души, как чрез мечтание и помыслы. (Из сих действий) о прилоге говорит Давид: *во утрия избиваx вся грешныя земли* (Пс. 100:8); великий же Моисей говорит о сосложении: *да не смесишися с ними* (Исх. 23:32).

47. Ум с умом невидимо сцепляется на борьбу, — ум демонский с нашим. Поэтому каждую минуту нужно из глубины души взывать ко Христу, чтобы Он отгнал ум демонский, добычу же победную даровал нам, как человеколюбец.

48. Образом сердечного безмолвия да будет тебе держащий в руках зеркало и внимательно смотрящий в него; и тогда (когда, т. е. станешь подражать ему) увидишь ты, как мысленно написуется в сердце твоём и худое и доброе.

49. Блюди присно, чтобы никогда никакого помысла не иметь в сердце своём, ни непотребного, ни благовидного, дабы таким образом удобно было тебе узнавать иноплеменников, т. е. первородных сынов египетских (разумеются прилоги).

50. Сколь блага, приятна, светла, сладостна, вседобротна, яснозрачна (веселолица) и прекрасна добродетель трезвения, Тобою, Христе Боже, благоуправляемая и человеческим умом в великом смирении бодренно проходимая! Ибо она до моря и глубины созерцаний простирает ветви свои и до рек сладких Божественных таин — отрасли свои (Пс. 79:12), напаяет (орошает, освежает) ум, с давнего времени палимый нечестием от слановости лукавых помыслов бесовских и неистового мудрования плоти, в коем смерть.

51. Трезвение подобно лествице Иакова, на верху которой восседит Бог, и по которой ходят Ангелы. Оно исторгает из нас всякое зло, отсекает многословие, злословие, оклеветание и весь каталог (список) чувст-

[6] Конец дополнен из patr. gr.

венных страстей, не терпя и на короткое время лишиться собственной своей сладости.

52. Его-то, братия мои, будем проходить всеусердно. Но, чистою во Христе Иисусе мыслию паря в видениях его, будем поддерживать и зрение своих прегрешений и прежней жизни, чтобы, памятию грехов своих будучи сокрушаемы и смиряемы, имели мы в мысленной брани неотступную помощь Иисуса Христа, Бога нашего. Ибо коль скоро за гордость, или тщеславие, или самолюбие, лишимся мы помощи Иисусовой, то лишимся вместе с тем и чистоты сердечной, посредством которой даёт познать Себя человеку Бог, так как, по обетованию (Мф. 5:8), первая есть причина второго (чистота сердца — Боговидения).

53. Ум не нерадящий о своём сокровенном делании, вместе с другими благами, от непрестанного упражнения в хранении себя происходящими, обретает и то, что пять чувств телесных не будут у него споспешниками искушений греховных, приходящих со вне. Внимая всецело своей добродетели — трезвению и добрыми всегда желая услаждаться помышлениями, не попускает он пяти чувствам окрадывать себя, чрез вход к себе путём их вещественных и суетных помыслов; но зная, какие случаются чрез них обольщения, сильным напряжением обуздывает их извнутрь.

54. Пребывай во внимании ума и не будешь преутружден искушениями. Отступая же от него, терпи, что найдет.

55. Как для потерявших аппетит и чувствующих отвращение к пище, полезна горькая полынь; так для злонравных полезно терпетъ злоключения.

56. Если не хочешь злострадать, не хоти и зло делать, потому что то, первое, неотступно следует за этим последним. Что кто сеет, то и пожнёт. Так, когда мы, добровольно сея зло, против воли пожинаем (скорбное), то должны дивиться в сем правосудию Божию.

57. Ослепляется ум тремя следующими страстями: — сребролюбием, тщеславием и сластолюбием.

58. Ведение и вера, совоспитанники естества нашего, не от другого чего, как от них отупели.

59. Ярость и гнев, брани и убийства, и весь каталог (список) прочих страстей чрез них сильно утвердились в людях.

60. Не знающий истины не может и веровать истинно; потому что знание естественно предшествует вере. Что сказано в Писании, сказано не для того, чтобы мы знали только, но чтобы и делали то.

61. Начнём же делать. Так постепенно преуспевая, найдём, что упование на Бога, твёрдая вера, внутреннее ведение, избавление от искушений, благодатные дарования, сердечное исповедание, обильные слёзы доставляются верующим молитвою; и не только это, но и терпение находящих прискорбностей, и искреннее прощение ближнему, и разуме-

ние духовного закона, и обретение правды Божией, и Духа Святого наитие, и духовных сокровищ подаяние, и всё, что обетовал Бог верующим и здесь и в будущем веке. Одним словом, — невозможно душе иначе являться сущею по образу Божию, как благодатию Божиею и верою человека, в сердце пребывающего, в глубоком смирении и в нерассеянной молитве.

62. Великое воистину благо из опыта прияли мы, — то, чтобы непрестанно призывать Господа Иисуса на мысленных супостатов, если желает кто очистить сердце своё. И смотри, как сказанное мною из опыта слово согласно с свидетельствами Писания: *Уготовися*, говорит оно, *призывати Господа Бога Твоего Израилю* (Ам. 4:12). Апостол также говорит: *непрестанно молитеся* (1 Фес. 5:17). И Господь нам вещает: *без Мене не можете творити ничесоже. Иже будет во Мне, и Аз в нем, той сотворит плод мног. Аще кто во Мне не пребудет, извержется вон, якоже розга, и изсышет* (Ин. 15:5-6). Великое благо — молитва, все блага в себе совмещающее, поелику очищает сердце, в коем верующими узревается Бог.

63. Поелику сокровище смиренномудрия высокотворно и Богу любезно, имеет силу истреблять всякое зло в нас и всё Богу ненавистное; то сего ради не удобно стяжевается. Удобно, может быть, найдешь ты в ином человеке частные некие деяния многих добродетелей, но, поискав в нём благоухание смирения, едва ли найдёшь его. Потому много потребно радения и усилий, чтобы стяжать сие сокровище. Писание и диавола называет нечистым за то, что с самого начала отверг он это благое сокровище смиренномудрия и возлюбил гордость. За это одно везде в Писании называется он нечистым духом. Ибо какую телесную нечистоту могло бы учинить существо совершенно невещественное, бесплотное и не членосоставное, чтобы ради этого называться нечистым? Явно, что за гордость и назван он нечистым и из чистого и светлого Ангела, прозван скверным. *Нечист пред Богом всяк высокосердый* (Притч 16:5). Первый грех, по Писанию, есть *гордыня* (Сир. 10:15). Что Фараон говорил: *Бога твоего не вем и Израиля не отпущу* (Исх. 5:2), — говорил, яко гордый.

64. Есть много действий ума могущих снискать нам благий дар смиренномудрия, если не будем нерадеть о своём спасении, как то: воспоминание согрешений — словом, делом и помышлением, — и другое многое, мысленно пересматриваемое, споспешествует к смиренномудрию. Располагает к истинному смирению и то, когда кто вращает в уме непрестанно добродетели ближних, и другие естественные их преимущества превозносит, сравнивая своё с ихним. Видя таким образом ясно в уме своём свою худость и то, сколько отстоит он от совершенства других, человек естественно станет считать себя землёю и пеплом, и даже

не человеком, а псом некиим, потому что от всех на земле сущих разумных тварей во всём отстаёт и всех их скуднее и нищетнее.

65. Уста Христовы, столп Церкви, великий Отец наш Василий говорит: «великое пособие к тому, чтобы не грешить и на другой день не впадать опять в то же, есть — по окончании дня подвергать суду совести себя самих и всё своё, чтобы видеть, в чём мы проступились и в чём поступили правильно. Так поступал и Иов, как в отношении к себе самому, так и в отношении к детям своим». Такое каждодневное разбирательство освещает и то, что бывает у нас каждочасно (или научает каждочасному разбирательству, чтобы видеть, как должно действовать каждый час).

66. Другой же некто[7], также из мудрых в божественных вещах, сказал: «начало плодоносия — цвет; а начало деятельной жизни — воздержание». Восприимем же воздержание и притом мерою и весом, как учат Отцы, и весь день двенадцатичасный будем проходить в хранении ума. Действуя так, мы при помощи Божией, с некиим себя нуждением, возможем угасить и умалить в себе зло. Ибо с нуждением себя стяжевается добродетельное житие, за которое дастся Царствие Небесное.

67. Путь к ведению есть бесстрастие и смирение, без которых никто не узрит Господа.

68. Непрестанно пребывающий во внутреннем своём и там всегда вращающийся целомудрствует; и не только это, но ещё и созерцательствует, и богословствует, и молится. И сие-то есть, о чём говорит Апостол: *духом ходите, и похоти плотския не совершайте* (Гал. 5:16).

69. Неумеющий шествовать духовным путём, не заботится о страстных помышлениях, но всё занят бывает только телом, или чревоугодничает и распутничает, или опечаливается, гневается и злопамятствует, и чрез то омрачает ум, или начиная чрезмерные подвиги, расстраивает сердце.

70. Отрекшийся от житейского, т. е. от жены, имения и прочего, внешнего лишь человека сделал монахом, а не и внутреннего. Но кто отрёкся от страстных помыслов[8] о всём этом, тот сделал монахом и внутреннего человека, который есть ум. И такой есть истинный монах. Внешнего человека легко сделать монахом, если захочешь, но не мал труд — сделать монахом человека внутреннего.

71. Кто есть в роде сем совершенно освободившийся от страстных помыслов и непрестанной сподобившийся молитвы, чистой и невещественной, — что и есть отличительная черта внутреннего человека?

72. Много страстей сокрыто в душах наших; но обличают они себя только тогда, когда являются на глаза причины их (предметы, поводы).

---

[7] Преп. Нил Синайский.

[8] Чтение взято из patrol. gr.

73. Не всё занимайся телесным обучением; но, определив для тела посильный подвиг, весь ум обрати на внутреннее: *телесное бо обучение вмале есть полезно: а благочестие на все полезно есть* (1 Тим. 4:8).

74. При бездействии страстей, — потому только, что или причины их (предметы, поводы) устранены, или демоны коварно отступили, — порождается гордость.

75. Смирение и злострадание (подвижнические телесные лишения) освобождают человека от всякого греха, — то душевные отсекая страсти, а это телесные. Посему Господь говорит: *блажени чистии сердцем, яко тии Бога узрят* (Мф. 5:8), — узрят и Его Самого, и сущие в Нём сокровища, когда любовию и воздержанием очистят себя, — и это тем более, чем более будут увеличивать своё очищение.

76. Созерцалище (обсерватория, обзорная башня) словес о всякой добродетели есть хранение ума, как древле страж Давидов обозначал обрезание сердца (2 Цар. 18:24).

77. Как, на чувственно-вредное смотря, повреждаемся, так бывает и в отношении к умственному.

78. Как повредивший сердцевину растения всё оное иссушает, так разумей и о сердце человеческом. Ежеминутно надобно внимать, потому что хищники не дремлют.

79. Господь, желая показать, что всякая заповедь обязательна и что сыноположение есть дар, заслуженный людям собственно Его кровию, говорит: *егда сотворите вся повеленная вам, глаголите: яко раби неключими есмы: яко, еже должни бехом сотворити, сотворихом* (Лк. 17:10). Посему Царствие Небесное не есть награда за дела, а благостный дар Владыки, уготованный верным рабам. Раб не требует свободы, как награды; но (получив её) благодарит, как должник, а (не получив) ожидает, как милости.

80. Христос по Писанию умер за грехи наши и рабам, добре работающим Ему, дарует свободу; ибо говорит: *добре, рабе благий и верный, о мале был еси верен, над многими тя поставлю: вниди в радость Господа твоего* (Мф. 25:21). Но верным раб бывает не тот, который опирается на голом знании (долга рабского), а тот, который показывает верность послушанием Христу, давшему заповедь.

81. Чтущий господина своего, творит повеленное им, погрешив же в чём-либо, или преслушав, терпит, как должное ему то, что за это бывает с ним. Будучи любознателен, будь и трудолюбив (разумеется, — в исполнении заповедей): ибо одно голое знание надмевает человека.

82. Неожиданно случающиеся с нами искушения промыслительно научают нас быть трудолюбивыми.

83. Принадлежность звезды — свет, что около её; а благочестивого и богобоязненного принадлежность — нищета и смирение: поелику не другому чему положено быть распознательным и показательным при-

знаком учеников Христовых, как смиренному мудрованию и уничиженному виду. Об этом повсюду вопиют четыре Евангелия. Кто же не так, т. е. смиренно живёт, тот лишается части Того, Кто смирил Себя до креста и смерти и Кто есть деятельный Евангельский законоположитель божественных заповедей (делом и жизнию, изображёнными во Евангелиях, показавший обязательные для нас заповеди).

84. *Жаждущии идите на воду*, говорит Пророк (Ис. 55:1); жаждущие Бога, ходите в чистоте ума и сердца. Впрочем высоко чрез неё парящему должно обращать взор и на землю своего нищенства. Никого нет выше смиренного. Как там, где нет света, всё темно и мрачно: так и, когда нет смиренномудрия, все наши тщаливые по Богу труды — суетны и бесплодны.

85. Конец же слова, все слушай: *Бога бойся и заповеди Его храни* (Еккл. 12:13), и мысленно и чувственно. Если мысленно будешь принуждать себя соблюдать их, то редко будешь иметь нужду в чувственных ради их трудах. Давид говорит: *еже сотворити волю Твою восхотех, и закон Твой посреде чрева моего* (Пс. 39:9).

86. Если не сотворит человек воли Божией и закона Его посреди чрева, т. е. посреди сердца, то и вне не может он удобно исполнять его. Не трезвенствующий и равнодушный как бы так говорит Богу: *путей Твоих ведети не хощу* (Иов 21:14), — конечно по оскудению божественного просвещения, причастный которого не только убеждением содержит в сердце закон, но и достаточно силён бывает жить по Божиему.

87. Как чувственная соль услаждает хлеб и всякую пищу, охраняет мясо от порчи и сохраняет его неповреждённым надолго: так разумей и об умном хранении мысленной сладости и дивного в сердце делания. Ибо и оно божественно услаждает и внутреннего и внешнего человека, прогоняет зловоние худых помыслов и сохраняет нас постоянными в добре.

88. От прилога — множество помыслов, а от этих — худое дело чувственное. Тотчас погашающий со Иисусом первое, избег и последующего. И обогатится он сладостным божественным ведением, в коем всюду присущим будет зреть Бога, и поставив против Него зеркало ума, освещаться Им, подобно чистому стеклу, поставленному против чувственного солнца. Тогда наконец ум, достигнув последнего предела своих желаний, почиет от всякого другого в себе созерцания.

89. Поелику всякий помысл входит в сердце чрез воображение чего-либо чувственного (чувственное же мешает умственному); то божественный свет Божества тогда уже начинает осиявать ум, когда он упразднится от всего и сделается совершенно безвидным (никакого вида и образа не представляющим). Ибо светлость оная проявляется в чистом уже уме, под условием оскудения его от всяких помышлений.

90. Насколько бдительно внемлешь уму, настолько с тёплым желанием будешь молиться Иисусу; и опять, — насколько небрежно надзираешь за умом, настолько отдалишься и от Иисуса. И как первое сильно освещает воздух ума, так последнее, — уклонение от трезвения и сладостного призывания Иисуса, — обыкновенно совсем омрачает его. Естественно сему делу быть так, как мы сказали, — и иначе оно не бывает. Это узнаешь ты из опыта, когда, делом испытаешь. Ибо добродетель и особенно такое светородное сладостное делание, обыкновенно не иначе изучается, как опытом.

91. Непрестанное с тёплым некиим желанием, полным сладости и радования, призывание Иисуса производит то, что воздух сердца от крайнего внимания исполняется отрадной тишины. Того же, чтобы сердце совершенно очистилось, виновником бывает Иисус Христос Сын Божий и Бог, всего доброго виновник и Творец. Ибо Он Сам говорит: *Аз Господь Бог, творяй мир* (Ис. 45:7).

92. Душа, будучи благодетельствуема и услаждаема Иисусом, с радованием некиим и любовию воздаёт Благодетелю исповеданием, благодаря и с веселием призывая Умиротворившего её: ибо внутри себя мысленно видит, как Он развевает мечтания злых духов.

93. *И воззре*, говорит Давид, умное *око мое на* мысленных *врагов моих, и востающия на мя лукавнующия услышит ухо мое* (Пс. 91:12-13). И *воздаяние грешникам* зрел я от Бога во мне совершающимся (Пс. 90:8). Когда же нет никаких мечтаний в сердце, тогда ум стоит в естественном своём чине, готов будучи подвигнуться на всякое сладостное созерцание, духовное и боголюбивое.

94. Таким образом, как я сказал, трезвение и молитва Иисусова взаимно входят в состав друг друга, — крайнее внимание в состав непрестанной молитвы, а молитва опять в состав крайнего в уме трезвения и внимания.

95. Добрый педагог и телу и душе есть незабвенная память о смерти, и то, чтобы, минуя всё посреди сущее (т. е. между настоящею минутою и часом смерти), её всегда пред собою зреть, и тот самый одр, на котором имеем лежать, разлучаясь с телом, и прочее.

96. Нельзя, братия, предаваться сну тому, кто хочет всегда пребывать не уязвленным. Но одно из двух неизбежно — или пасть и погибнуть, обнажившись от добродетелей, или всегда стоять (на страже) с вооружённым умом: так как и враг всегда стоит с своим ополчением (подстерегая).

97. Рождается в уме нашем божественное некое состояние от непрестанного памятования и призывания Господа нашего Иисуса Христа, если не будем нерадеть о всегдашнем к Нему во уме молении, о непрерывном трезвении и о приставническом или привратническом деле (т. е. своих пропускать, а чужих отгонять); но воистину одно и одинаковым

образом совершаемое всегда будем иметь дело призывания Иисуса Христа Господа нашего, с горением сердца взывая к Нему, да даст Он нам причаститься (вкусить) Святого Имени Своего (чтобы оно в сердце внедрилось). Ибо учащение (частое повторение одного и того же) есть матерь навыка, как в отношении к добродетели, так и в отношении к пороку; а навык потом державствует, как природа. Пришедши в такое состояние, ум сам уже ищет супостатов, как звероловный пёс зайца в кустах; но сей ищет для того, чтобы пожрать, а тот, — чтобы поразить и разогнать.

98. Итак, всякий раз как случится умножиться в нас лукавым помыслам, ввергнем в среду их призывание Господа нашего Иисуса Христа; и тотчас увидим, что они начнут рассеиваться, как дым в воздухе, — как научил нас опыт. Когда после сего ум останется один (без помыслов смущающих), возьмёмся опять за непрерывное внимание и призывание. Так будем поступать всякий раз, как потерпим такое искушение.

99. Как невозможно нагому телом выдти на войну, или переплыть большое море в одеждах, или жить, не дыша: так невозможно без смирения и непрестанного моления ко Христу научиться мысленной и сокровенной брани, и искусно преследовать её и пресекать.

100. Опытнейший в делах великий Давид говорит ко Господу: *державу мою к Тебе сохраню* (Пс. 58:10) — (т. е. к Тебе обращаясь за помощию). Так и сохранение державы сердечного и мысленного безмолвия, от которого рождаются все добродетели, бывает в нас от содействия Господа, давшего нам заповеди, и отгоняющего от нас, когда непрестанно призываем Его, непотребное забвение, которое паче всего губит сердечное безмолвие, как вода огонь. Посему не предавайся, монах, сну от нерадения на смерть себе; но именем Иисусовым бичуй супостатов, и сие имя сладчайшее, как сказал один[9] мудрый, да прилепится дыханию твоему: и тогда узнаешь ты пользу безмолвия.

101. Когда мы недостойные сподобимся со страхом и трепетом причаститься божественных и пречистых таин Христа Бога и Царя нашего, тогда наиболее покажем трезвения, хранения ума и строгого внимания, да огнь сей божественный, т. е. тело Господа нашего Иисуса Христа, потребит грехи наши, и наши, — малые и большие, — скверны. Ибо, входя в нас, оно тотчас прогоняет из сердца лукавых духов злобы и отпущает нам прежде бывшие грехи; и ум наш тогда оставляется свободным от беспокойной докучливости лукавых помыслов. Если после сего, стоя у дверей сердца, будем тщательно сохранять ум свой, то, когда опять будем сподобляться св. таин, божественное Тело более и более будет просвещать ум наш и делать его блестящим подобно звезде.

[9] Григорий Богослов.

102. Забвение обыкновенно погашает хранение ума, как вода погашает огонь. Но непрестанная молитва Иисусова с неослабным трезвением в конец испаряет его из сердца. Молитва имеет нужду в трезвении, как малая лампадочка в свете свечи (может быть, — как лампада в безветрии, чтобы гореть, как свеча).

103. Должно болезненно пещись о сохранении того, что драгоценно; драгоценно же для нас по истине лишь то, что сохраняет нас от всякого зла, как чувственного, так и мысленного. Это есть хранение ума с призыванием Иисуса Христа, — то, чтобы всегда смотреть во глубину сердца и непрестанно безмолвствовать мыслию — даже, скажу так, и от помыслов, кажущихся десными, и стараться быть пусту от всяких вообще помыслов, дабы не утаились под ними тати. Но, хотя и болезнуем мы, с терпением пребывая в сердце, впрочем утешение близко.

104. Сердце, непрестанно хранимое, которому не попускают принимать виды, образы и мечтания тёмных и лукавых духов, обыкновенно рождает из себя помыслы световидные. Ибо как угль рождает пламень, так много паче обитающий от святого крещения в сердце нашем Бог, если находит воздух сердца нашего чистым от ветров злобы и охраняемым стражбою ума, возжжет мысленную силу нашу к созерцанию, как пламень восковую свечу.

105. Должно всегда вращать в пространстве сердца нашего имя Иисус-Христово, как молния вращается в воздушном пространстве, пред тем, как быть дождю. Это хорошо знают имеющие духовную опытность во внутренней брани. Брань эту мысленную будем вести в таком порядке: первое дело — внимание; потом, когда заметим, что подошёл вражий помысл, бросим на него с гневом слова кляты из сердца; третье за тем дело — помолиться на него, обращая сердце к призыванию Иисуса Христа, да развеется этот демонский призрак тотчас, чтобы иначе ум не пошёл в след этого мечтания, как дитя, прельщаемое каким-либо искусным фокусником.

106. Потрудим себя, подобно Давиду взывая: Господи Иисусе Христе! — Пусть измолчет (голос потеряет) гортань наша; но умные очи наши да не престанут устремляться горе в уповании *на Господа Бога нашего* (Пс. 68:4).

107. Помня всегда притчу о неправедном судье, которую изрек Господь в научение нас, что должно всегда молиться и не унывать (и действуя по ней), — и пользу получим, и отмщение.

108. Как невозможно, чтобы у того, кто взирает на солнце, не блистали сильно зрачки: так невозможно не светиться и тому, кто всегда приникает в воздух сердца.

109. Как невозможно жить теперешнею жизнию без пищи и пития: так без хранения ума и чистоты сердца, — что есть и называется трезвение, — невозможно душе достигнуть чего-либо духовного и Богу угод-

ного, или избавиться от мысленного греха, хотя бы кто страхомъ мук и удерживал себя принудительно от грешения делом.

110. Впрочем и те, которые нуждением некиим воздерживают себя от греха делом, блаженны пред Богом, Ангелами и человеками: потому что *нудящие себя* суть *восхитители Царствия Небеснаго* (Мф. 11:12).

111. Вот что дивно в плодах для ума от безмолвия, — что в нём грехи, стучащиеся сначала в ум только помыслами, чтобы, если будут приняты мыслию, сделаться потом грубыми, чувственными грехами, все отсекаются мысленно во внутреннем нашем человеке добродетелию трезвения, которая не позволяет им входить внутрь и известись в злые дела, мановением и заступлением Господа нашего Иисуса Христа.

112. Образ внешних, чувственно-телесных подвигов есть Ветхий Завет, а св. Евангелие, которое есть Новый Завет, есть образ внимания или чистоты сердечной. И как Ветхий Завет не доводил до совершенства, не удовлетворял и не удостоверял внутреннего человека в деле Богоугождения: *ничтоже бо*, говорит Апостол, *совершил есть закон* (Евр. 7:19), а только грубые прегражда́л грехи (отсекать от сердца помыслы и пожелания порочные для сохранения сердечной чистоты, что есть Евангельская заповедь, выше, чем, наприм., запрещение исторгать око или зуб у ближнего): так разумей, и о телесной праведности и телесных подвигах, о посте, говорю, и воздержании, спании на голой земле, стоянии, бдении и прочих, кои подьемлются обыкновенно из-за тела и страстную часть тела успокаивают от греховных движений. Хорошо, конечно, и это всё, как сказано и о Ветхом Завете (что добр Закон); потому что служит к обучению внешнего нашего человека и к охранению от страстных дел. Но подвиги эти не суть охранители и от грехов мысленных, или возбранители их, т. е. не сильны избавить нас от зависти, гнева и прочего.

113. А чистота сердечная, т. е. блюдение и охранение ума, коего образом служит Новый Завет, если соблюдается нами, как должно, все страсти и всякое зло отсекает от сердца и, искореняет из него, и вместо того вводит в него радость, благонадежие, сокрушение, плач, слёзы, познание себя самих и грехов своих, памятование смерти, истинное смирение, безмерную любовь к Богу и людям и божественное рачение сердечное.

114. Как ходящему по земле невозможно не рассекать этого воздуха: так невозможно сердцу человеческому не быть непрестанно бориму от демонов, или не подлежать скрытным от них воздействиям, хотя бы кто и строго проходил телесные подвиги. .

115. Если о Господе хочешь не по видимости только быть монахом, — благим, кротким и с Богом всегда соединённым, но и по истине быть таковым желаешь; то всеусильно старайся проходить добродетель внимания, которая состоит в блюдении и хранении ума и в установлении

сладостного сердечного безмолвия и, свободного от мечтаний, блаженного состояния души: — дело, которое не во многих найдёшь.

116. Она-то именуется мысленным любомудрием. — И проходи ты её в великом трезвении и тёплом усердии с молитвою Иисусовою, со смирением и непрерывностию, с молчанием чувственных и мысленных уст, с воздержанием в ястии и питии и с удалением от всего греховного, проходи её путём мысленным искусно с рассуждением, — и она с Божиею помощию раскроет тебе то, чего не чаял, даст тебе знание, просветит, умудрит и научит тому, что прежде и в ум приять не имел ты способности, когда ходил во тьме страстей и тёмных дел, будучи погружён в бездну забвения и смятения помыслов.

117. Как долины обильно плодят пшеницу, так она обильно наплодит в сердце твоём всякое добро, — или лучше, сие подаст тебе Сам Господь наш Иисус Христос, без Которого мы ничего творить не можем. И с начала ты найдёшь её лествицею, потом книгою, в коей будешь читать, наконец, более и более преуспевая, найдешь её градом, Иерусалимом небесным, и Христа Израилева, Царя сил, действительно узришь умом, с Единосущным Его Отцем и спокланяемым Духом Святым.

118. Бесы вводят нас в грех всегда лживым мечтанием. Так мечтанием обогащения и корысти настроили они нечестивого Иуду предать Господа и Бога всяческих. Ложными мечтами о телесном довольстве, ничтожном по себе, о чести, богатстве, славе, вовлекли они его в богоубийство, а потом ввергли в самоубийство удавлением и вечную исходатайствовали ему смерть, — совершенно противное тому, что представляли ему в мечтании или прилоге своём, воздав ему, коварные.

119. Вот и смотри, как лживыми мечтаниями и пустыми обещаниями ввергают нас в падение враги нашего спасения. И сам сатана таким же образом спал с небесных высот, как молния, возмечтав о равенстве Богу. Так потом Адама отдалил он от Бога, внушив ему мечту о божеском некоем достоинстве (всезнании); так и всех согрешающих обыкновенно обольщает этот лживый и коварный враг.

120. Горечию от яда худых помыслов исполняется сердце наше, когда, вознерадев по причине забвения, надолго отводимы бываем от внимания и молитвы Иисусовой. Но когда по любви к Божественному, с крепким усердием, прилежно начнём в нашем детелище мысленном (в мысленной мастерской, в сердце) совершать вышереченное (т. е. внимание и молитву, оно опять исполняется сладости в чувстве услаждения божественным некиим радованием. Тогда-то твёрдые полагаем мы намерения всегда ходить в безмолвии сердечном и не ради чего другого, а ради ощущаемой от него в душе приятной сладости и отрадности.

121. Наука наук и искусство искусств есть уменье управляться с злотворными помыслами. Самое лучшее против них средство и искусство — смотреть с помощию Господа за появлением прилога их и мысль

свою всегда хранить чистою, как храним око телесное, им же самим остро-зорко усматривая могущее случайно повредить его и всячески стараясь не допускать до него даже порошинки.

122. Как снег не породит пламени, вода не родит огня, терн — смокв: так сердце каждого человека не освободится от бесовских помыслов, слов и дел, если не очистит своего внутреннего, не сочетает трезвения с молитвою Иисусовою, не стяжет смирения и душевного безмолвия, и не будет со всем усердием тещи, поспешая в предняя. Душа, себе не внемлющая, неизбежно бывает бесплодна на благие и совершенные помышления, подобно бесплодному мулу; потому что и в ней нет разумения духовной мудрости. Воистину призывание имени Иисусова и упразднение страстных помыслов есть сладостное дело, водворяющее мир душевный.

123. Когда душа зле входит с телом в соглашение, тогда они обе вместе созидают град тщеславия и столп гордости, и для обитания в нём (плодят) нечистые помыслы. Но Господь страхом геенны расстраивает согласие их и разделяет их, понуждая госпожу душу мудрствовать и говорить чуждое и противное телу (рабе). От сего страха и разделение между ними происходит: *зане мудрование плотское, вражда на Бога: закону бо Божию не покаряется* (Рим. 8:7).

124. Каждодневные дела наши надобно ежечасно взвешивать, внимая им, а вечером необходимо облегчать бремя их покаянием, сколько сил есть, если желаем, с помощию Христовою, препобедить в себе зло. Надобно также смотреть, по Богу ли, пред лицем ли Бога и для единого ли Бога совершаем мы все свои чувственные и видимые дела, чтобы по неразумию не быть окрадаемыми при сем какими-либо не добрыми чувствами.

125. Если мы с Божиею помощию каждый день приобретаем что-нибудь чрез наше трезвение, то не следует нам без разбора вступать в сношения с другими, чтобы не понесть ущерба от каких-либо соблазнительных бесед; но паче надобно презирать всё суетное за красоту и благотворность этой добродетели (трезвения), прелюбезной и пресладкой.

126. Трём силам души мы должны давать движение правильное, сообразное с их естеством и согласное с намерением создавшего их — Бога. Именно: силу раздражительную надобно подвигать против внешнего нашего человека и против змия — сатаны. *Гневайтеся*, сказано, *и не согрешайте* (Пс. 4:5). Это значит гневайтеся на грех, т. е. на самих себя и на диавола, чтобы не согрешить против Бога. Силу желательную надо устремлять к Богу и добродетели, а мысленную поставим госпожою над обеими ими, чтобы с мудростию и благоразумием, упорядочивала их, вразумляла, наказывала и начальствовала над ними, как царь начальствует над подданными. И тогда сущий в нас разум по Богу будет управлять ими (т. е. когда будет господствовать над ними, а не им покорять-

ся). Хотя страсти и восстают на разум, но мы не перестанем повелевать, чтобы разум правил ими. Ибо брат Господень говорит: *аще кто в слове*[10] *не согрешает, сей совершен муж, силен обуздати и все тело* (Иак. 3:2). Истинно говоря, всякое беззаконие и грех сими тремя силами делаются, и всякая добродетель и правда этими же тремя силами совершаются.

127. Ум омрачается и становится бесплодным, когда монах или поговорит с кем о мирских вещах, или мысленно сам в себе поразглагольствует о них, или когда у него тело с умом суетно займутся чем-либо чувственным, или когда он вообще предается суетности (и суетливости). Ибо в таком случае тотчас непосредственно за тем теряет он теплоту, сокрушение, дерзновение к Богу и ведение (забывает о Боге и порядках Божиих): так что поколику внимаем мы умом, потолику просвещаемся, и поколику не внимаем, — омрачаемся.

128. Кто повседневно стремится к миру и безмолвию ума и усердно ищет его, тот легко презрит всё чувственное, дабы не напрасно трудиться. Если же он какими-либо ложными мудрованиями обманет свою совесть (что не беда быть заняту чем-либо чувственным), то горькою уснёт смертию забвения, о неуснутии коею молится божественный Давид (Пс. 12:4 — *да не когда усну в смерть*). Апостол же говорит: *ведущему убо добро творити, и не творящему, грех ему есть* (Иак. 4:17).

129. Приходит же ум из нерадения опять в свойственный ему чин и трезвение, если тотчас, как сознаем охлаждение, возгоримся ревностию и с тёплым усердием опять восстановим обычное делание ума (трезвение и молитву).

130. Мельничный осёл не может подвинуться вперёд, шагая по колесу, к которому привязан (шагает, а всё на одном месте, пока не остановят колеса): и ум не подвигнется вперёд в совершенство — творной добродетели (т. е. в трезвении, ведущем к совершенству), если не упорядочит своего внутреннего (остановив кружение там помыслов). Ибо таковой слепотствует всегда внутренними очами, не имея возможности видеть добродетель и светозарного Иисуса.

131. Конь добрый и сильный весело скачет, приняв седока: ум же веселием возвеселится во свете Господнем, когда *заутра предстанет* Ему свободным от всяких помышлений (Пс. 5:4). Сам себя разгорячая пойдёт он *от силы* деятельного любомудрия ума в дивную *силу* созерцания и таин неизреченных, и добродетелей; а когда восприимет наконец в сердце своё безмерную глубину возвышенных божественных помышлений, тогда *явится ему Бог богов*, сколько вместимо это для сердца (Пс. 83:8). Поражённый сим ум любовно славит тогда Бога, зримого и

[10] Ἐν λόγῳ, — в слове и в разуме. Преп. Исихий видит у Апостола по-следнее: кто разумом не согрешает.

зрящего, Который ради того и этого спасает так устремляющего к Нему умственный взор свой.

132. Высокую глубину узрит разумно держимое безмолвие сердечное; и дивное услышит ухо убезмолвившегося ума.

133. Путник, начав совершать путешествие далёкое, неудобопроходимое и трудное, и опасаясь на возвратном пути заблудиться, ставит на дороге знаки, как путеуказателей, которые помогли бы ему удобно возвратиться восвояси: а муж, шествующий путём трезвения, пусть ставит (в качестве примет) словеса (слышанные от Отцев), опасаясь и себе того же (т. е. заблудиться в пути или попятиться назад).

134. Но для путника возвращение туда, откуда вышел, есть причина радости; а для трезвенника возвращение назад есть пагуба разумной души и знак отступления от богоугодных дел, слов и помышлений. И будет он, во время смертоносного сна душевного, иметь помыслы, которые, подобно остнам будут будить его (от усыпления), напоминая, в какое глубокое помрачение и расслабление ниспал он, по причине вознерадения своего.

135. Впадши в прискорбности, отчаянности и безнадёжности (— в крайности безвыходные, из которых выпутаться нет надежды), надобно нам и себе то же делать, что делал Давид, — *изливать* сердце своё и *моление свое* пред Богом, и *печаль* свою, как есть, *возвещать* Господу (Пс. 141:3). Ибо мы исповедаемся Богу, яко могущему премудро устроить всё, нас касающееся, — и беду нашу, если полезно, сделать лёгкою (удобоносною и удобоисходною), и избавить нас от пагубной и разрушительной печали.

136. Гнев на людей, не по естеству движимый, печаль не по Богу и уныние — все равно гибельны для добрых и разумных помыслов; но Господь, расточая их нашего ради исповедания, водворяет радость.

137. Помыслы против воли нашей втеснившиеся и стоящие в сердце, обыкновенно изглаждает молитва Иисусова с трезвением из глубин помышления сердечного.

138. Облегчение и радость в скорби от множества бессловесных помыслов обретём мы, когда укорим себя искренно и беспристрастно, — или возвестим всё Господу, будто человеку (присущему нам). Всячески этими двумя способами найдём успокоение от всего (смущающего).

139. Образом ума признаётся Отцами законоположник Моисей, — который Бога видит в купине, лицем прославляется и богом Фараону от Бога богов поставляется; потом казнями поражает Египет, изводит из него Израиля и даёт закон. Всё сие, будучи принимаемо иносказательно, в смысле духовном, изображает действия и преимущества ума.

140. А образом внешнего человека служит Аарон, брат законодателя. Итак, с гневом возводя на него (внешнего человека) обвинения, будем говорить и ему мы, как Моисей погрешившему Аарону: чем оне-

правдовал тебя Израиль (ум, зряй Бога), что ты поспешил сделать его отступником от Господа Бога Живого Вседержителя (помыслами своими отвлёк его от созерцания Бога в трезвении) (Исх. 32:21)?

141. В числе других многих добрых примеров Господь, приступая к воскрешению Лазаря из мёртвых (тем, что *запрети духу*), показал и тот, что нам надобно строгим запрещением обуздывать душу, когда она женоподобно вдаётся в расслабляющую чувствительность и вообще стараться установить в себе жёсткий (к себе) нрав, который, — разумея самоукорение, — умеет избавлять душу от самоугодия, тщеславия и гордости.

142. Как без большого корабля нельзя переплыть морской пучины: так без призывания Иисуса Христа невозможно изгнать прилога помысла лукавого.

143. Прекословие обыкновенно преграждает дальнейший ход помыслам, а призывание имени Иисус-Христова изгоняет их из сердца. Как только образуется в душе прилог представлением чувственного какого-либо предмета, как то: оскорбившего нас человека, или женской красоты, или сребра и злата, или когда всё это одно за другим побывает в мысли нашей; тотчас обличается, что привели в такое мечтание сердце наше духи: — злопамятства, блуда и сребролюбия. Если ум наш опытен, обучен и навык блюсти себя от приражений и видеть ясно, как днём, обольстительные мечтания и прелести лукавых; то тотчас отпором, прекословием и молитвою Иисус-Христовою легко угашает разжженные стрелы диавола, не позволяя страстному мечтанию увлекать в след себя и наши помыслы, а помыслам сим согласоваться с призраком прилога, или дружелюбно беседовать с ним и вдаваться в многомыслие, или сосложиться с ним, — за чем с некоторою необходимостию, как ночи за днём, следуют худые дела.

144. Если же ум наш неопытен в деле бодренного трезвения, то тотчас сцепляется пристрастно с представившимся ему прилогом, какой бы он ни был, и начинает с ним собеседовать, получая неподобные вопросы и давая такие же ответы. Тогда наши помыслы смешиваются с демонскими мечтаниями, которые вследствие того ещё более распложаются и размножаются, чтобы показаться прельщаемому и уловляемому уму более любезными, красивыми и привлекательными. Тогда ум наш страждет нечто подобное тому, как если бы на какой-нибудь равнине, где пасутся незлобивые агнцы, появился пёс и агнцы, как только он появился, подбегали бы к нему часто, как к матери своей, никакой от приближения к нему не получая пользы, а только заимствуя от него нечистоту и зловоние. Таким же точно образом и наши помыслы подбегают по неопытности ко всем бесовским в уме мечтаниям и, как я сказал, перемешиваются с ними, так что можно положить, что те и другие вместе держат (между собою) совещание, — чтобы такое следовало устроить, чтобы

привесть в дело посредством тела то, что так красным и сладким показалось им под действием бесовского обольщения. Так-то устрояются наконец внутри падения души; после чего, будто по необходимости какой, износится уже и вовне то, что созрело там внутри сердца.

145. Ум наш есть нечто легкодвижное и незлобивое, легко отдающееся мечтам и неудержимо падкое на помыслы греховные, если не имеет в себе такого помысла, который, как самодержец над страстями, удерживал бы его непрестанно и обуздывал.

146. Созерцание и ведение обыкновенно бывают путеводителями и виновниками строгой жизни чрез то, что сердце, ими восхищенное горе, приходит в презрение земных удовольствий и всякой чувственной сласти житейской, как вещей ничтожных.

147. И обратно, жизнь внимательная, во Христе Иисусе совершаемая, бывает отцем созерцания и ведения и родителем божественных восхождений и мудрейших помышлений, сочетавшись с супругою — смирением, как говорит божественный пророк Исаия: *терпящии Господа изменят крепость, окрылатеют аки орли* (Ис. 40:31).

148. Слишком строгим и тяжёлым кажется людям — душевно безмолвствовать от всякого помысла. И воистину это притрудно и приболезненно: ибо не одним только непосвящённым в тайны духовной брани, до боли тяжело бестелесное заключать и удерживать в телесном доме, но и тем, которые искусились во внутренней невещественной брани. Но кто непрестанною молитвою содержит в персях Господа Иисуса, тот, по Пророку, *не утрудится последуя Ему и дне человеча не пожелает* (Иер. 17:16), ради красоты, приятности и сладости Иисуса, и врагов своих — нечистых демонов, ходящих вокруг его, не постыдится, но *возглаголет к ним во вратах* сердца (Пс. 126:5), и вспять прогонит их Иисусом.

149. Душа, воспаривши по смерти на воздух ко вратам небесным, и там не постыдится врагов, имея за себя с собою Христа; но и тогда, как ныне, дерзновенно возглаголет к ним *во вратех*. Только до самого исхода своего да не скучает она день и ночь взывать к Господу Иисусу Христу, Сыну Божию; и Он сотворит отмщение её вскоре, по неложному божественному обетованию Своему, которое изрёк Он в притче о неправедном судие: *ей глаголю вам сотворит отмщение вскоре* (Лк. 18:8), — и в настоящей жизни и по исходе её из тела.

150. Плывя по мысленному морю, дерзай о Иисусе; ибо Он Сам внутри тебя — в сердце твоём, таинственно взывает к тебе: *не бойся Иакове, малый Израилю, Аз Бог твой, держай десницу твою* (Ис. 41:13-14). *Аще убо Бог по нас*, какой лукавый *на нас* (Рим. 8:31)? По нас Бог, Который ублажил чистых сердцем и законоположил, чтобы Сладчайший Иисус Единый Чистый божественно наитствовал чистые сердца

и обитал в них. Не престанем же, по божественному Павлу, обучать ум свой ко благочестию (1 Тим. 4:7).

151. Насладится, по Давиду, множеством мира (Пс. 36:11), кто не приемлет лица человеческого, судя неправду в сердце своём, т. е. кто не приемлет образов лукавых духов и чрез сии образы не умышляет греха, но строго судя и строгий произнося приговор на земле сердца своего, воздаёт греху должное. Великие и мудрые Отцы в некоторых писаниях своих и демонов называют человеками, по причине их разумности. Так и в Евангелии Господь говорит: *враг человек сие сотвори* (Мф. 13:55), т. е. всеял среди пшеницы и плевелы (разумея диавола; ибо потом сказал: *всеявый есть диавол*). Поелику мы не оказываем тотчас прекословия этим делателям зла, то сего ради и преодолеваемы бываем помыслами.

152. Если, начав жительствовать во внимании ума, с трезвением сочетаем смирение и с прекословием совокупим молитву, то будем добре шествовать мысленным путём, как с светильником света, с покланяемым и святым именем Иисуса Христа, — как выметая и очищая от греха, так и украшая и убирая дом сердца своего. Если же на одно своё трезвение или внимание понадеемся, то скоро, подвергшись нападению врагов, падём, быв низринуты. И начнут тогда во всём одолевать нас эти коварнейшие злокозненники, а мы начнём больше и больше опутываться злыми пожеланиями, как сетями, — или и совершенному закланию подвергнемся от них, не имея в себе победоносного меча, — имени Иисус-Христова. Ибо только сей священный меч, будучи непрестанно вращаем в упраздненном от всякого образа сердце, умеет обращать их вспять и посекать, попалять и поядать, как огонь солому.

153. Дело непрестанного трезвения, душеполезное и многоплодное, есть — тотчас усматривать образующиеся в уме мечтательные помыслы. Дело прекословия — обличать и выставлять на позор помысл, покушающийся войти в воздух ума нашего посредством представления какого-либо чувственного предмета. То же, что тотчас погашает и рассеявает всякое умышление сопротивоборцев, всякое слово, всякую мечту, всякого идола и всякий столп злобы, есть призывание Господа. И мы сами видим в уме державное поражение их от Иисуса, великого Бога нашего, и отмщение Им за нас смиренных, бедных и ни к чему не годных.

154. Что помыслы наши ничто иное суть, как одни мечтательные образы вещей чувственных и мирских, этого многие не знают. Когда же побудем мы подолже трезвенно в молитве, тогда молитва освобождает наш ум от всякого вещественного образа лукавых помыслов и даёт ему познавать словеса супостатов (м. б. значение помыслов вообще, что они суть, — или планы и виды врагов при всевании помыслов), и ощутить пользу молитвы и трезвения. *Обаче очима твоима смотриши, и воздаяние грешников* мысленных мысленно и сам *узриши* и уразумеешь (Пс. 90:8), как говорит блаженный Псалмопевец Давид.

155. Будем, если можно, непрестанно памятовать о смерти: ибо от этого памятования рождается в нас отложение всех забот и сует, хранение ума и непрестанная молитва, беспристрастие к телу и омерзение ко греху, и почти, если сказать правду, всякая добродетель, живая и деятельная, из него проистекает. Посему будем, если возможно, делать это дело столь же непрерывно, как непрерывно наше дыхание.

156. Сердце, совершенно отчуждившись от мечтаний станет рождать помышления божественные и таинственные, играющие внутри его, как играют рыбы и скачут дельфины в спокойном море. Море веется тонким ветром, и бездна сердца Духом Святым. *И понеже есте сынове*, говорит Апостол, *посла Бог Духа Сына Своего в сердца ваша, вопиюща, Авва Отче* (Гал. 4:6)!

157. Усомнится и поколеблется всякий монах взяться за духовное делание прежде отрезвления ума, — потому ли, что не познал ещё красоты его, или потому, что познавши, бессилен решиться на это по недостатку ревности. Но это колебание несомненно рассеется, коль скоро он вступит в делание хранения ума, которое есть и именуется мысленным любомудрием, или деятельным любомудрием ума. Потому что тогда обретёт он путь, Который сказал: *Аз есмь путь, и воскресение и живот* (Ин. 14:6).

158. Опять восколеблется он, видя бездну помыслов и толпу младенцев вавилонских: но и это колебание рассеявает Христос, если основанием ума непрестанно в Нём утверждаемся и младенцев вавилонских отбрасываем, разбивая о камень сей (Пс. 136:9), — исполняя, как говорится, желание своё на них (своё против них негодование). Ибо, как говорит Премудрый, — *храняй заповедь не увесть глагола лукава* (Еккл. 8:5). И Господь говорит: *без Мене не можете творити ничесоже* (Ин. 15:5).

159. Тот подлинно есть истинный монах, кто держит трезвение, и тот есть истинный трезвенник, кто в сердце монах (у кого в сердце только и есть, что он да Бог).

160. Жизнь человеческая простирается вперёд с чередованием годов, месяцев, недель, дней и ночей, часов и минут. Вместе с ними надлежало бы и нам до самого исхода простирать вперёд (к совершенству) добродетельные делания, разумею — трезвение, молитву, сладость сердечную, при неослабном безмолвии.

161. Найдет, наконец, и на нас час смертный, — придёт, и избежать его нельзя; и — о, если бы воздушный князь мира, пришедши тогда, нашёл беззакония наши малыми и ничтожными, чтобы не мог справедливо обличить нас! — Иначе восплачемся тогда, хотя уже бесполезно. Ибо *раб*, как говорит Господь, *ведевый волю Господина своего, и не сотворив, биен будет много* (Лк. 12:47).

162. Горе погубившим сердце! И что сотворят они, когда посетит Господь (Сир. 2:14)? — Возьмёмся же, братия, по-ревностнее за дело сердца.

163. За простыми и бесстрастными помыслами следуют страстные, как узнали мы из долговременного опыта и наблюдения; и первые служат входом для последних, бесстрастные для страстных.

164. Воистину надлежит человеку на двое рассечь себя произволением, надобно ему разодрать себя мудрейшим помышлением, воистину врагом самому себе непримиримым подобает стать ему. Какое кто имеет расположение к человеку, крайне его оскорбившему и обидевшему, такое же, или ещё худшее, должны мы иметь и к самим себе, если хотим исполнить величайшую и первейшую заповедь, т. е. блаженное смирение, — Христово жительство, воплощённую жизнь Бога. Посему Апостол говорит: *кто мя избавит от тела смерти сея* (Рим. 7:24)*? Закону бо Божию не покаряется* (Рим. 8:7). Показывая же, что покорять тело под волю Божию есть одно из лежащих на нас дел, сказал: *аще бо быхом себе разсуждали, не быхом осуждени были. Судими же, от Господа наказуемся* (1 Кор. 11:31-32).

165. Начало плодоносия — цвет; а начало трезвения ума — воздержание в пище и питии, отвержение и отсечение всяких помыслов и сердечное безмолвие.

166. Когда, возмогая о Христе Иисусе, начнём мы тещи в трезвении твёрдо установившемся; тогда сперва является нам в уме как бы светильник какой, держимый нами рукою ума и руководящий нас на стези мысленные, — потом, как бы луна в полном свете, вращающаяся на тверди сердечной, — наконец, как солнце, — Иисус, подобно солнцу сияющий правдою, т. е. показующий Себя Самого и Свои всесветлые светы созерцаний.

167. Сие-то таинственно открывает Он уму, с непрерывным рвением хранящему заповедь Его, которая говорит: *обрежите жестокосердие ваше* (Втор. 10:16). — Да, дивным истинам, как уже сказано, научает человека тщательное трезвение. Божество нелицеприятно. Почему Господь говорит: *слышите Меня и уразумейте; иже бо имать, дастся ему, и преизбудет ему; а иже не имать, и еже имать, возметься от него* (Мф. 13:12-13); и ещё: *любящим Бога вся поспешествуют во благое* (Рим. 8:28). Не тем ли паче к этому поспешествуют им сии добродетели (трезвение и молитва)?

168. Не двинется вперёд корабль без воды: не преуспеет нисколько и хранение ума без трезвения со смирением и молитвою Иисус-Христовою.

169. Основание дома — камни; а сей добродетели (хранению ума) и основание и кровля — святое и поклоняемое имя Господа нашего Иисуса Христа. Скоро и легко потерпит кораблекрушение во время бури не-

разумный кормчий, который кораблекрушение распустит, вёсла и паруса бросит в море, а сам ляжет спать: но ещё скорее потоплена будет бесами душа, которая при начинающихся прилогах вознерадит о трезвении и о призывании имени Иисус-Христова.

170. Мы, что знаем, передаём чрез Писание и что видели, проходя путём, о том свидетельствуем желающим, — если захотите принять сказуемое вам. Се — Сам Господь сказал: *аще кто во Мне не пребудет, извержется вон, якоже розга, и изсышет: и собирают ю, и во огнь влагают, и сгарает. А иже будет во Мне, и Аз в нем, той сотворит плод мног* (Ин. 15:5-6). Как невозможно солнцу сиять без света, так невозможно сердцу очиститься от скверны пагубных помыслов без молитвы именем Иисусовым. Если это истинно, как вижу (на опыте), то будем возглашать сие Имя так же часто, как дышем. Ибо оно — свет, а те (помыслы скверные) — тьма; и Он (призываемый Иисус) есть Бог и Владыка, а те — слуги демонские.

171. Хранению ума пристойно и достойно именоваться светородным, молниеродным, светоиспускательным и огненосным. Ибо, истинно сказать, оно одно превосходнее самых великих телесных добродетелей, сколько бы их ни имел кто. Сего-то ради и надлежит называть сию добродетель самыми почётными именами, ради рождающихся из неё светозарных светов. Возлюбившие её, из грешников непотребных, скверных, невежд, несмысленных, неправедных делаются силою Иисус-Христовою, праведными, благопотребными, чистыми, святыми и разумными: и не только это, но и начинают созерцать таинства и богословствовать. Сделавшись созерцателями, они переселяются к оному пречистому беспредельному Свету, прикасаются к Нему неизреченными прикосновениями, с Ним живут и действуют, поелику *вкусили, яко благ Господь*; так что на этих первоангелах явно исполняется слово божественного Давида: *обаче праведнии исповедятся имени Твоему, и вселятся правии с лицем Твоим* (Пс. 139:14). И действительно они только одни истинно и призывают Бога, и исповедаются Ему, и с Ним беседовать всегда любят, любя Его.

172. Горе внутреннему от внешнего; ибо внутрений человек много терпит от внешних чувств. Но потерпев что-либо он должен употребить бичи против этих внешних чувств. Сделавший то, что следует по букве, уже уразумел и то, что следует по умозрению.

173. Если внутренний наш человек трезвится, то, по словам Отцев, он силён сохранить и внешнего. По их же словам, мы и злодеи-демоны, обое сообща совершаем грехи: те в помыслах или мечтательных живописях изображают только пред умом грехи, как хотят, а мы и помыслами внутренне и делами внешне грешим. Демоны, не имея тел дебелых, лишь помыслами, кознями и обольщениями, и себе и нам уготовляют муку. Но если бы эти непотребнейшие не были лишены дебелого тела,

то грешили бы непрестанно и делами; всегда содержа в себе злое произволение, готовое нечествовать.

174. Но молитва сердечная ко Господу разбивает их, и в прах обращает прельщения их. Ибо непрестанно и не леностно призываемый нами Иисус, Бог и Сын Божий, отнюдь не допускает им даже и начать вложение в нас греха, — что называют прилогом, — не допускает ни образ какой-либо показать уму в зеркале мысли, ни проговорить какие-либо слова сердцу. Но если никакой образ не втеснится в сердце, то оно и от помыслов, как мы сказали, будет пусто; потому что демоны обыкновенно чрез помыслы скрытно беседуют с душею и научают её злу.

175. Итак, от непрестанной молитвы мысленный в нас воздух чист бывает от мрачных облаков и ветров духов злобы. Когда же воздух сердца чист, то ничто не препятствует уже сиять в нём божественному свету Иисусову, — если только мы не надымемся тщеславием, самомнением и хвастливым себя выказыванием, не понесёмся к недосязаемому, и не будем за то лишены помощи Иисусовой; потому что Христос ненавидит всё таковое, будучи образцем смирения.

176. Емлемся убо за молитву и смирение, — сии два оружия, коими совокупно с трезвением, как мечем огненным, ополчаются мысленные воители против демонов. Если так будем вести жизнь свою, то каждый день и час можем таинственно радостный иметь праздник в сердце.

177. Восемь главных помыслов греховных, коими объемлется вся область таких помыслов, и от коих все они имеют своё рождение. Все они подходят к дверям сердца и, нашедши его не охраняемым умом, один за другим входят в него, каждый в своё время. Когда какой из этих восьми помыслов, поднявшись к сердцу, войдёт в него, то вводит с собою целый рой нечистых помыслов и, омрачив таким образом ум и сердце, раздражает тело и влечёт его к совершению срамных дел.

178. Но кто блюдёт главу змия (прилог) и гневным прекословием, гневные подобрав слова, как бы пястию биет в лице врага, тот тем самым пресекает брань. Ибо, стерши главу, он избег и помыслов порочных и дел порочнейших. После сего мысль у него пребывает уже неволненною: потому что Бог приемлет его бодрствование над помыслами и в воздаяние за то дарует ему ведение, как надо преодолевать врагов и как надлежит очищать сердце от помыслов, оскверняющих внутреннего человека, о коих так говорит Господь Иисус: *от сердца исходят помышления злая, прелюбодеяния, любодеяния... Сия суть сквернящая человека* (Мф. 15:19-20).

179. Таким-то образом душа может о Господе стать в своём благообразии, красоте и правости, как в начале создана была Богом прекрасною и правою, как говорит великий раб Божий Антоний: «когда в душе ум бывает таким, как следует ему быть по естеству, тогда она бывает вся — добродетель». Он же сказал опять: «быть душе правою есть то же, что

иметь ей ум в естественном состоянии, как создан». И немного ниже опять говорит он: «очистим ум; ибо я верую, что он, будучи всесторонне очищен и пришедши в естественное своё состояние, может сделаться прозорливым и видеть более и далее демонов, имея в себе дающего откровения Господа». Вот что говорил славный Антоний, как сказывает Афанасий Великий в житии Антония.

180. Всякий помысл воспроизводит в уме образ какого-либо чувственного предмета: ибо Ассирианин (враг), будучи сам умною силою, не иначе может прельщать, как пользуясь чем-либо привычным для нас, чувственным.

181. Как невозможно нам, таким человекам, гоняться по воздуху за пернатыми птицами, или летать подобно им, потому что это несвойственно нашему естеству; так невозможно нам избавиться от нетелесных демонских помыслов и свободно устремлять внимательное око ума к Богу, без трезвенной непрестанной молитвы. Если нет в тебе этого, то ты на земле и за земным охотишься.

182. Если истинно хочешь покрыть стыдом помыслы, достодолжно безмолвствовать и без труда трезвенствовать сердцем; да прильпнет к дыханию твоему молитва Иисусова, — и в немного дней увидишь это на деле.

183. Как не следует букв писать на воздухе, а надо их резцом начертывать на каком-либо теле твёрдом; чтобы они могли надолго сохраниться: так с притрудным трезвением своим должно нам сочетавать молитву Иисусову, дабы прекрасная добродетель трезвения вместе с Ним была в нас всегда целою, и чрез Него во веки сохранилась в нас неотъемлемою.

184. Возложи, как сказано, на Господа дела свои и обрящешь благодать, дабы и к нам с тобою не отнеслись слова пророка: *близ еси Ты, Господи, уст их, далече же от утроб их* (Иер. 12:2). Никто другой прочно не умиротворит сердца твоего от страстей, кроме Самого Иисуса Христа, сочетавшего в Себе далеко расстоящее (т. е. Божество и человечество).

185. Равно омрачают душу и мысленные внутри беседы с помыслами, и внешние разговоры и празднословие. Итак тем, которые стараются отвращать от ума своего всё вредное, должно без жалости прогонять и тех и других любителей празднословия, и помыслы и людей, по весьма уважительной по Богу причине, — именно: — дабы ум омрачась не ослаб в трезвении: ибо будучи омрачаемы забвением (от бесед), мы теряем ум (становимся такими, как бы в нас ума не было совсем).

186. Кто со всем рачением хранит чистоту сердца, тот наставником в ней будет иметь законоположителя её Христа, Который таинственно будет изрекать ему волю Свою. *Услышу что речет о мне Господь Бог* (Пс. 84:9), говорит Давид, указывая на это. Изображая же разглагольст-

вие ума с самим собою о мысленной брани и о заступническом в ней покровительстве Божием, говорил он: *и речет человек: аще убо есть плод праведнику* (Пс. 57:12)? А потом, изъявляя состоявшееся вследствие обоестороннего рассмотрения решение, говорит: *убо есть Бог судяй им* — злым демонам *на земли* сердца нашего (там же). И в другом месте говорит он: *приступит человек и сердце глубоко, и вознесется Бог*; и тогда *стрелами младенцев* будут сочтены *язвы их* (Пс. 63:7-8).

187. Будем всегда вести себя, как *наказанные сердцем в мудрости* (Пс. 89:12), непрестанно дыша Иисус-Христом, Бога Отца силою и Божиею Премудростию. Если же, по какой-либо случайности опустившись, вознерадим о сем умном делании; то в следующее утро опять добре препояшем чресла ума нашего и покрепче возьмёмся за дело своё, зная, что нет никакого оправдания нам, *ведущим добро творити*, если не будем творить оного.

188. Как если, когда вредоносные яства, недавно принятые, произведут в теле болезненную тревогу, вкусивший их, лишь только почувствует сей вред, поспешит извергнуть их вон, то остаётся невредимым: так и ум, когда, поглотив принятые им порочные помыслы и почувствовав душевредную горечь их, поспешит молитвою Иисусовою, из глубин сердца возглашаемою, извергнуть их вон и далеко отбросить их от себя, то чрез это избежит всякого от них вреда, как по милости Божией научение от других и вместе с ним собственный опыт предали трезвенствующим разуметь настоящее дело.

189. С дыханием твоим соедини трезвение и имя Иисусово, или помышление о смерти и смирение; ибо то и другое великую доставляет пользу.

190. Господь сказал: *научитеся от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем* (Мф. 11:27).

191. Сказал ещё Господь: *иже убо смирится яко отроча сие, той есть болий во Царствии Небеснем* (Мф. 18:4); *возносяйся же смирится* (Лк. 18:14). — *От Мене*, говорит, *научитеся*. И видишь ли, чему научиться? Смирению. Заповедь Его живот вечный есть; и сия заповедь есть смирение. Следовательно, кто не смирен, тот отпал от живота, и конечно обрящется там, что противоположно ему.

192. Если всякая добродетель творится душею и телом, душа же и тело, коими, как я сказал, совершается всякая добродетель, суть творение Божие; то не крайне ли сумасбродствуем мы, когда величаемся и тщеславимся чуждыми украшениями души и тела? И не тем ли это паче, что, опираясь на гордость, как на тростниковую трость, мы восставляем против себя беспредельного величием Бога, таким крайним беззаконием своим и безумием привлекая на главу страшнейшее Его неблаговоление; ибо *Господь гордым противится* (Иак. 4:6). Вместо того, чтобы подражать Господу в смирении, мы своим тщеславным и гордостным муд-

рованием вступаем в содружество с неистовым врагом Господа гордым диаволом. Посему-то Апостол говорит: *что же имаши, его же неси приял* (1 Кор. 4:7)*?* Разве ты сам себя создал? Если же тело и душу, из которых, в которых и чрез которых всякая добродетель бывает, получил ты от Бога, то *что хвалишися, яко не прием* (там же)? Ибо Господь всё сие тебе даровал.

193. Очищение сердца, чрез которое как смирение, так и всякое, свыше сходящее благо имеется в нас, ничто иное есть, как то, чтобы отнюдь не попускать приражающимся помыслам входить в душу.

194. Хранение ума, с Божиею помощию и ради Единого Бога действуемое, установившись в душе, доставляет уму мудрость в ведении подвигов по Богу. Не малую также причастнику своему доставляет она способность и к тому, чтобы по Богу устроять и внешние дела и слова, с рассуждением безукоризненным.

195. Отличительное в Ветхом Завете первосвященническое украшение [чистая золотая дщица на груди, с надписью: — святыня Господня, — Исх. 28:36] было прообразованием сердечной чистоты, которое внушает нам внимать дщице сердца нашего, не почернела ли она от греха, дабы (если окажется такою) поспешили мы очищать её слезами, покаянием и молитвою. Ум наш есть нечто лёгкое (подвижное), и трудно удержать его от греховных воспоминаний. Можно, впрочем, сказать, что он с равным удобством последует как за худыми, так и за добрыми мысленными мечтаниями.

196. Блажен воистину, кто так прилепился мыслию к молитве Иисусовой, вопия к Нему непрестанно в сердце, как воздух прилежит телам нашим, или пламя к свечке. Солнце, проходя над землёю, производит день; а святое и достопоклоняемое имя Господа Иисуса, непрестанно сияя в уме, порождает бесчисленное множество солнцевидных помышлений.

197. Когда рассеются облака, воздух показывается чистым; когда же Солнцем правды Иисусом Христом рассеются страстные мечтания, тогда обыкновенно в сердце рождаются световидные и звездовидные помышления, по причине просвещения Иисусом воздуха сердечного. Ибо Премудрый говорит: *надеющиися на Господа уразумеют истину, и верни в любви пребудут Ему* (Прем. 3:9).

198. Сказал некто из Святых: «злопамятствуя злопамятствуй на бесов и враждуя враждуй на тело всегда. Плоть — коварный друг, и, будучи довольствуемо, сильнейшую поднимает брань». И ещё: «враждуй против тела и воюй против чрева».

199. В предыдущих главах, составляющих первую и вторую сотню, описали мы труды священного безмолвия ума, представляя не собственного только изыскания плод, но и то, чему божественные глаголы бого-

мудрых Отцев учат нас относительно чистоты ума. Теперь сказав ещё немного в показание пользы хранения ума, кончим слово.

200. Итак прииди, последуй за мною к достижению блаженного хранения ума, кто бы ты ни был, любящий в духе *видети дни благи* (Пс. 33:12), — и я о Господе научу тебя видимому деланию и жительству бесплотных сил. Не насытятся Ангелы, воспевая Творца; не насытится и ум, в чистоте им соревнующий. И как не пекутся о пище невещественные (Ангелы на небе): так не пекутся о ней и вещественные невещественники (люди — трезвенники на земле), когда взойдут на небо безмолвия ума.

201. Как горние силы не пекутся о богатстве и стяжаниях: так и душевное око очистившие и стяжавшие навык в добродетели (трезвения) не пекутся о злобствовании злых духов. И как тех отличает богатство преспеяния совершенства в Боге, — так этих отличают вожделение и любовь к Богу, стремление и восхождение к Божественному. И они, с ненасытимым вожделением от вкушения божественной приводящей в восхищение любви, простираясь в восхождение (горе по степеням совершенства духовного), не остановятся, пока не достигнут уподобления Серафимам, — и не почиют от трезвения ума и вожделетельного возвышения, доколе не сделаются Ангелами о Христе Иисусе Господе нашем.

202. Нет яда, паче яда аспида и василиска; и нет зла, паче зла самолюбия. Исчадия же самолюбия — сии змии летающие, суть сии: самовосхваление в сердце, самоугодие, чревонеистовство, блуд, тщеславие, зависть и вершина всех зол гордость, которая не только людей, но и Ангелов свергает с небес и вместо света покрывает мраком.

203. Сие написал тебе, Феодуле, соименник безмолвия (т. е. Исихий), хотя не безмолвник на деле. Может быть я написал не всё, относящееся к нашему предмету, но всячески то, что подал Бог, во Отце, Сыне и Духе Святом хвалимый и славимый от всего разумного естества: Ангелов и человеков, и от всякой твари, созданной неизреченною Троицею, Богом Единым, Коего светлое Царствие да сподобимся получить и мы, молитвами Пресвятой Богородицы и Преподобных Отцев наших. Ему, Богу непостижимому, вечная слава. Аминь.



Преподобный Филофей Синайский

Краткое сведение о нем [11]

Преподобный отец наш Филофей был Игуменом словесного монашеского стада, что на Синае, и получил от того прозвание Синайского. В какое время он жил и когда скончался, неизвестно. Настоящее, разделенное на 40 глав его слово, прекрасно составленное, исполнено, и сказать нельзя, коль великой духовной мудрости и душеспасительности. Почему сочтено несправедливым отделить его от состава прочих отеческих писаний о трезвении. – И оно требует большего внимания: ибо если б кто назвал его точным истолкованием и верным правилом трезвения, хранения ума и чистоты сердца, не погрешил бы против истины.



[11] Как в славянском Добротолюбии.



Преподобного отца нашего Филофея Синайского 40 глав о трезвении [12].

Есть в нас мысленная брань, более тяжёлая, чем чувственная. Делателю благочестия надобно тако тещи и ту цель преследовать умом, чтоб, как маргарит какой, или камень многоценный, в совершенстве усокровиществовать в сердце память о Боге. Надобно оставить всё, даже тело, и презреть самую жизнь настоящую, чтобы Бога единого стяжать в сердце своём. Ибо св. Златоуст сказал, что умного Боговидения одного достаточно к тому, чтоб истребить лукавых.

2) Ведущие мысленную брань должны со всем усердием избрать себе, по указанию Божественных Писаний, духовные делания и возложить их на ум, как целительные пластыри. Так с утра, говорит некто, должно мужественно и неотступно стоять у двери сердца, с крепкою памятию о Боге и непрестанною в душе Иисус Христовою молитвою, и сею мысленною стражею убивать всех грешников земли, т. е. верною, усиленною и горе восхищающею памятию о Боге посекать, ради Господа, главы сильных и начала брань воздвигающих помыслов: ибо как знаем, и в мысленных подвижнических трудах есть свой некоторый Божественный чин и порядок действования. — Так должно делать нудящим себя (Царствия ради), пока настанет положенное время вкушения пищи. После сего, благодарение воздав Господу, по единому человеколюбию Своему питающему нас двоякою пищею, и духовною и телесною, должно томить себя памятованием и размышлением о смерти. А на следующий день опять надо самодержавно браться за утреннее дело. Ибо и при таком каждодневном образе действования, едва-едва возымеем мы в Господе избегнуть сетей мысленного врага. Такое делание впрочем, утвердившись в нас, рождает следующие три добродетели: Веру, Надежду и Любовь, из коих Вера располагает нас к истинному страху Божию, а Надежда, преодолев рабский страх, приводит человека к любви Божией. Если Надежда не посрамляет, порождая обыкновенно двоякую любовь, на которой висят закон и пророки; то с своей стороны и Любовь нико-

[12] Из Добротолюбия в переводе Феофана.

лиже отпадает, ни в сем веке, потому что здесь в причастнике своём она бывает причиною исполнения Божественных законоположений, ни в будущем.

3) Редко очень можно найти безмолвствующих умом. Это есть принадлежность только тех, которые все средства употребляют к тому, чтоб привлечь к себе Божественную благодать и исполниться истекающим от ней духовным утешением. — Итак, если, подобно им, хотим проходить умное делание, сию философию Христову, в хранении ума и в трезвении, начнём путь сей воздержанием от многих яств, положив принимать пищу и питие, сколько возможно, малою мерою. Трезвение справедливо называется путём, потому что оно ведёт в Царствие, — и то, которое внутрь нас, и в будущее, — и умным детелищем (мысленною мастерскою), потому что оно выделывает и убеляет (полирует) нравы ума и страстное переделывает в бесстрастное. Оно подобно также световому оконцу, чрез которое Бог приникши является уму.

4) Где смирение, память о Боге с трезвением и вниманием и частая против врагов устремляемая молитва, — там место Божие, или сердечное небо, в котором полчище бесовское боится стоять ради того, что в месте сем обитает Бог.

5) Нет ничего разорительнее многословия и зловреднее невоздержного языка; и ничто столько не сильно расстраивать и истреблять богатство душевное. Ибо, что каждый день созидаем в себе, то многословие снова разоряет и, что трудом собираем, то чрез языкоболие душа снова расточает. Что хуже сего (языка невоздержного)? Он — неудержимое зло. Надобно положить ему предел, обуздать его и стеснить, и, скажу так, заставить его служить только нужде. — И кто может высказать весь душевный вред, происходящий от (невоздержного) языка?

6) Первая дверь, вводящая в мысленный Иерусалим, во внимание ума, есть разумное молчание уст, хотя ум ещё и не безмолвствует; вторая — мерное (малою мерою определённое) воздержание в пище и питии; третья, очищающая ум и тело, — непрестанная память и размышление о смерти. Узрев однажды красоту сей последней, и, духом, а не оком, уязвившись и усладившись ею, я возжелал стяжать её себе в сожительницу на целую жизнь, возлюбив её благообразие и благолепие. Как она смиренна, радостопечальна, задумчива, как страшится будущего праведного истязания и как боится продления (случайностей) жизни! Из чувственных очей своих она обычно источает целительную живую воду, а из очей мысленных — обильный источник премудрых помышлений, который теча и скача веселит разум. Эту-то, как я сказал, дщерь Адамову, т. е. память о смерти, жаждал я всегда иметь сожительницею себе, с нею спать, с нею беседовать и вместе с нею исследовать, что имеет быть со мною по отложении тела сего; но часто не позволяло мне этого пагубное забвение — сия омрачённая дочь даавола.

7) Есть брань, в которой духи злобы в тайне сражаются с душею посредством помыслов. Ибо как душа невидима, то зложелательные оныя силы, сообразно с её существом, и нападают на неё невидимою бранию. И можно видеть, как у тех, так и у ней, и оружия, и планы (расположения войск и ведения брани), и обманчивые ухищрения и устрашительные нападения (стремительный натиск, чтоб устрашить), и обоюдные рукопашные схватки, и победы и поражения с той и другой стороны. Одного только недостаёт в этой мысленной, описываемой нами брани, сравнительно с бранию чувственною, определённого времени объявления войны. Для чувственной брани обыкновенно определяется время и свои, в отношении к ней соблюдаются, порядки; а эта (мысленная) без предъявления внезапно приражается окрест самых глубин сердца, и получив жребий (избирательные; иначе: взяв перевес чрез согласие сердца на внушаемое), убивает душу посредством греха. Чего ради и для чего воздвигается против нас это, ратование и борьба? Того ради, да не будет исполняема нами воля Божия, о коей молимся, говоря: *да будет в нас воля Твоя* (Лук. 11, 2), т. е. заповеди Божии. И если кто, установив ум свой, от блуждания в совершенной трезвенности в Господе, станет тщательно наблюдать за их (врагов невидимых) вторжениями (в сердце), и соплетениями (схватками с трезвящимся умом), происходящими в мечтаниях фантазии, тот узнает это из опыта. Посему и Господь, цель Свою направляя против злобных демонов, и, как Бог провидя их замыслы, в противность их цели постановил Свои заповеди, с угрозою нарушителям их.

8) Когда приобретём некоторый навык в воздержании и удалении от видимых зол, производимых пятью чувствами; то после сего возможем и сердце своё блюсти с Иисусом и просвещаться в нём от Него, и с тёплым некоторым расположением вкушать умом благости Его. Ибо не для другого чего приняли мы закон очищать сердце, как для того, чтоб, когда облака злых помыслов изгнаны будут из атмосферы сердца и разогнаны непрерывным вниманием, мы могли как в ясный день, чисто видеть Солнце правды — Иисуса, и сколько-нибудь просветиться в уме словами величествия Его; ибо обыкновенно они открываются не всем, а только тем, кои очищают смысл свой.

9) Мы должны каждодневно держать себя в таком настроении, в каком надлежит являться пред лицем Бога. Ибо Пророк Осия говорит: *милость и суд храни, и приближайся к Богу твоему выну* (Ос. 12, 6). Опять и Пророк Малахия от лица Божия говорит: *сын славит отца и раб господина своего убоится: и аще Отец есмь Аз, то где слава Моя? и аще Господь есмь Аз, то где есть страх Мой, глаголет Бог Вседержитель* (1, 6). Тоже и Апостол пишет: *очистим себе от всякия скверны плоти и духа* (2 Кор. 7, 11). И премудростъ внушает: *всяцем хранением блюди твое сердце: от сих бо исходище живота* (Прит. 4, 23). И

Сам Господь Иисус Христос заповедует: *очисти внутреннее стклянице, да будет и внешнее чисто* (Мф. 23, 26).

10) Плодом неуместных пустых бесед бывает иногда ненависть к нам от тех, кои слушают; иногда же укор и осмеяние, когда зазрят они неразумие речей наших; иногда осквернение совести, а иногда осуждение от Бога и опечаление Духа Святого: что ужаснее всего другого.

11) Тому, кто очищая сердце своё и с корнем исторгая из него грех о Господе, труд прилагает ко стяжанию Божественного ведения и успевает узреть умом незримое для многих, не должно возноситься из-за того над кем-либо. Что между тварями чище бестелесного, и что многоведущее Ангела? Однакож и он вознесшись низвержен с неба, как молния. Его высокоумие вменено ему Богом в нечистоту. — Известно, как действуют выкапывающие из земли золото (т. е. будь под всеми, как они под землёю, чтоб достать золото ведения).

12) Апостол говорит: *подвизаяйся от всех воздержится* (1 Кор. 9, 25). Ибо невозможно с насыщенным пищею чревом ополчаться против начал, против невидимых зложелательных сил, тем, кои связаны сею плотию, тяжёлою и всегда похотствующею на духа. *Несть бо Царствие Божие брашно и питие* (Римл. 14, 17). *Мудрование плотское вражда есть на Бога: закону бо Божию не покоряется, ниже бо может* (Рим. 8, 7). Не может, очевидно, ради того, что будучи земно, составлено из соков, крови и мокрот, к земному всегда имеет пристрастие и услаждается погибельными удовольствиями настоящего века. *Мудрование бо плотское смерть есть: сущии же во плоти Богу угодити не могут* (Рим. 8, 8).

13) Потребно нам великое смирение, если искреннее имеем попечение о хранении ума в Господе, во-первых, в отношении к Богу, и (во-вторых) в отношении к людям. Всячески всегда должны мы сокрушать своё сердце, изыскивая и в дело вводя всё, могущее смирять его. Сокрушает же и смиряет сердце, как известно, память о прежней нашей в мире жизни, если она припоминается нами, как следует. Также память о всех грехах от юности, когда кто пересматривает их умом по частям, обыкновенно и смиряет, и слёзы рождает, и ко всесердечному благодарению Бога подвигает нас, как и всегдашняя действенная (до чувства доводимая) память о смерти, которая притом рождает и плач радостный со сладостию и трезвение ума. Преимущественно же смиряет мудрование наше и располагает потуплять очи в землю воспоминание о страстях Господа нашего Иисуса Христа, когда кто проходит их в памяти и все подробно воспоминает. Это подаёт также и слёзы. Сверх того истинно смиряют душу великие Божие благодеяния, именно к нам, когда кто подробно перечисляет их и пересматривает: ибо мы имеем брань с гордыми (неблагодарными Богу) демонами.

14) Не чуждайся из самолюбия этих спасительных врачевств душевных, если ты таков, что имеешь в них нужду. Ибо иначе ты уже не ученик Христов, и не подражатель Павла, который говорит о себе: *несмь достоин нарещися Апостол* (1 Кор. 15, 9); а в другом месте сознаётся, что был прежде хульником, гонителем, и досадителем (1 Тим. 1, 13). — Видишь ли, горделивец, вот и Святой, а не забывал прежней своей жизни? Да и все Святые, от начала создания до ныне, облачались в это последнейшее святое одеяние Божие (т. е. в смирение). Сам Господь наш Иисус Христос, будучи Бог непостижимый, недоведомый и неизглаголанный, в продолжение всей Своей во плоти жизни, облечён был в смирение; так что св. смирение праведно должно именоваться и Божественною добродетелию, и Владычнею заповедию и облачением. Также Ангелы, и все оные светлые Божественные силы, проходят и хранят сию добродетель, ведая, каким падением пал возгордившийся сатана, и как он в пример того, как надлежит страшиться падения (в сей грех) Ангелам и людям, лежит, лукавый, в бездне, за гордость свою явленный бесчестнейшим пред Богом паче всякой другой твари. Знаем мы и то, каким падением пал Адам из-за гордости. Имея пред очами такие примеры сей высокотворной добродетели, будем всегда смирять себя всячески, сколько сил есть, пользуясь указанными выше врачевствами. Смирим себя душею и телом, и в мудровании, и в желании, и в речах, и в помышлениях, и во внешнем виде, и внешно и внутренно. О чём особенно надобно заботиться, это — чтоб сущий за нас Иисус Христос, Сын Божий и Бог, не стал против нас. *Ибо Господь гордым противится, смиренным же дает благодать* (Прит. 3, 34). *Не чист пред Господом всяк высокосердый* (Прит. 16, 5); *смиряяй же себе вознесется* (Лк. 18, 14). *Научитеся от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем*, говорит Спаситель (Мф. 11, 29). — Внимати убо подобает.

15) *Внемлите себе*, говорит Господь, *да не когда отягчают сердца ваши объяденiем*, и проч. (Лк. 21, 34). *Подвизаяйся же от всех воздержится*, по слову Апостола (1 Кор. 9, 25). Ведая все такие изречения, к нам обращённые в Божественном Писании, будем проводить жизнь свою в воздержании. Прежде всего, оставя многообразие яств, приучим тело своё к обычаю и чину добродетельному, давая ему пищи в меру. Ибо таким образом легко укрощаются и подчиняются разуму взыграния похоти, а если полную, по всему убеждению, говорить правду, то и движения гнева. Но и от других прегрешений удобнее при этом воздержаться, так как и добредетелию то почитается у тех, кои самим делом и опытом проходят добродетели, всестороннее воздержание, т. е., чтоб удаляться от всякого вида зла. Так-то причина чистоты, после Бога, всех благ источника и подателя, есть равное на всякий день и мерою определённое воздержание от многоястия.

16) Как сатана, сопротивляясь Богу, в желании, чтоб не была исполняема воля Божия, т. е. заповеди, чрез нас воюет против Бога тем, что покушается воспрепятствовать исполнению её: так опять Бог желая, чтоб нами была исполняема святая воля Его, то есть, как я сказал, Божественные и животворные заповеди, чрез нас при Своём мановении, разоряет пагубное намерение лукавого. Безумное желание врага, сопротивляться Богу тем, чтоб увлекать к преступлению заповедей Его, Бог Сам низвращает чрез человеческую немощь. И посмотри, не так ли это бывает? — Все Божественные заповеди полагают законы для троечастности души, и делают её здравою посредством того, что повелевают. Кто строго следует им, у того сия троечастность соделывается истинно здравою. Но против этой же троечастности души день и ночь ведёт войну и диавол. Если же сатана ведёт войну против троечастности; ясно, что он воюет чрез то против заповедей Христовых: ибо Христос чрез заповеди облагает законом троечастность души, т. е. раздражительную, пожелательную и мыслительную силы души. — И смотри: угроза, что гневающийся на брата своего всуе, повинен есть суду (Мф. 5, 22), и следующие за тем Его заповедания, — се врачевания раздражительной части. Эту заповедь, и прочие положенные вместе с нею, враг покушается низвратить внутри посредством помыслов любопрительства, злопамятства и зависти. Знает этот противоборец (наш и Божий), что правитель раздражительной части есть сила мысленная. Почему в неё прежде и пускает стрелы посредством помыслов, как я сказал уже, подозрения, зависти, любопрения, сварливости, лукавства, тщеславия, и склоняет мысленную силу сложить с себя свойственную ей власть, и отдав бразды самому раздражению, оставить его без всякого управления. Тогда раздражение, отбросив своего управителя, без удержи износит чрез уста в словах всё, что прежде вложено было в сердце, что усокровиществовано было в нём дотоле посредством вражеских помыслов, при нерадении ума. Сердце является тогда исполненным не Духа Божия и не Божественных помышлений, а злобы (неукротимой): ибо как говорит Господь, уста говорят от избытка сердца (Лк. 6, 45). Когда же таким образом, лукавый доведёт человека до того, что он изгрыгать начнёт в словах то, что прежде скрытно замышлялось внутри; тогда этот пленник (вражий) не *рака* только, или *юрод* скажет брату своему, но наговорит самых досадительных слов, а дальше дойдёт и до убийства. — Вот какие козни употребляет лукавый в отношении к данной нам Богом заповеди не гневаться всуе. — А ведь можно бы и не дойти до досадительных слов, а далее и до того, что за ними следует, если б тотчас по приражении раздражения, молитвою и вниманием к тому, что происходит внутри, были изгнаны из сердца (разжигающие его мысли). Так-то душегубец достигает злой цели своей только тогда, как найдёт кого, по воздействию

вложенных им в сердце помыслов, готовым нарушить Божественную заповедь.

17) А пожелательной части что предписано Божественною Владычнею заповедию? *Воззревый на жену, ко еже вожделети ея, уже любодействова с нею в сердце своем* (Мф. 5, 24). — И какую же против сей заповеди сеть сплетает в уме злодей, видя, что дана такая заповедь? Так как предметы, могущие раздражить вожделение отдалены, то он подступает внутрь, и там поднимает похотную брань против сказанной заповеди. — Это производит он тем, что живописует и печатлеет в душе блудные образы; бывает, что даже и слова слышатся, возбуждающие на страсть; бывает и другое многое, что знают искусившиеся в мысленных бранях.

18) Какая, наконец, заповедь даёт руководительные правила силе умственной? *Аз же глаголю вам: не клятися всяко. Буди же слово ваше: ей и ни* (Мф. 5, 34). Ещё: *иже не отречется всего своего имения, не может быти Мой ученик* (Лк. 14, 33). И: *внидите узкими враты* (Мф. 7, 13). Таковы заповеди для мысленной части! — Противоборец наш, желая и эту мысленную силу, как доблестного какого воеводу, сделать подручною себе, сначала отнимает у ней здравомыслие посредством помыслов чревоугодия и нерадения; лишив же её таким образом свойственной ей власти над другими силами, и посмеявшись над нею, как над пьяным вождём, заставляет исполнять свои внушения и хотения, употребив пособниками себе в этом раздражительность и похотение. Силы же эти, похотная, т. е., и раздражительная, оставлены будучи силою мысленною, начинают все пять чувств наших обращать, как слуг покорных, в орудие к явным грехам. И вот какие вследствие того бывают согрешения и падения! Когда ум извнутрь не обуздывает и не вяжет чувств; тогда глаза всюду разбегаются из любопытства, уши любят слушать суетное, обоняние изнеживается, уста становятся неудержимыми, и руки простираются осязать то, что не должно. За этим последуют вместо правды неправда, вместо мудрости — неразумие, вместо целомудрия — блудничество, вместо мужества — боязливость. А эти четыре главные добродетели, т. е., правда, мудрость, целомудрие и мужество такого суть рода, что если они здравы и в силе в душе, то добре управляют тричастностию души; добре же управляемая тричастность удерживает чувства от всего безместного. И тогда ум пребывая в тишине, при управлении прочих сил по Божьему и при послушности их, удобно одерживает верх в мысленной брани. Когда же по невниманию допустит он придти в смятение прочим силам, тогда, будучи преодолеваем прилогами лукавого, преступает он Божественные заповеди. За преступлением же заповедей всячески следует, или соответственное покаяние, или мука в будущем веке. Итак, доброе есть очень дело, чтобы ум всегда трезвенство-

вал; ибо чрез это, установившись так, как свойственно ему стоять по естеству, соделывается он истинным хранителем Божественных заповедей.

19) Душа (грехолюбивая), как стеною будучи ограждена и окружена духами злобы, связуется узами мрака, — и по причине этого окружающего её мрака не может молиться как следовало бы: ибо связуется им втайне (в сокровенностях и глубинах своих, или сама не ведая как), и слепотствует внутренними очами. Но когда она (пришедши в себя) положит начало молитвенному к Богу прибеганию и станет по силе трезвенствовать в молитве; тогда мало по малу начинает она разрешаться силою молитвы и от тьмы: иначе же разрешиться от ней нет никакой возможности. В это время познаёт она, что есть внутрь в сердце иное борение, иное сокровенное противоборство, иная война в помыслах, от духов злобы возбуждаемых, как свидетельствует и Святое Писание, когда говорит: *аще дух владеющаго взыдет на тя, места твоего не остави* (Еккл. 10, 4). Место же ума есть твёрдое стояние его в добродетели и трезвении. — Есть стояние и в добродетельной и в грешной жизни. Ибо Писание говорит: *Блажен муж, иже не иде на совет нечестивых и на пути грешных не ста* (Пс. 1, 1). И Апостол учит: *станите препоясаны чресла ваша истиною* (Еф. 6, 14).

20) Крепко накрепко да держим Христа; ибо немало таких, кои всячески покушаются поять Его из души. И сами не допустим до того, чтоб Иисус уклонился, *народу* (толпе) помыслов *сущу на месте* души (Ин. 5, 13). Но удержать Его невозможно без болезненного труда душевного. Потрудимся осязать следы жития Его во плоти, чтобы и свою жизнь проводить нам смиренно. Восприимем в чувство страсти Его, чтоб соревнуя Ему, терпеливо переносить всё скорбное. Вкусим неизреченного Его смотрительного о нас снисхождения, чтобы от сладкого вкушения сего душею, познать нам, сколь благ Господь. Над всем же сим, или прежде всего сего, да веруем Ему несомненно во всём, что говорит Он, и каждодневно да чаем промышления Его, на нас обращённого, и что ни случится, что ни встретим, будем принимать то с благодарностию, любовию и радостным довольством, да научимся смотреть на Единого Бога, Который всем управляет по Божественным законам премудрости Своей. Когда сделаем всё это, тогда недалеко будем от Бога. (Да ведаем притом, что) благочестие есть конца не имеющее совершенство, как сказал некто из Богоносных и совершенных в духе мужей.

21) Кто добре искупая время жизни своей, непрестанно бывает занят помышлением и памятию о смерти, и чрез это самое мудро исхищает ум из страстей; тот обыкновенно острее зрит повсечастные приражения бесовских прилогов, нежели тот, кто проводит жизнь без памяти смертной, надеясь очистить сердце действием одного разума, а не тем, чтобы всегда хранить печальную и плачевную мысль. Таковой, мняся своим быстроумием держать в руках все пагубные страсти, не ведая, как

связуется одною, худшею всех, — падает в высокоумие (как чающий преуспеть в чём-либо) без Бога. Ему надлежит сильно трезвиться, чтобы за надмение не лишиться смысла. Ибо как говорит Апостол Павел (1 Кор. 8, 1), души отсюда и оттуда набирающиеся знания, обыкновенно надымаются пред теми, которые, как им кажется, меньше их знают, по той причине, как я думаю, что в них нет искры назидающей любви. А кто имеет непрестанное помышление о смерти, тот острозорче, чем тот, кто не имеет его, замечая приражения демонов, удобно прогоняет их и попирает.

22) Сладостная память о Боге, т. е. Иисусе, с гневом сердечным и огорчением спасительным, обыкновенно разрушает все обаяния помыслов, разные внушения, слова, мечтания, мрачные воображения, и кратко сказать, всё, чем вооружается, и с чем дерзостно выступает всегубительный враг, ища поглотить души наши. Иисус, будучи призываем, всё попаляет легко. Ибо ни в ком другом нет нам спасения, кроме Христа Иисуса. Это сказал и Сам Спаситель, говоря: *без Мене не можете творити ничесоже* (Ин. 15, 5).

23) Итак, всякий час и всякое мгновение будем всяким хранением блюсти сердце своё от помыслов, туманящих душевное зеркало, в коем надлежит печатлеться и светописаться одному Иисусу Христу, Который есть премудрость и сила Бога Отца. Будем непрестанно искать Царствия Небесного внутрь сердца; и конечно таинственно обретём внутрь себя самих и зерно, и бисер, и квас, и всё другое, если очистим око ума своего. Сего-то ради и Господь наш Иисус Христос сказал: *Царствие Божие внутрь вас есть* (Лк. 17, 21), разумея чрез то пребывающее внутрь сердца Божество.

24) Трезвение до блистания очищает совесть. Совесть же, будучи так очищена, изгоняет из внутрь всякую тьму, подобно свету вдруг восиявающему по снятии лежащего на нём покрова. А по изгнании тьмы, совесть, при непрерывно продолжающемся истинном трезвении, снова показывает то, что было забыто, или что скрывалось не будучи сознаваемо. В то же время, она, посредством трезвения же, научает невидимому состязанию с врагами, ведомому умом, и войне в мыслях, — научает, как метать копья в этом единоборстве, как искусно бросать (во врагов) стрелы помышлений благих, не допуская, чтоб их стрелы поражали ум, подобно стреле устремляя его укрываться у Христа, сего, вместо пагубной тьмы, желанного света. Кто вкусил сего света, тот понимает, о чём я говорю. Вкушение сего света гладом паче томит душу, которая им питается, но никогда не насыщается, и чем более его вкушает, тем более алчет. Сей свет, влекущий к себе ум, как солнце очи, свет неизъяснимый сам в себе, соделывающийся однакож истолковываемым, только не словом, а опытом того, кто приемлет воздействие его, или точнее сказать,

кто уязвляется им, — заповедует мне молчать, хотя ум всё ещё хотел бы наслаждаться беседою о том, о чём идёт теперь речь.

25) *Мир имейте и святыню со всеми, ихже кроме никтоже узрит Господа* (Евр. 12, 14), ради стяжания любви и чистоты: ибо они-то и суть мир и святыня. Гневом же надобно вооружаться против одних демонов, мысленно вражествующих против нас и ярящихся. Но послушай, как должно вести каждочасно действующую в нас брань, и поступай так: с трезвением сочетавай молитву, — и будет трезвение усиливать молитву, а молитва трезвение. Трезвение, непрестанно назирая за всем внутри, замечает, как враги покушаются войти туда, и заграждая им по силе своей вход, призывает в то же время на помощь Господа Иисуса Христа, чтобы Он прогнал этих лукавых воителей. При этом внимание заграждает вход посредством противоречия; а призываемый Иисус прогоняет демонов с мечтаниями их.

26) С крайним напряжением внимания блюди свой ум. Как только заметишь (вражий) помысл, тотчас воспротиворечь ему, но вместе с тем спеши призвать Христа Господа на отмщение. Сладчайший же Иисус, когда ты ещё будешь говорить, скажет: се с тобою Я, чтоб подать тебе заступление. Но ты и после того, как по молитве твоей все эти враги усмирены будут, опять продолжай усердно внимать уму. Вот снова волны (помыслов), множайшие прежних, одни за другими устремятся на тебя, так что от них будто уже погружается душа, как в пучину, и готова погибнуть. Но и Иисус опять, возбуждаемый учеником, яко Бог запрещает злым ветрам (помыслов и они утихают). Ты же, улучив свободу от вражеских нападений на час или минуту, прославь спасшего тебя, и углубись в помышление о смерти.

27) Со всяким сердечным вниманием в чувстве душевном будем совершать путь свой. Внимание и молитва, будучи на всякий день сочетаваемы вместе, совершают нечто подобное огненной Илиину колеснице, подъемля на высоту небесную того, кто им причастен. И что я говорю? У того, кто установился в трезвении или старается установиться в нём, чистое сердце соделывается мысленным небом, с своим солнцем, луною и звёздами, и бывает вместилищем невместимого Бога, по таинственному видению и восхождению (восторжению ума). У кого есть любовь к Божественной добродетели, пусть старается во всякое мгновение произносить имя Господа и со всем усердием слова производить в дела. Кто с некоторым насилием удерживает пять своих чувств, коими обычно повреждается душа, тот всячески соделывает для ума легчайшими сердечный подвиг и брань. Итак, ухитряйся предотвращать все внешние (вредные для души приражения и впечатления), а с рождающимися от них внутри помыслами борись Богодарованными средствами, духовным руководясь искусством: трудом бдений обуздывай позывы к чувственным удовольствиям, будь воздержен в ястии и питии, и довольно истончи те-

ло своё, чтоб заблаговременно соделатъ для себя лёгкою брань сердечную. Этим всем себе будешь благодетельствовать, а не другому. Помышлением о смерти мучь душу свою и памятию о Христе Иисусе собирай расточённый ум свой; особенно ночью, когда ум обычно бывает более чист и светел, ясно созерцая Бога и всё Божественное.

28) Не будем отрицаться и от трудов телесного подвижничества: ибо как из земли пшеница, так от них произрастает духовная радость и опытность в добре. Не будем ложными умствованиями отклонять требование совести, потому что она внушает нам спасительное и деятельное, и всегда изрекает, в чём долг наш и к чему мы обязаны, особенно когда бывает очищаема живым, деятельным и тонким трезвением ума. В этом случае она, по причине чистоты своей, обычно износит ясный суд (о всём встречающемся, — суд достодолжный и решительный), — исключающий всякое колебание. Ради всего этого не должно сбиваться с пути ложными умствованиями; ибо она внутри возвещает нам жизнь, угодную Богу, и строго обличая душу, если она осквернила смысл грехами, показывает способ исправления прегрешений, внушая сердцу падшему покаяться, и указывая ему врачевство с сладостным убеждением.

29) Дым, выходящий из дров, тяжёл бывает для очей; но потом показывает им свет и услаждает тех, кому прежде причинял неприятность. И внимание, держа непрестанно в напряжении умные очи, утомляет и тяготит голову. Но Иисус призываемый в молитве, пришедши, просвещает сердце. Память о Нём, вместе с осиянием (внутреннего нашего) доставляет и высочайшее из благ (т. е. Самого Господа).

30) Враг, навыкши возмущать ум наш, желает склонять нас и к тому, чтоб мы вместе с ним питались перстию, и, быв созданы по образу Божию, ходили на чреве. Но Бог сказал: *вражду положу между тобою и тем* (Быт. 3, 15). По сей причине надлежит нам всегда воздыхать к Богу, дабы чрез то могли мы каждый день проводить, не быв уязвлены разжёнными стрелами диавола. *Покрыю и*, говорит (у Псалмопевца Бог), *яко позна имя Мое* (Пс. 90, 14). И ещё: *обаче близ боящихся Его спасение Его* (Пс. 84, 10).

31) Блаженный Апостол, избранный сосуд, говорящий во Христе, имея многую опытность во внутренней в нас происходящей, невидимой, мысленной брани, сказал в послании к Ефесеям: *несть наша брань к плоти и крови, но к началом и ко властем, и к миродержителям тмы века, духовом злобы поднебесным* (Еф. 6, 12). Апостол Пётр также говорит: *трезвитеся и бодрствуйте, зане супостат наш диавол, яко лев рыкая ходит иский кого поглотити, ему же противитеся тверди верою* (1 Пет. 5, 8—9). Сам Господь наш Иисус Христос, беседуя о разности расположений, с какими слушаются слова Евангелия, сказал: *потом же приходит диавол, и вземлет слово от сердца*, — каковую кражу совершает он, наводя злое забвение, *да неверовавше спасутся*

(Лк. 8, 12). — И опять Апостол (Павел) говорит: *соуслаждаются закону Божию, по внутреннему человеку: вижду же ин закон во удех моих противовоюющ закону ума моего, и пленяющ мя* (Рим. 7, 22, 23). — Всё сие сказали они научая нас, и давая нам знать сокрытое от нас.

32) Разум, когда потеряет самоукорение и смирение, обычно кичится, помышляя, что он стоит выше многих. Желая стяжать сознание своей немощи, будем мудрствовать так, как мудрствовал тот, кто сказал: *братие, аз себе не у помышляю достигша: едино же, задняя убо забывая, в предняя же простираяся, со усердием гоню к почести вышняго звания Христова* (Фил. 3, 13, 14). Опять: *Аз тако теку, не яко безвестно, тако подвизаюся, не яко воздух бияй: но умерщвляю тело и порабощаю, да не како иным проповедуя сам не ключим буду* (1 Кор. 9, 26, 27). Видишь ли, каково смирение и каково вместе с тем стремление к добродетели? Видишь ли, каково смирение и св. Павла, такового и толикого мужа? (Но послушай, что ещё говорит он). — Христос говорит, *приide в мир грешники спасти, от них же первый есмь аз* (1 Тим. 1, 15). — Да и можно ли не смиряться нам, имея такую худость естества? Ибо что хуже персти? И о Боге памятовать нам должно, потому что для того мы и сотворены; и как подвигам воздержания приучать себя надлежит нам, чтобы легче было тещи в след Господа нашего.

33) Невозможно тому, кто предаётся злым помыслам, быть чисту от грехов по внешнему человеку. Тем, кои не искореняют из сердца злых помыслов, невозможно не обнаруживать их в соответственных злых делах. Причина того, что иной блудно смотрит, заключается в том, что прежде внутренное око соблудило и омрачилось. Также причина желания слышать срамное заключается в охотном слушании душевными ушами всего, что скверные демоны нашёптывают внутри в пагубу нам. Должны мы очищать себя в Господе внутри и во вне; каждый из нас должен хранить свои чувства и каждодневно очищать себя от страстных воздействий и прегрешений. Как прежде в дни неразумия нашего, когда вращались мы в мире в суете ума, всем умом и всеми чувствами работали мы прелести греховной, так теперь преложившись на жизнь по Богу, надлежит нам всем умом и всеми чувствами работать Богу живому и истинному, Божией правде и воле.

34) Наперёд бывает *прилог* (προσβολη — приражение, действие, когда брошенная вещь ударяет в то, на что брошена); потом *сочетание* (συνδυασμος — содвоение, внимание сковано предметом, так что только и есть что душа да предмет приразившийся и её занявший); далее *сосложение* (предмет приразившийся и внимание. Занявший возбудил желание, — и душа согласилась на то — сложилась); за сим *пленение* (предмет взял в плен душу, возжелавшую его и как рабу связанную ведёт к делу); наконец, *страсть* (παθος — болезнь души), частым повторением (удовлетворением одного и того же желания) и привычкою (к

делам, коими оно удовлетворяется) вкачествившаяся в душе (ставшая чертою характера). Вот поприще для одержания победы в происходящей в нас брани! Так определяется и Святыми отцами.

35) И — *прилог*, говорят, есть голый помысл, или образ какой-либо вещи только что родившийся в сердце и представившийся уму; *сочетание* есть собеседование с представившимся (предметом или образом) страстное или бесстрастное; *сосложение* есть склонение души к зримому оком ума предмету со услаждением; *пленение* есть насильственное и невольное отведение сердца (в плен), удержание в нём и слияние будто в одну жизнь (συνουσια) с предметом пленившим, от коего (слияния) исчезает доброе наше состояние (теряется покой); *страсть* же вообще, говорят, внедряется в душе долговременным пристрастием (к предмету какому-либо). Из всех этих (действий или состояний) *первое* безгрешно, *второе* — не совсем; *третье* — по состоянию подвизающегося (м. б. по мере подвига и противоборства); *брань* же бывает причиною или венцов (когда кто устоит), или мучений (когда падёт).

36) *Пленение* иначе бывает во время молитвы, и иначе не во время молитвы. *Страсть* несомненно подлежит или равносильному (противовесному) покаянию, или будущей муке. Кто противостоит, или бесстрастно относится к первому, т. е. прилогу, тот за один раз отсекает всё срамное. — Такова брань злых демонов против монахов и не монахов, в коей бывает и побеждение и победа, как мы сказали. Побеждающих ожидают венцы, а падающих и не кающихся — муки. Будем же подвизаться против них мысленно, чтоб злых советов их не осуществлять в видимых греховных делах. Возревнуем обрести внутрь себя самих Небесное Царствие, отсекая от сердца всякий грех. Посредством такого прекрасного делания сохраним мы чистоту сердца и непрестанное пред Богом сокрушение.

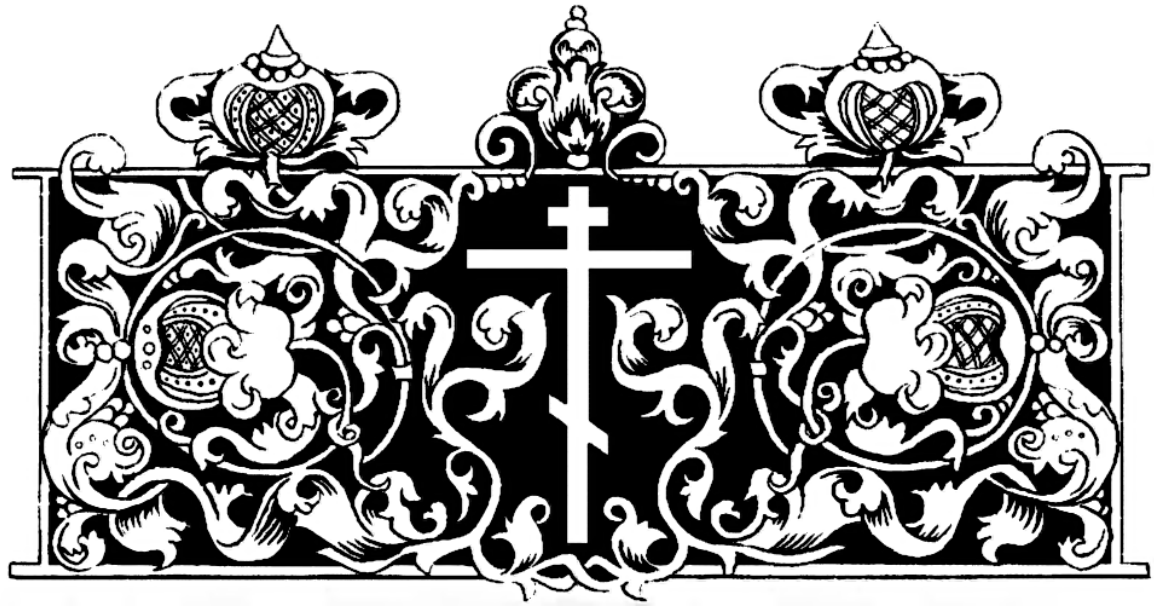
37) Многие из монахов не знают прелести ума, которую претерпевает он от демонов. Они прилежат тому, чтоб быть исправными в делах, не заботясь об уме, и проводят жизнь в простоте и бесхитростности. Думаю, что не вкусивши сердечной чистоты, они совсем не знают тьмы внутренних страстей. Те, которые не знают брани, о коей говорит св. Павел, неокачествовались может быть опытно и добром, и только делом совершаемые грехи почитают падениями, не беря в счёт мысленных побеждений и побед, которых не видит чувственное око, потому что они сокровенны и ведомы только единому подвигоположнику Богу, и совести подвизающегося. К таковым, кажется, сказано следующее слово Писания: *говорят: мир, мир, и не бяше мира* (Иезек. 13, 10). О тех братиях, которые от простоты находятся в таком состоянии, молиться надобно, и научать их сколько можно, чтоб удалялись не от видимых только худых дел, но и от того зла, которое действует в сердце. У тех же, кои

имеют Божественное желание — очистить душевное око (собственно, зрительность души), иное есть делание Христово, и иное таинство.

38) Много по истине добродетелей совмещает в себе углубленная память о смерти. Она есть родительница плача, руководительница ко всестороннему воздержанию, напоминательница о геенне, матерь молитвы и слёз, страж сердца, источник самоуглубления и рассудительности, которых чада сугубый страх Божий и очищение сердца от страстных помыслов — объемлют много владычных заповедей. В таком сердце зрится тогда борение и подвиг, выдерживаемые с крайним трудом. И об этом-то вся забота у многих из борцев Христовых.

39) Нечаянное какое приключение, или напасть, расстраивают обычно мысленное внимание и исторгши ум из спасительного благонастроения, с погашением и желания лучшего, увлекают его к грешным любопрениям и распрям. Причиною же такого для нас пагубного бедствия бывает то, что не имеем никакого попечения об искушениях (поминутно готовых напасть на нас, не знать с какой стороны).

40) Не расстроит и не опечалит нас никакое из повсечасно готовых сретить нас прискорбностей, коль скоро, сознав неизбежность того, будем всегда держать то в мысли. Почему Божественный Апостол Павел и говорит: *Благоволю в немощах, в досаждениях, в нуждах* (2 Кор. 12, 10). И ещё: *вси хотящии благочестно жити о Христе Иисусе гоними будут* (2 Тим. 3, 12). Тому слава во веки веков. Аминь.



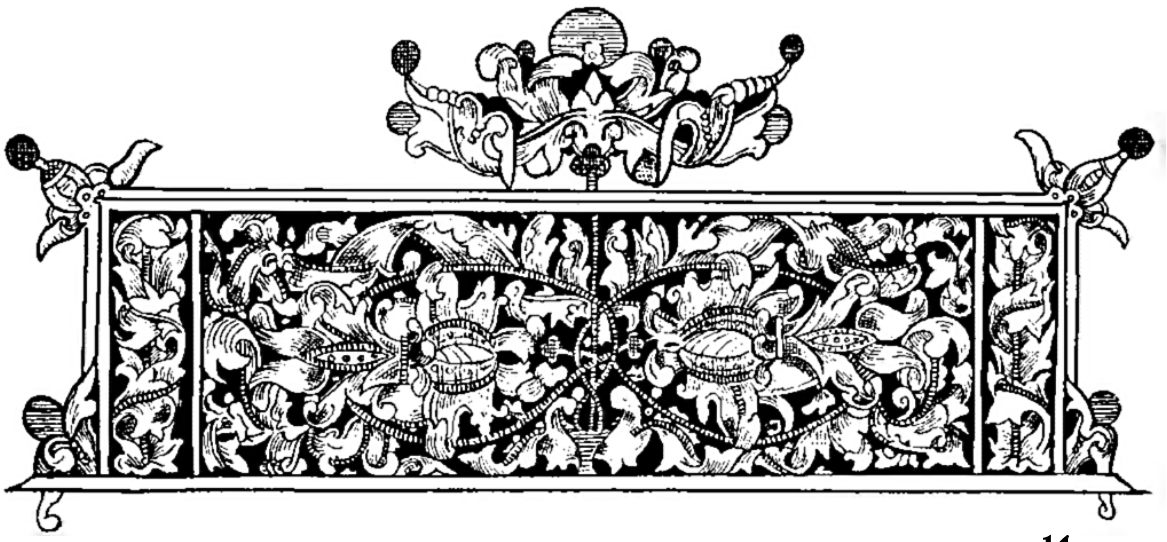
Никифор Уединенник (Монах)

Краткое о нем сведение [13]

Никифор преподобнейший отец наш, поприще своих аскетических подвигов совершивший на святой горе Афонской, скончался немного прежде 1340 года. Он был наставником и руководителем в изучении высшего любомудрия аскетического для Григория Солунского (Паламы), как тот сам об этом негде свидетельствует. В беспопечительном безмолвии себе единому внимая и в себе неизреченно соединившись с премирным Богом, блаженное в сердце своем восприял он просвещение благодати. Сам, богато вкусив сего божественного дара, и нас отечески руководит к тому настоящим своим свитком, в коем, собрав из писаний и житий святых отцов места о трезвении, внимании и молитве, а в конце приложив и от своего опыта совет, всех приглашает путем умносердечной молитвы восходить к преискреннейшему общению с Господом.



[13] В переводе из славянского Добротолюбия.



Слово о трезвении и хранении сердца многополезное[14]

Вы, которые желаете улучить благолепное божественное просвещение Спасителя нашего Иисуса Христа, – которые ищете восприять сердечно в чувстве пренебесный огнь, – которые тщитеся ощутить опытом и чувством примирение с Богом, – которые для того, чтобы обрести сокровище, сокрытое на поле сердец ваших, и стяжать его, оставили все мирское, – которые желаете, чтоб душевные свещи ваши еще отныне светло засветились, и для того отреклись от всего настоящего, – которые хощете сознательно и опытно Царствие Небесное сущим внутрь вас познать и приять, – придите, и я повем вам науку вечного небесного жития или лучше метод, без труда и пота вводящий действующего по нему в пристань бесстрастия и избавляющий его от страха прелести или падения от козней бесовских. Такой страх уместен только тогда, когда мы вращаемся вне той жизни, какой я намерен вас научить, далече негде от нее по преслушанию. Ибо тогда и с нами бывает то же, что с Адамом, который, подружившись со змием, презрел Заповедь Божию и, доверившись ему, вкусил от запрещенного плода и прелестию от него насытился до пресыщения: чем жалости достойно низверг себя и всех потомков своих в глубину смерти, тьмы и тления.

Возвратимся же, братия, к себе самим, с отвращением возненавидев совет змия и всякое долу пресмыкание: ибо нам иначе невозможно с Богом примириться и сродниться, если прежде не возвратимся к себе самим насколько сие в нашей силе или не войдем в себя самих, отторгая себя, – что удивления достойно, – от мирского кружения и суетной многозаботливости и привыкая неотступно внимать сущему внутрь нас Царствию Небесному.

[14] Приводится по переводу Феофана с некоторым «допереводом», который выделен в тексте и помечен сноской.

Потому-то монашеское житие и названо искусством искусств и наукою наук, что преподобное сие житие виновно для нас не каких-либо подобно здешним вещам тленных благ, чтоб к ним от лучшего направив ум, похоронять его в них, но обещает нам дивные некие и неизреченные блага, каких *око не видало, о коих ухо не слыхало, кои и на сердце человеку не всходили* (1 Кор. 2, 9). Отсего и *брань у нас не к плоти и крови, но к началом и властем и к миродержателям тмы века сего* (Еф. 6, 12).

Если убо настоящий век тьма есть, убежим от него, убежим же настроением ума и сердца. Ничего общего у нас с врагом Божиим да не будет: ибо *хотящий другом ему быть враг Божий бываем* (Иак. 14, 4). Врагу же Божию кто помочь может? Почему восподражаем отцам нашим, и подобно им взыщем сущее внутрь сердец наших сокровище и, обретши, крепко держать будем его, делая и храня: на что и с самого начала мы учинены. Если же явится другой какой Никодим и станет спорить, говоря: как может кто, в сердце свое вошедши, там делать и пребывать? Как тот говорил Спасителю: *како может кто в утробу матере своея второе внити и родитися стар сый* (Ин. 3, 4), то да слышит и сей, что *Дух идеже хощет дышет* (8). – И если мы в событиях деятельной жизни такое обнаруживаем сомнение по неверию, то как войти нам в таинства жизни созерцательной? Ибо восход к созерцанию есть деятельная жизнь.

Но, как без письменных доказательств до такой степени неверующему убедиться нельзя; то давайте вставим в сие слово наше на пользу многим черты из житий святых и письменно изложенные ими суждения в подтверждение сказанной истины, чтоб всякий, убеждаясь тем, отлагал всякое сомнение.

Начнем с первого отца нашего Антония Великого и потом по ряду проходя последующих, соберем, сколько сможем, деяния их и слова и предложим в уверение неверующих.

Из жития преподобного отца нашего Антония

Шли некогда к авве Антонию два брата, и когда вышла у них вся вода, один умер и другой близок был к тому же. Не имея сил идти, лежал и он на земле и ожидал смерти. В сие время Антоний, сидя на горе, позвал монахов, коим случилось быть у него, и сказал им: возьмите кувшин воды и бегите по дороге к Египту. Там из двоих, шедших сюда один уже умер и другой умрет, если не поспешите. Это увиделось мне, когда я молился. Прибыв на то место, монахи в самом деле нашли одного мертвым и похоронили его, а другого, оживив водою, привели к старцу. Расстояние было на день пути. – Если кто спросит, почему св. Антоний не послал прежде, чем умер тот; вопрос будет несправедлив. Присуждение смерти брату было не Антониево дело, а Божие, Который и о

первом такой суд положил, и о втором открыл. Святому Антонию принадлежит только то дивное дело, что он, сидя на горе, имел сердце трезвящееся и сподобился того, что Господь открыл ему бывшее вдали от него. – Видишь, что св. Антоний, ради трезвения сердца, сделался Богозрителем и прозорливым. Ибо в сердце Бог является уму, сначала, по словам Иоанна Лествичника, как огнь, очищающий любителя своего, а потом как свет, просвещающий ум и боговидным его соделовающий.

Из жития Феодосия киновиарха

Святой Феодосий так был уязвлен сладкою стрелою любви и так крепко связан узами ее, что высшую сию и божественную заповедь: *возлюбиши Господа Бога твоего от всего сердца твоего, и от всея души твоея, и всею крепостию твоею и всем помышлением твоим* (Лк. 10, 27), исполнял самыми делами. А это не могло быть иначе, как при устремлении всех естественных сил души ни к чему иному, как только к единому вожделению Создателя. Таково и у него было умное делание, в силу которого он и, когда утешал, был страшен, и, когда делал выговоры, был для всех любезен и сладостен. Кто так, как он, и со многими беседуя, наиполезнейшим являлся? И вместе был доволен к тому, чтобы собирать чувства и устроять их к вовращению внутрь? Кто, как он, среди смятений такою наслаждался внутри тишиною, как иные, живя в пустыне? И кто одинаковым бывал и среди толпы, и в уединении? – Вот и великий сей Феодосий, поелику собирал чувства и вводил их внутрь, соделался уязвленным любовию к Создателю.

Из жития Арсения Великого

Дивный Арсений строго держался правила – ни писать ни к кому и ни от кого не получать писем и вообще почти совсем не говорить, не потому, чтоб не мог: как можно так думать о том, кто мог так же легко говорить красноречиво, как другим говорить просто? – Но по привычке больше молчать и во избежание тщеславия – показать себя. По сей же причине он и в собраниях церковных всячески старался так стать, чтоб других не видеть и самому не быть видну никому, и в толпу братий никогда не вмешивался, а укрывался от сего куда-нибудь. Так заботился он внимать себе и внутрь собранным держать ум свой, чтоб отсюда удобнее возноситься к Богу. Сей пример в наследие нам оставил божественный муж сей и земной ангел.

Из жития Павла Латрского

Сей божественный Павел все почти время проводил в горах и пустынях, соседями и сотрапезниками имея диких зверей, и разве когда

сходил в Лавру для посещения братий, – коих он обычно учил не малодушествовать и не отставать от притрудных и приболезненных дел добродетели, но со всем вниманием и рассуждением евангельского держаться жительства и вседушно противоборствовать духам злобы. При этом он поведал им и метод, как могут они сделаться сильными – отучиться от прежних страстных расположений и отвращаться от новых насеяний страстей. Вот смотри, как сей отец божественный учит методу неведающих его питомцев своих, чтоб им могли они отвращать приражения страстей. Метод же этот не иной, как хранение ума: ибо его это дело (отражение прилогов), а не другого чего.

Из жития святого Саввы

Когда святой Савва замечал, что отрекшийся от мира точно изучил правила монашеского поведения, стал силен блюсти ум свой и бороться с помыслами сопротивных и совсем изгнал из мысли памятование о мирских вещах и делах: тогда, если он имел тело немощное и болезненное, давал ему келлию в Лавре, а если был здоров и силен телом, разрешал ему самому строить особую келлию. Видишь, как святой Савва паче всего требовал от учеников своих хранения ума и в особой келлии жить им позволял не иначе, как после навыка в сем делании. – Что делать нам, праздно сидящим в келлиях и даже не знающим, что это за хранение ума?

Из жития аввы Агафона

Брат спросил авву Агафона: скажи мне, авва, что больше – телесный труд или хранение сердца? Авва ответил ему: человек подобен дереву: телесный труд – листья, а хранение сердца – плод. Поелику же, по Писанию, *всякое древо, еже не творит плода добра, посекаемо бывает и во огнь вметаемо* (Мф. 3, 10), то очевидно, что мы должны все попечение иметь о плоде, т. е. о хранении ума. Впрочем, для нас потребно и лиственное прикрытие и благоукрашение, т. е. телесный труд. – Дивно, как сей святой порешил всех, не имеющих хранения ума и хвалящихся одною практикою добродетелей, сказав: всяко древо, не творящее плода, т. е. хранения ума, и листвие только имеющее, т. е. внешнюю исправную деятельность, посекается и во огнь вметается. Страшно твое, отче, определение!

Из послания аввы Марка к Николаю

«Если хочешь, чадо, стяжать внутрь себя собственный светильник мысленного света духовного ведения, чтоб возмог ты непреткновенно

шествовать в глубокой ночи века сего и чтоб *от Господа исправлялись стопы твоя* (Пс. 36, 23), так как ты *зело восхотел* пути евангельского (Пс. 111, 1; 118, 30), т. е. того, чтобы с теплейшею верою и молитвою сделаться точным исполнителем заповедей Христовых; то показываю тебе дивный к тому метод или способ духовный, не нуждающийся в телесном труде, или подвиге, но требующий труда духовного – внимания ума и мысли, с содействием страха Божия и любви. Сим способом ты всегда удобно можешь обращать в бегство вражеские полчища» (в рус. пер. стр. 193–194). – «Итак, если хочешь одержать победу над страстьми, то, молитвою и содействием Божиим внутрь себя быв, сойди в глубь сердца и там проследи следующих трех сильных исполинов, – разумею – забвение, разленение и неведение, сию опору мысленных иноплеменников, чрез коих прочие злые страсти, возвращаясь, действуют, живут и крепнут в душах сластолюбивых. Но ты, многим вниманием и настоянием ума с содействием свыше нашедши этих многим неведомых злых исполинов, легко уже потом, опять вниманием же и молитвою, возможешь избавиться от них. Тогда ревностию об истинном ведении, о памятовании слова Божия и о согласовании с тем благого произволения и жизни, при стоянии вниманием в сердце силою действенной благодати тщательно хранимом, самый след забвения, неведения и разленения истребится и исчезнет» (там же, стр. 295).

Святого Иоанна Лествичника

«Безмолвник тот, кто существо бестелесное – душу свою усиливается удерживать в пределах телесного дома. Подвиг редкий и дивный!» (27, 6). «Безмолвник тот, кто говорит: *аз сплю, а сердце мое бдит* (Песн. 5, 2). Затворяй дверь келлии для тела, дверь уст для бесед, а внутреннюю дверь души – для лукавых духов» (27, 17–18). «Сидя на высоте, наблюдай, если только знаешь это, и тогда увидишь, как и когда, откуда, сколь многие и какие тати хотят войти и украсть грозды винограда. Когда страж сей утрудится, то встает и молится; а потом опять садится и принимается за первое дело с новым мужеством» (27, 22, 23). «Иное дело хранение помыслов, а иное – блюдение ума; и *елико отстоят востоцы от запад* (Пс. 69, 2), столько последнее делание выше первого, хотя и несравненно труднее его» (26, 78). – «Как тати, видя, что в каком-либо месте лежат царские орудия, не как попало нападают: так и сочетавший молитву с сердцем не как попало окрадается мысленными татями».

Видишь ли глаголы, обнаруживающие дивное делание сего великого отца? Но мы, как во тьме ходящие, без внимания пропускаем сии душеспасительные вещания духа и, как произвольно глухие, не слышим их.

Аввы Исаии

«Когда кто отдалит себя от шуего, тогда познает верно и все грехи свои, какие наделал пред Богом: ибо не видит он грехов своих, если не отделится от них отделением горьким (с болезнованием сердца). Достигшие же в сию меру, – эти обрели плач и молитву, и то, чтоб стыдиться пред Богом, воспоминая о своем содружестве со страстьми» (Сл. 17, 21). «Станем же, братие, подвизаться по силе нашей, и Бог посодействует нам по множеству милости Своей. Если не сохранили мы сердец наших, как отцы наши, употребим усилие наше сохранить хоть тела, как требует Бог, безгрешными; и веруем, что Он во время глада, если такой постигнет нас, сотворит и с нами милость, как и со всеми святыми Его» (Сл. 21, 20).

Утешает здесь великий сей отец крайне немощных, говоря: если не сохранили мы сердец наших, как отцы наши, хоть тела наши соблюдем безгрешными, как требует Бог, – и Он сотворит с нами милость. – Велико благоутробие сего отца и снисхождение!

Макария Великого

«Главнейшее дело подвижника в том состоит, чтоб, вошедши в сердце свое, сотворить там брань с сатаною и возненавидеть его, и противоборствуя помыслам его, воевать с ним. Если же кто по видимости сохранит тело свое от растления и блуда, внутрь же любодействует пред Богом, блудничая в помыслах, то иметь тело девственным никакой нет пользы. Ибо написано: *всяк, иже воззрит на жену, ко еже вожделети ея, уже любодействова с нею в сердце своем* (Мф. 5, 28). Есть блуд, телом совершаемый, и есть блуд души, с сатаною общащейся».

По-видимому великий отец сей противоречит прежде приведенным словам аввы Исаии. Но на деле этого нет. Ибо и тот внушает нам хранить тела наши, как Бог требует; Бог же требует не телесной только чистоты, но и духовной, как предлагается сие в Евангельских заповедях.

Диадоха

«Всегда пребывающий в сердце своем далек от всех красных жизни сей вещей и, ходя духом, похотей плотских изведывать не может. Поелику таким образом таковой шествие свое совершает в ограждении себя добродетелями, сии самые добродетели имея как бы привратными стражами своего града чистоты, то все козни бесов против него остаются безуспешными» (Гл. 57).

Хорошо сказал святой, что безуспешными остаются козни врагов, когда т. е. мы во глубине негде сердец наших пребываем, и это тем более, чем более там мы закосневаем.

Исаака Сирианина

«Постарайся войти во внутреннюю сокровищницу свою, и узришь сокровищницу небесную. Ибо и то и это одно суть; и одним входом видишь ты их обеих. Лествица в Царствие оное внутрь тебя сокрыта, т. е. в душе твоей. Омой себя от греха и найдешь там степени восхождения, по коим можешь взойти в него».

Карпафского Иоанна

«Много подвига и труда требуется в молитвах, чтоб достигнуть невозмутимого состояния мысли, – другое некое сердечное небо, в коем обитает Христос, как говорит Апостол: *или не знаете себе, яко Иисус Христос в вас есть, разве точию чим неискусни есте* (2 Кор. 13, 5)».

Симеона Нового Богослова

«Диавол с демонами после того, как чрез преслушание сделал человека изгнанником из рая, отлученным и от Бога, получил доступ мысленно колебать разумную силу всякого человека и днем и ночью, иного много, иного немного, а иного множайше. И не иначе можно оградиться от сего, как памятию о Боге непрестанною, – если т. е. в ком память Божия, напечатлевшись в сердце силою креста, утвердит ум в непоколебимости. К сему ведут все труды мысленного подвига, коим подвизаться на поприще веры каждый христианин облекся долгом, и если не так у него идет дело, то всуе он проподвизается. Сего ради подвига предприемлются и все разнообразные духовные упражнения во всяком ищущем Бога путем произвольных лишений, чтоб преклонить благоутробие Всеблагого Бога, – даровать ему опять первое достоинство, и чтоб Христос напечатлелся в уме его, как говорит Апостол: *чадца моя, ими же паки болезную, дондеже вообразится Христос в вас* (Гал. 4, 19)».

Поняли ль вы, братие, что есть некий духовный способ, скоро возводящий к бесстрастию и богозрению действующего по нему? Убедились ли, что вся деятельная жизнь считается Богом не более, как листвием на дереве без плода и что всякая душа, не имеющая хранения ума, напрасно в ней потрудится? Позаботимся же о сем, чтоб, скончавшись бесплодными, не раскаяваться бесполезно всю вечность.

Самого Никифора

Вопрос (к Никифору). – Из приведенных свидетельств узнаем, какое было делание у благоугодивших Богу отцов, и что есть некое делание, скоро освобождающее душу от страстей и любовию с Богом связующее, которое потребно всякому воинствующему о Христе, как мы теперь не

только не сомневаемся, но и крайне убеждены в том. – Но просим научить нас, что есть внимание ума, и как сподобиться обрести его. Ибо такое дело совершенно нам незнакомо.

Ответ (Никифора). Во имя Господа нашего Иисуса Христа, рекшего: *без Мене не можете творити ничесоже* (Ин. 15, 5), Его Самого призвав в помощника и содейственника себе, по силе моей попытаюсь показать, что есть внимание и как, по благоизволению Божию, можно преуспеть в нем.

Внимание некоторые из святых называли блюдением ума, иные – хранением сердца, иные – трезвением, иные – мысленным безмолвием, а иные – еще иначе как. Но все сии наименования одно и то же означают; как о хлебе говорят – укруг, ломоть, кусок, так и о сем разумей. Что же есть внимание и какие его отличительные черты – сейчас узнаешь.

Внимание есть признак искреннего покаяния. Внимание есть души воззвание к себе самой, мира возненавидение и к Богу восход. Внимание есть отложение греха и добродетели восприятие. Внимание есть несомненное убеждение во отпущении грехов. Внимание есть начало созерцания, или лучше, его условие: ибо чрез него Бог, приникши, является уму. Внимание есть безмятежие ума, или лучше, стояние его (или установление от блуждений), по милости Божией ему даруемое. Внимание есть пресечение помыслов, памяти же Божией палата и сокровищница терпения всего находящего. Внимание потому есть веры, надежды и любви виновница: ибо кто не верует, тот не может переносить находящиеся совне прискорбности; а кто не переносит охотно сих прискорбностей, тот не может рещи: *заступник мой еси Ты и прибежище мое* (Пс. 90, 2); кто не положит Вышнего прибежищем своим, тот не будет глубоко искренен в любви к Нему.

Это величайшее из великих делание делается достоянием многих или всех наипаче чрез научение. Редкие ненаученно получают его от Бога, по своему нуждническому труду и по теплоте веры; но что редко бывает, то не закон. Посему нужно искать наставника незаблудного, чтоб, по его начертанию, научиться распознавать десные и шуие недостатки и излишества по делу внимания, встречающиеся по наваждению лукавого. Он из того, что сам пострадал, искушен быв, будет объяснять нам, что потребуется, и верно показывать сей мысленный путь, который потому нам удобно будет совершать. Если нет на виду такого наставника, надо поискать его, не жалея трудов. Если же и при таком искании не найдется он, то в духе сокрушенном и со слезами призвав Бога и помолившись Ему прилежно со смирением, сделай, что скажу тебе[15].

[15] Феофан пишет: «Это сказываемое приводится сокращенно и перифразом, потому что наставление применяется к производству дыхания, которое ныне излагается иначе».

Мой перевод по славянскому Добротолюбию[16]:

Знаешь ли ты, что дыхание наше, которым дышим, есть втягивание в себя и испускание из себя воздуха. Выдыхаем же воздух ни чем иным, как сердцем. Сердце есть источник жизни и теплоты телесной. Привлекает же сердце воздух (дух[17]), да тепло свое дыханием наружу испускает, себе же благорастворение подает. Виновник же сего устроения, или лучше сказать служитель, суть легкие, которые Создатель сотворил как некую флейту, удобно впускающую и выпускающую содержимое. Таким образом, сердце, привлекая прохладу воздухом (духом)[18], теплоту же выделяя, создает порядок, поддерживает жизненное начало и непрестанно соблюдает. Итак, собрав ум свой к себе, введи его в ноздряной путь, которым воздух доходит до сердца, и двигай его (ум), понуждая со вдыхаемым воздухом сойти в сердце…

А вот перевод Феофана (и до самого конца):

Ведомо тебе, что дыхание наше, коим дышим, есть втягивание в себя и выпускание из себя воздуха. Орган, служащий к сему, суть легкие, которые облегают сердце и, проводя чрез себя воздух, обдают им и сердце. Таким образом дыхание есть естественный путь к сердцу. Итак, собрав ум свой к себе, введи его в путь дыхания, коим воздух доходит до сердца, и вместе с сим вдыхаемым воздухом понудь его сойти в сердце и там остаться. Приучи же его, брате, не скоро оттуда выходить: ибо вначале он очень скучает в этом внутреннем заключении и тесноте, когда же привыкнет, то не любит наоборот кружиться вовне, потому что ему там не невесело и не нерадостно. Как муж некий, бывший в отлучке от дома, когда возвратится, сам себя не помнит от радости, что опять увиделся с детьми и женою, обнимает их и не наговорится с ними: так и ум, когда соединится с сердцем, исполняется неизреченной сладости и

Мной был вставлен перевод по славянскому Добротолюбию, также внизу приведен перевод с английского.

[16] Перевод с англ.: *«Ты знаешь, что то, чем ты дышишь – воздух. Когда ты его выдыхаешь, это ради сердца, а сердце является источником жизни и тепла, отдаваемого телу. Сердце притягивает к себе вдыхаемый воздух при дыхании, таким образом, отдавая часть тепла с выдыхаемым воздухом, оно может поддерживать постоянную температуру. Причиной данного процесса, а вернее, действующим органом, являются легкие. Создатель сотворил их способными растягиваться и сжиматься, как кузнечные меха, так, чтобы они легко могли втягивать и выталкивать свое содержимое. Таким образом, принимая в себя прохладу и выделяя тепло посредством дыхания, сердце беспрепятственно выполняет функцию, для которой оно было создано – для поддержания жизни. Сядь, потом, сконцентрируй ум, и введи его в дыхательный канал, через который твое дыхание приходит к сердцу. Собери свой ум и заставь его спуститься с вдыхаемым воздухом в сердце…».*

[17] В англ. переводе это предложение звучит: «*Сердце притягивает к себе вдыхаемый воздух*». Паисий же пишет «дух», на славянском это может быть синонимом. Однако если же нет, то предложение звучит двусмысленно в переводе со славянского.

[18] В английском переводе «посредством дыхания».

веселия. Тогда видится ему, как воистину Царствие Небесное внутрь нас есть, которое теперь узревая в себе и чистою молитвою ища, да пребудет и укрепится в нем, он все внешнее считает не стоящим внимания и нисколько не привлекательным.

Когда таким образом войдешь ты в сердечное место, как я тебе показал, воздай благодарение Богу и, прославляя Его благость, держися сего делания всегда, и оно научит тебя тому, чего другим путем не узнаешь никогда. Подобает же тебе при сем знать, что когда ум твой утвердится в сердце, то ему там не следует оставаться молчащим и праздным, но непрестанно творить молитву: *Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя!* и никогда не умолкать. Ибо это, содержа ум немечтательным, делает его неуловимым и неприкосновенным для прилогов вражеских и каждодневно все более вводит в любовь и вожделение Бога.

Если же, брате, и много трудясь, не возможешь ты войти в область сердца, как я тебе сказал, сделай так, как я еще тебе скажу, и с Божией помощию найдешь искомое. Ведомо тебе, что словесство (говорение) всякого человека находится в персях его. Ибо внутри персей, когда молчат уста наши, говорим мы и совещаемся с собою, и молитвы творим, и псалмопение совершаем, и другое некое. Итак этому словесству, изгнав из него всякий помысл (ибо сможешь, если захочешь), дай сию молитовку: *Господи, Исусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя!* – и понудь его вместо всякого другого помышления это одно всегда вопиять там внутри. Если будешь такое делание держать неопустительно со всем вниманием, то откроется тебе чрез сие по времени и сердечный вход, о коем я написал уже тебе, без всякого сомнения, как это сами мы опытом познали.

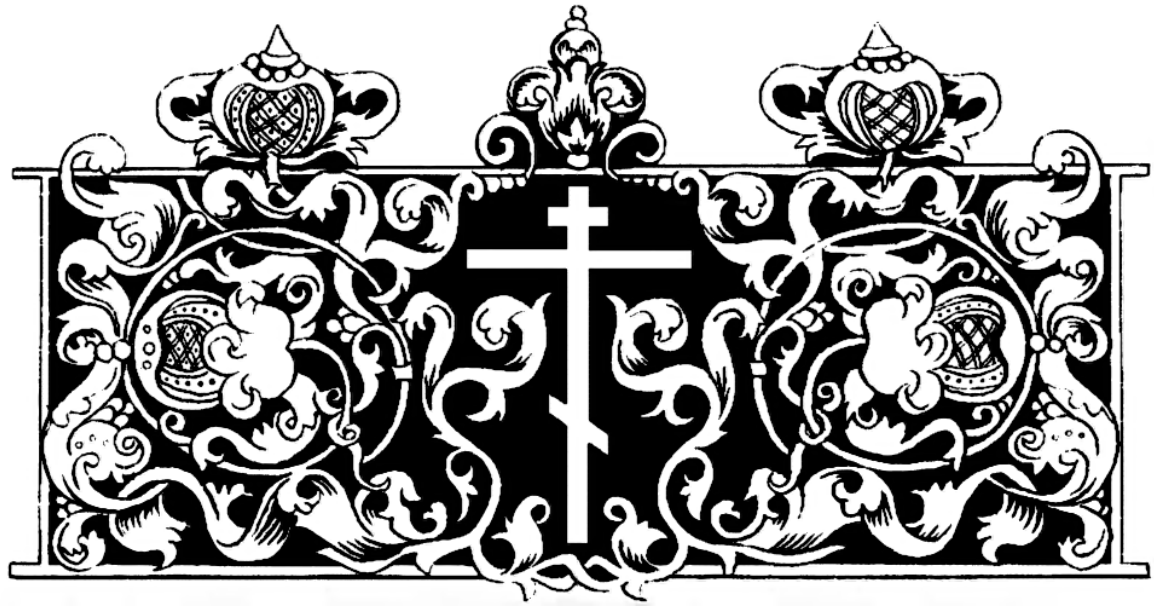
Придет же к тебе, при многовожделенном и сладостном внимании, и весь лик добродетелей: любовь, радость, мир и прочие, ради коих потом всякое твое прошение исполняемо будет о Христе Иисусе, Господе нашем, с Коим Отцу и Святому Духу слава, держава, честь и поклонение, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

Краткое сведение о Феолипте, митрополите Филадельфийском [19]

Феолипт, воистину великое светило Филадельфийское, процветал при Андронике втором из Палеологов, около 1325 года. Сначала он проходил подвижническую жизнь на Святой Горе; а оттуда потом вызван был и принял предстоятельство в Филадельфии. Здесь под его учением и тайноводством состоял Григорий Фессалоникский, которому он преподал прекрасные уроки о священном трезвении и открыл тайны умной молитвы, когда он занимался еще мирскими делами, как значится в житии сего Григория, написанном патриархом Филофеем.

Настоящее, трудолюбно им составленное слово, – точное изображение и верное правило сокровенного во Христе делания, – равно как и последующие за ним главы, в которых прекрасно сочетаны божественные мысли с чистотою выражения, предлагаются здесь наряду с другими (отеческими писаниями); потому что они назидательнее многого другого, и драгоценны для тех, которые желают иметь в кратком обзоре все богомудрое учение духовной философии.

[19] Перевод по славянскому Добротолюбию.



Феолипта, митрополита Филадельфийского
Слово, в котором выясняется сокровенное во Христе делание и показывается вкратце, в чем состоит главное дело монашеского чина [20]

Монашество есть древо высокорослое и многоплодное, которого корень – отчуждение от всего житейского, ветви – беспристрастие души и неимение никакого сочувствия к вещам, которые оставлены, плод – богатство добродетелей и боготворная любовь и неотлучная от них радость. *Плод бо духовный есть,* говорит Апостол, *любы, радость, мир* и прочее (Гал. 5, 22).

2) Удаление от мира дарует прибежище у Христа. Миром же я называю любовь к чувственным вещам и к плоти. Отчуждающийся от сего, в силу разумения истины, усвояется Христом ради любви к Нему, по которой, разделавшись со всем мирским, купил он этот один многоценный бисер – Христа.

3) Во Христа облекся ты в спасительном Крещении, отложил сквернy (греховную) в божественной бане сей, восприял в ней светлость духовной благодати и первозданное благородство. – Но что потом сделалось? или лучше – что потом пострадал человек от неразумия? Любовию к миру изменил божественные черты, сострастием к плоти исказил образ; и мрак страстных помыслов очернил у него зеркало души, внутри которого должен бы зреться Христос – умное Солнце.

4) Теперь ты снова страху Божию пригвоздил душу твою; познал омрачение мирского настроения; уразумел рассеяние мыслей, вводимое

[20] По переводу Феофана Затворника.

в ум заботами житейскими; увидал суетность кружения, в которое неизбежно ввергает человека многомятежная жизнь, уязвился стрелою любви к безмолвию; взыскал мира помыслов, вняв слову пророка: *взыщи мира и пожени и* (Пс. 33, 15); возжелал рождающегося отсюда покоя душевного, по слову того же пророка: *обратися душе моя в покой твой* (Пс. 114, 6). Ради этого и пришло тебе на мысль – то благородство, которое получил ты в крещении по благодати и потом отринул злым произволением, работая страстям в мире, – снова восстановить в себе благим произволением: что и в дело привел ты, пришедши в священное училище сие, облекшись в честные одежды покаяния и дав от всей души обет пребывать в монастыре до смерти.

5) Это уже второй положил ты завет с Богом. Первый (полагал ты), вступая в настоящую жизнь, а этот второй (положил ты), возревновав о (добром) конце сей жизни. Тогда веры ради сочетался ты со Христом, теперь покаянием прилепился ко Христу; тогда благодать обрел ты, теперь обязательства принял на себя; тогда, младенчествуя, не чувствовал ты дарованного тебе достоинства, хотя потом, пришедши в возраст, и величие дара сознал ты, и то, что узду носишь на устах своих, – теперь, в совершенном находясь разуме, ясно понимаешь силу обета сего. Смотри же, (держи слово), – чтоб, нарушив и это обещание, не был ты, как сосуд какой, вдребезги разбитый, выброшен во тьму кромешнюю, где плач и скрежет зубов: ибо кроме пути покаяния, нет другого пути, ведущего ко спасению.

6) Послушай, что возвещает тебе Давид: *Вышняго положил еси прибежище твое* (Пс. 90, 9). Прискорбную, по Духу Христову, избрал ты себе жизнь, – да не приближается же к тебе зло, от обращения среди мира прилипающее к нам. Взялся ты нести покаяние, – да не идут же вслед тебя любоимение, утехи, честь, украшения, несдержанность чувств; да *не пребывают беззаконницы пред очами твоими* (Пс. 5, 6), – парения мыслей, пленение ума, распущенность одни другие сменяющих помыслов, и всякое другое произвольное уклонение от правого пути и смятение; любовь к родителям, братьям, родным, друзьям и приятелям да не сретает тебя (на пути сем) и безвременное уже и бесполезное свидание и собеседование с ними да не имеет у тебя места.

7) Если так возлюбишь ты отречение от мира и телом и душою, то бич скорби не приближится к душе твоей, и стрела печали не уязвит сердца твоего и не омрачит лица твоего. Отставшие от сластолюбивого нрава и пристрастие ко всему сказанному пред сим отвергшие – притупляют жало печали. Ибо к подвизающейся душе приходит Христос и неизреченную подает радость сердцу, – и сей радости духовной ничто ни из сластей мира, ни из лютых горестей его взять от него никогда не может. Благие размышления, спасительные памятования, божественные созерцания и слова премудрости, служа подвижнику, сохраняют его на всех путях его богоугодной деятельности. Почему и наступает он на

всякое неразумное похотение и продерзливую ярость, как на аспида и василиска, и попирает гнев, как льва, и сластолюбие, как змия. Причина же, почему он, отложив всякую надежду на людей и сказанные вещи, к Богу прилепился и, богатея боговедением, Бога умно призывает всегда на помощь себе, есть следующее обетование: *яко на Мя упова,* говорит Господь, *и избавлю его: покрыю его, яко позна имя Мое. Воззовет ко Мне, и услышу,* – и не только от всех оскорбляющих его избавлю, но и *прославлю его* (Пс. 90, 14, 15).

8) Видишь ли, каковы борения подвизающихся о Господе, и какие за то воздаяния? Потщися же звание сие совершить делом, отревая и помышления о вещах, как уединился ты телом. Переменил ты одежду, – сделай себя и (в чувствах сердца) странником (чуждым всего), отложи самые слова (обычные в мире), а не только сродников по естеству. Ибо если ты не прекратишь скитания мыслями вовне, то не можешь восстать против тех, которые строят тебе засады внутри. Если не победишь борющих тебя чрез видимые вещи, то не обратишь в бегство невидимых наветников. Когда, прекратив внешние развлечения, ты укротишь и внутренние помыслы, тогда ум начнет воздвизаться к делам и словам духовным (или бодрствовать в них); тогда вместо порядков, соблюдаемых при обращении с родными и друзьями, будешь ты заботливо исполнять порядки доброделания, и вместо суетных слов, распложаемых мирскою беседою (на омрачение души), рассмотрение и уяснение божественных словес, движимых в памяти, будет просвещать и вразумлять душу твою.

9) Разрешение чувств узы налагает на душу; узы же чувств дают свободу душе. Заход солнца производит ночь; уходит Христос из души, – и мрак страстей объемлет ее, и мысленные звери растерзывают ее. Взошло чувственное солнце, – и звери укрываются в норы свои; восходит Христос на тверди молящегося сердца, – и всякое сочувствие к миру престает, жаление плоти исчезает, и ум исходит на дело свое, – богомыслие, – до вечера, не известным только продолжением времени ограничивая делание духовного закона и не в определенной только мере совершая его, но (подвизаясь в нем) пока застигнет настоящую жизнь конец и заставит душу выйти из тела: на что указывая, и пророк говорит: *коль возлюбих закон твой, Господи, весь день поучение мое есть* (Пс. 118, 97), днем называя все течение настоящей жизни каждого. Итак прекрати беседы внешние и со внешними, пока обретешь место чистой молитвы и дом, в коем обитает Христос, просвещая и услаждая тебя познанием и посещением Своим и располагая скорби за Него считать радостию, а мирские страсти отревать, как полынь.

10) Ветры воздвигают волны мирские, и если не престанут ветры, не улягутся волны и не укротится море: и духи лукавые воздвигают в душе нерадивого воспоминание о родителях, братьях, родных и друзьях, равно как о пированиях, празднествах, театрах и всех других выдумках сла-

столюбия, и подговаривают его повидаться с первыми и принять участие в последних зрением, языком и телом, чтоб и настоящее время истратилось суетно и следующее за тем, – когда будешь сидеть один в келлии, – и проходило в пустых воспоминаниях о виденном и слышанном. Так бесплодно иждивается у монахов жизнь, когда они попускают воспоминаниям о мирских делах печатлеться в мысли, как ноги человека идущего по снегу отпечатлевают на нем следы свои. Если будем доставлять зверям пищу, когда уморим их? Если и делом и помыслами будем заняты неразумными дружбами и обычаями, когда умертвим мудрование плоти? И как возможем пожить жизнию по Христе, как обещались? След ног на снегу уничтожается, или расстаивая от лучей солнечных, или размываем будучи ниспадшею в дожде водою: и врезавшиеся в уме памятования о предметах сластолюбия и сластолюбивых делах истребляются или Христом, воссиявающим в сердце посредством молитвы, или благоумиленным дождем слез (искреннего сокрушения).

11) Неразумно действующий монах когда изгладит прежде напечатлевшиеся в уме представления? Дело добродетелей еще только телесно совершается, когда оставляешь ты обычаи мира. Печатлеются же благие памятования, и божественные слова вселяются и пребывают в душе, когда частыми молитвами, совершаемыми с теплым умилением, изгладишь из ума памятования прежних дел. Свет памятования о Боге с верою и сокрушение сердца, подобно бритве, отсекают злые воспоминания. Подражай мудрости пчел. Они, видя, что около них летает множество ос, остаются внутри улья и таким образом избегают вреда от этих наветников своих. Под осами разумей сношения с миром и мирянами. Их избегая со всем старанием, пребывай в сокровеннице честной обители; а отсюда далее покушайся войти во внутреннейшую сторожевую крепость души, где обитает Христос, от Коего мир, радость и тишина невозмутимая. Это дары Христа, умного Солнца, которые, как лучи некие, испускает Он из Себя и как награду какую подает душе, приемлющей Его с верою и добротолюбием.

12) Итак сидя в келлии, помятуй о Боге: и при сем отрешая ум от всего, повергай его безгласно пред Богом, и все расположение сердца изливая пред Ним, прилепляйся к Нему любовию. Памятование о Боге есть созерцание Бога, Который влечет к себе зрение и устремление ума и светом Своим озаряет его. Ум, обращаясь к Богу, после того, как пресечет в себе все образные представления сущего, зрит Его безвидно и взор свой тем просветляет, несмотря на совершенное ведение Созерцаемого по причине неприступной Его славы. Не ведая однако ж Созерцаемого по непостижимости Его, ум истинно знает, что Он есть собственно Сущий и Един имеет пресущное бытие; богатством же источающейся от Него благости питая свою к Нему любовь и удовлетворяя свои стремления, сподобляется всегдашнего блаженного в Нем успокоения.

13) Таковы свойства истинного памятования о Боге. Молитва же есть мысленная беседа ко Господу, в коей произносятся слова молитвы со всецелым ока умного устремлением к Богу. Когда мысль часто призывает имя Господа, а ум напряженно внимает сему призыванию Божественного имени, тогда свет уведения Бога своим Богом, как облако светлое, осеняет всю душу.

14) За истинным и прилежным памятованием о Боге следует любовь и радость. *Помянух,* говорит пророк Давид, *Бога, и возвеселихся* (Пс. 76, 4). А за чистою молитвою следует показанное уведение Бога и умиление. *В онь же аще день призову Тя,* говорит тот же пророк, *се познах, яко Бог мой еси Ты* (Пс. 55, 10); и еще: *жертва Богу дух сокрушен* (Пс. 50, 19). Когда ум и мысль предстоят Богу напряженным устремлением к Нему ока и теплым молением, тогда последует и умиление сердечное. Когда ум, слово и дух (сердце) припадают к Богу, первый – вниманием, второе – призыванием, третий – умилением, тогда весь внутренний человек службу совершает Богу, как заповедует и Господь: *возлюбиши Господа Бога твоего от всего сердца твоего* и проч. (Лк. 10, 27).

15) Хочу впрочем дать тебе знать и о нижеследующем, чтоб иначе, думая о себе, что молишься, не быть тебе далеку от молитвы, не трудиться бесплодно, и не *вотще тещи* (Гал. 2, 2). Как во время устной молитвы иногда псалмопение совершается, а ум где-либо инуды носится, блуждая в страстных помышлениях по предметам мирским, так что от этого теряется самое понимание поемого: так бывает и в мысленной молитве. Часто мысль повторяет слова молитвы, а ум (внимание) не сопутствует ей, не устремляет ока своего к Богу, к Коему и обращается беседа в молитве, но незаметно уклоняется в другие какие-либо помышления. И хотя мысль обычно говорит слова, но ум ускользает от ведения Бога (памятования о Нем и разумного Ему предстояния). Тогда душа является неустроенною и как бы бессознательною; ибо ум ее блуждает в каких-либо мечтаниях и кружится или в том, к чему невольно увлекаем и чем украдаем бывает, или в том, к чему сам произвольно отходит. Когда же в душе нет молитвенного строя, когда молящийся не сознает даже, пред Кем молится и о чем молится, как усладится ему молитва его? Как обвеселится молитвою сердце того, кто вид только имеет молящегося, а не истинную в себе учреждает молитву? *Возвеселится сердце ищущих Господа* (Пс. 104, 3). Ищет же Господа тот, кто всею мыслию и с теплым расположением припадает к Богу, отревая всякое мирское помышление ради уведения Бога и любви, источаемых частою чистою молитвою.

16) Для пояснения того, каково должно быть в уме созерцание при памятовании о Боге и каково в мысли моление во время чистой молитвы, беру сравнение от телесного глаза и языка. Что зрачек для глаза и произношение слова для языка, то память (о Боге) для ума и молитва для мысли. Как глаз, зрительным чувством принимая впечатление от пред-

лежащего видимого, не издает никакого звука, но самым опытом зрения получает познание о видимом: так и ум, памятию (сознанием) любовно устремляясь пред Бога в прилеплении горячего чувства и в молчании простейшего созерцания, озаряется божественным осиянием и в нем принимает залог будущей светлости. И опять, как язык, произнося слова, открывает слышащему неявные без того желания сердца, так и мысль, часто и тепло произнося краткосложные слова молитвы, открывает прошения души все видящему Богу, а неотступностию в молитве и непрестанным сокрушением сердца отверзает человеколюбные утробы милосердого Бога и приемлет богатство спасения. Ибо *сердце сокрушенно и смиренно Бог не уничижит,* говорит пророк (Пс. 50, 19).

17) Может поруководить тебя к уразумению образа чистой молитвы и то, как обычно действуют пред лицом земного царя. Если случится тебе получить доступ к царю, то ты и телом стоишь пред ним (достодолжно), и языком умоляешь, и очи на него (просительно) устремляешь, – и таким образом привлекаешь себе царское благоволение. Делай то же и в молитве, в церковном ли стоишь собрании, или молишься в келейном уединении. Приходя в церковь на общую с братиями молитву в Господе, как телом предстоишь Ему и языком приносишь псалмопение, так и ум держи во внимании к словам и к Богу и в ясном познании Того, с Кем беседуешь и к Кому обращаешься; помни, что если мысль усердно и чисто занимается молитвою, то сердце сподобляется неотъемлемой радости и мира неизреченного. – Когда же уединенно пребываешь в келлии, мысленную держи молитву, в трезвении ума, с сокрушением сердца, – и видение осенит тебя ради трезвения, ведение вселится в тебя ради молитвы, и мудрость почиет в тебе ради умиления, изгоняя бессловесное сластолюбие и водворяя Божественную любовь.

18) Поверь мне, – истину тебе говорю: если во всяком труде твоем будешь иметь при себе неотлучною матерь всего доброго – молитву, то она не воздремлет, пока не покажет тебе брачного чертога, и не введет тебя внутрь, и неизреченной славы и радости не исполнит тебя. Она, отстраняя все вокруг препятствия, уравнивает стезю добродетели и делает ее удобною для ищущих (спасения).

19) Вот, посмотри, и образ мысленной молитвы! – Беседа (внутреннее слово в молитве сей) уничтожает страстные движения, воззрение (или устремление) ума к Богу прогоняет мирские помышления, умиление отсекает плотолюбие. И очевидно, что молитва, в немолчном призвании Божественного имени состоящая, бывает согласием и единением ума, слова и души (сердца). Но *идеже,* говорит Господь, *два или трие собрани во имя Мое, ту есмь посреде их* (Мф. 18, 20). Таким образом молитва, воззывая силы душевные от рассеяния по предметам страстей и сочетавая их и между собою и с самою тричастною душою, усвояет Сущему в трех ипостасях Единому Богу. Сначала, посредством разных добродетелей изгладивши из души срамоту греха, потом, посредством свойственного ей святого ведения живописав в ней красоту божествен-

ных черт, представляет она наконец душу Богу. Душа же тотчас признает своим Творца; ибо говорится: *в онь же аще день призову Тя, се познах, яко Бог мой еси Ты* (Пс. 55, 10). Равно и Им познаваема бывает она; ибо говорится: *позна Бог сущия Своя* (2 Тим. 2, 19). Она познает по причине чистоты образа; ибо всякий образ естественно имеет влечение к первообразу; познаваема же бывает ради подобия по добродетелям, чрез кои она и познание имеет о Боге, и от Бога познаваема бывает.

20) Желающий получить царское благоволение, троякий употребляет к тому способ: или (приличными) словами умоляет его (царя), или молча стоит пред ним (в умоляющем положении), или повергает себя к ногам его, единого могущего помочь ему. И чистая молитва, соединив в себе ум, слово (внутреннее) и дух (сердце), словом имя Божие призывает, умом воззревает без парения к призываемому Богу, духом (сердцем) являет сокрушение, смирение, любовь – и таким образом преклоняет к себе безначальную Троицу, Отца, и Сына, и Святого Духа, Единого Бога.

21) Как разнообразие яств возбуждает желание ко вкушению их, так разные виды добродетелей (духовных совершенств) пробуждают ревность ума (к стяжанию их). Почему шествуя мысленным путем, повторяй слова молитвы и беседуй к Господу, непрестанно вопия и не унывая: неотступно молись, подражая бесстудию вдовицы, склонившей на милость неумолимого судию. Тогда (это будет значить, что) ты духом ходишь, похотям плотским не внимаешь и мирскими помыслами не пресекаешь непрерывность молитвы, но бываешь храмом Божиим, в коем неразвлеченно воспевается Бог. Так проходя мысленную молитву, сподобишься ты наконец достигнуть непрестанного памятования о Боге, войти в недоступные сокровенности ума и в таинственных созерцаниях зреть Невидимого, един Единому уединенно служа Богу в разумных одному тебе излияниях любви.

22) Когда увидишь, что начинаешь ослабевать в молитве, возьми книгу и, внимая читаемому, усвояй смысл того; не пробегай слова будто мимоходом, но рассматривая их с рассуждением (доискиваясь смысла), слагай познанное в уме, как в сокровищницу. – Потом начинай рассуждать о прочитанном, так чтоб усладилось сердце твое уразумением того и читаемое оставалось незабвенным. От этого возгорится в тебе теплота при размышлении о божественных вещах, как говорит св. Давид: *в поучении моем возгорится огнь* (Пс. 34, 4). Как пища услаждает вкус, когда бывает хорошо разжевываема зубами, так и Божественные слова питают ум и обвеселяют сердце, когда бывают вращаемы в душе рассуждением. *Коль сладка,* говорит тот же пророк, *гортани моему словеса твоя* (118, 103). Заучивай также на память Евангельские слова и изречения свв. блаженных отцов и жития их исследуй, чтоб иметь тебе все сие предметом размышления в продолжение ночей.

23) Если нужно будет тебе после чтения и размышления о Божественных словах еще чем оживлять мысль, ослабевшую к молитве и снова

делать ее живодеятельною в ней, совершай устно псалмопение, тихим однако ж голосом и со вниманием ума, не позволяя себе оставлять ничего из произносимого языком неразумеваемым. Если при этом ускользнет что от внимания ума, опять начинай читать тот стих, сколько бы раз это ни случилось, пока наконец ум станет неотступно следовать вниманием за тем, что произносит язык. Ум силен и петь устами, и памятовать о Боге. Учись этому из опыта. Как тот, кто ведет с кем-либо беседу, и говорит с ним, и глазами на него смотрит, так и поющий псалмы может устами петь, а оком ума к Богу воззревать.

24) Не оставляй коленопреклонений. – Преклонением колен изображается падение в грех, с подразумением в нем и исповедания греха; восстанием же с колен обозначается покаяние с намеком на обет добродетельной жизни. Каждое коленопреклонение совершай с мысленным призыванием Христа, чтоб, припадая к Господу душою и телом, Бога душ и телес соделать к себе удобоприменительным.

25) Если при мысленной молитве будешь иметь рукоделие какое-либо, неозабочивающее, то и это будет помощно тебе в притрудном молитвенном подвиге твоем. – Все показанные делания, соединяемые с молитвою, (как орудия), изощряют внимание, прогоняют уныние, душе сообщают юношескую живость и ум соделовают более острозорким и теплоусердным к упражнению в умном делании.

26) Как только ударят в било, иди из келлии, телесными очами в землю смотря, а мысль углубляя в памятование о Боге. Вошедши в храм и восполнив собою лик молящихся, ни языком не празднословь с близ стоящим монахом, ни умом не кружись в суетностях; но язык занимай одним псалмопением, а мысль держи в молитве. По окончании богослужения иди в келлию свою и начинай делать, что положено твоим правилом келейным.

27) Пришедши в трапезу, не осматривай братских частей и не разбивай души своей недобрыми подсматриваниями. Но на то только, что положено пред тобою, смотря и того одного касаясь, давай телу пищу, слуху – слышание читаемого, душе – молитву, чтоб, питаясь и телом и духом, всецело восхвалить исполняющего во благих желание твое. Оттуда встав, скромно и молча войди в келлию свою и, как трудолюбивая пчела, охотно берись за труд добрых деланий своих.

Когда делаешь какое дело вместе с братиями, пусть руки работают, уста же молчат, а ум памятует о Боге. Если бы кто подвигся на празднословие, то для пресечения сего бесчиния, вставай и делай поклон.

28) Помыслы отгоняй и не позволяй им пробегать чрез сердце и закосневать в нем. Закоснение страстных помыслов, оживляя страсти, умерщвляет ум. Почему как только приразятся они, с первого их появления в уме спеши поразить их стрелою молитвы. Если они будут настаивать, толкая в двери внимания и возмущая мысль, то знай, что они получают подкрепление от скрытного предварившего сие нападение возжелания их; почему как бы право какое имея на душу, ради того что

пошатнулось уже произволение, они тревожат и докучают. В таком случае надобно предавать их поруганию чрез исповедание; ибо злые помыслы тотчас обращаются в бегство, как только бывают оглашаемы. Как при появлении света отбегает тьма, так перед светом исповедания исчезают страстные помыслы, которые и сами суть тьма. Когда, например, в помыслах имели место тщеславие и похотная страсть, то они тотчас прогоняются стыдом при исповедании их и злостраданием при несении наложенной за них епитимии. После сего всякого рода помыслы, находя мысль свободною уже от страстей и занятою непрестанною сокрушенною молитвою, стремительно отбегают со стыдом.

29) Если подвижник, напрягаясь пресечь (молитвою) смущающие его помыслы, отсекает их на время и уничтожает частое их появление, совсем же не освобождается от них, но остается в состоянии борющего и боримого: то это от того, что он лелеет причины смущающих его помыслов – покой плоти и мирское честолюбие, из-за которых он не спешит и исповедать свои помыслы. Почему и покоя не имеет, держа в себе то, что дает врагам право ратовать против него. Кто, захватив чужие вещи, не бывает истязуем за них теми, кому они принадлежат? И кто, будучи истязуем и не возвращая того, что зле удерживает, может чаять свободы от соперников своих? – Но когда подвизающийся, укрепившись памятованием о Боге, возлюбит уничижение и озлобление плоти и исповедует помыслы свои, не боясь стыда, враги тотчас удаляются, и мысль, сделавшись свободною, непрестанную держит молитву и непресекаемое созерцание божественного.

30) Всякое подозрение, поднимающееся в сердце против кого-нибудь, отсекай вконец, потому что оно расстроивает мир и любовь. Всякую же беду, находящую совне, принимай мужественно, потому что она дает повод к спасительному терпению, – терпению, за которое на небесах дарованы будут покой и отрада.

31) Так проводя дни свои, благодушно проживешь настоящую жизнь, воодушевляясь блаженными надеждами, по смерти же с дерзновением преставишься отселе и вселишься в места упокоения, уготованные тебе Господом в воздаяние за здешние труды твои, чтоб соцарствовать Ему. Ему подобает всякая слава, честь и поклонение, со безначальным Его Отцом, и всесвятым и благим и животворящим Его Духом, ныне, и присно, и во веки веков. Аминь.

Того же Феолипта митрополита
О том же девять глав

Ум, удаляясь от внешнего и собираясь вовнутрь, возвращается к себе самому и таким образом соединяется с естественным своим мысленным словом; и словом сим, существенно сосущим ему, берется за молитву; молитвою же восходит к сознанию Бога со всею любительною силою и расположением сердечным. Тогда похоть плоти отходит; всякое

сластолюбивое чувство престает, и все красоты земные не бывают приятны. Ибо тогда душа, завергши за себя все, в теле и около тела сущее, вслед красоты Христовой влечется, Ему последуя честными делами и чистою мыслею и поя: *приведутся Царю девы вслед Его* (Пс. 44, 15); Христа представляя и предзря со словом пророка: *предзрех Господа предо мною выну, яко одесную мене есть* (Пс. 15, 8); ко Христу прилепляясь любовию и взывая: *Господи, пред Тобою все желание мое* (Пс. 37, 10); ко Христу всегда взирая и вопия: *очи мои выну ко Господу* (Пс. 24, 15), со Христом беседуя чистою молитвою, Его ею услаждая в радовании и говоря: *да усладится Ему беседа моя, аз же возвеселюся о Господе* (Пс. 103, 34). Ибо и Бог, приемля молитвенную беседу и как любимый, и как именуемый, и как на помощь взыскуемый, неизреченную подает радость молящейся душе; и душа, поминая Бога в молитвенной беседе, возвеселяется о Господе, говоря с пророком: *помянух Бога и возвеселихся* (Пс. 76, 4).

2) Храни чувства, и упразднишь услаждение чувственным. Бегай и мысленных мечтаний о сластях чувственных, и упразднишь сластолюбивые помыслы. Ум же, немечтательным пребывая, как не приемлющий впечатлений и изменений ни от предметов сластных, ни от помыслов похотных, находится в чистой простоте, и быв выше всех чувственных и мысленных вещей, к Богу возводит помышление свое, ни что другое, как имя Господа при непрестанной памяти в глубине сердца возглашая, как дитя отца своего. И как Адам, рукою Божиею созданный из персти, бысть в душу живу дуновением Божественным: так и ум, добродетелями пересозданный, частым призыванием Господа, с чистою мыслию и теплым расположением возглашаемым, божественным изменением изменяется, будучи оживляем и боготворим познанием и возлюблением Бога.

3) Когда выступишь из похотения вещей земных непрестанною сердечною молитвою, и как сном почиешь от помышления о всем, что после Бога, и всецело утвердишься в единой памяти Божией: тогда воссозиждется в тебе, как бы иная помощница, любовь Божия. Ибо из молитвы рождающееся сердечное вопияние источает любовь божественную, а божественная любовь возбуждает ум к объявлению сокровенных вещей. Тогда ум, с любовию сгармонировавшись, оплодотворяется премудростию и действием премудрости возвещает дивные вещи. Ибо Бог Слово, в молитвенном воззвании сердечно именуемый, вземлет разумение, как ребро, и дарует ведение, и место его восполняя благим расположением, дарует добродетель, созидает светотворную любовь и приводит ее к иступившему уму, спящему и почивающему от всякого земного похотения. Сия-то любовь и оказывается иною помощницею уму, почившему от неразумного пристрастия к чувственным вещам тем, что возбуждает ум к словесам премудрости. Тогда ум, взирая на нее и ею услаждаясь, в пространном слове обнародывает другим сокровенные расположения добродетели и незримые действия разума.

4) Выступи из всего чувственного и оставь закон плоти, – и закон духовный напишется в сердце твоем. Ибо как духом ходящий похоти

плотской не совершает, по Апостолу (Гал 5, 16), так выступающий из чувств и чувственного, т. е. из плоти и мира, приходит в состояние духом ходить и духовное мудрствовать. Сие уразуметь можешь ты и из того, что Бог делал для Адама прежде преслушания.

5) Подвизающегося в хранении заповедей, в раю молитвы пребывающего и Богу предстоящего непрестанною памятию Бог исступляет из сластолюбивых воздействий плоти, всех чувственных движений и всех воображений чувственных вещей в мысли, и мертвым соделовая его для страстей и греха, представляет причастником божественной жизни. Ибо как спящий и мертвому уподобляется, и жив есть, – первое по телу, а второе по действу души: так и в духе пребывающий для плоти и мира мертвым является, а мудрованием духа жив бывает.

6) Если понимаешь, что поешь, то получаешь познание; от познания стяжевается сознание, или совесть (относительно познанного); от совести прозябает совершение познанного делом; от сего совершения произрастает плод опытного ведения; опытное же ведение возводит к истинному созерцанию; от сего же воссиявает премудрость, светозарными словесами благодати исполняющая воздух мысленный и тем, кои вне суть, изъясняющая сокровенное.

7) Сначала ум ищет и находит, потом соединяется с найденным. Искание совершает он разумом, а соединение любовию. Искание разумом бывает ради истины, а соединение любовию ради добра.

8) Стоящий выше текучего естества настоящих вещей и чуждый похотения вещей преходящих не смотрит на дольнее и не вожделевает красот земных; но на горнее отверстыми имеет очи свои, горние доброты зрит и вкушение чистого блаженства поставляет себе целию. Ибо как для внимающего одним вещественным благам земли и склонного к плотским удовольствиям, небеса заключены как для имеющего омраченными мысленные очи свои: так презирающий дольнее и отвращающийся от него имеет ум горе восторженным, видит славу присносущных благ и постигает светозарность, обетованную святым. Таковой и любовь Божию свыше в него сходящую приемлет, и храмом Духа Святого бывает, и божественных хотений вожделевает, и Духом Божиим водится, и сыноположения сподобляется, и Бога имеет благоволящим к нему и им благоугождающимся. *Елицы бо Духом Божиим водятся, сии суть сынове* (Рим. 8, 14).

9) Под предлогом немощи не оставляй молитвы, даже на один какой день, пока есть в тебе дыхание, слыша слова апостольские: *егда немоществую, тогда силен есмь* (2 Кор. 12, 10). Действуя так, большую получишь пользу; и молитва скоро восставит тебя при содействии благодати: ибо где утешение Духа, там немощь и уныние не постоят.





Блаженного Каллиста Патриарха главы о молитве [21]

Если хочешь держать настоящее делание молитвы, подражай гусляру, который, преклонив немного главу и ухо обратив к струнам, искусно ударяет по струнам и, извлекая гармонические звуки, услаждается их мелодиею.

2) Ясен ли тебе пример сей? – Гусли – сердце; струны – чувства; бряцало – память Божия; гусляр – ум. Ум памятию о Боге и божественных вещах извлекает из богобоязненного сердца чувства святые, от которых сладость некая неизреченная исполняет душу, и ум, чистым бывая, освещается божественными озарениями.

3) Гусляр ничего не видит и не слышит, кроме своей мелодии, коею услаждается. И ум во время молитвы действенной трезвенно углубляется в сердце и ничему уже внимать не может, кроме Бога. Все внутреннее его изрекает к Богу Давидским гласом: *прилепе душа моя по Тебе* (Пс. 62, 9).

4) Если чувств телесных не заградим, то не источится в нас ключем бьющая вода оная, которую даровал Господь самаряныне. Сия, ища чувственной воды, обрела иную воду живую, текущую внутрь нее самой. Ибо как земля естественно имеет в себе воду, которую, как только откроется исход, тотчас и изливает, так и земля сердца естественно имеет в себе эту воду духовную, из него ключом бить начинающую, как только возможно станет, подобно праотческому свету, который чрез преслушание потерян Адамом.

5) Как вода чувственная непрестанно течет из источника: так и живая вода, ключом бьющая из души по открытии ее, не перестает источаться. Она, и в душе богоносного мужа Игнатия вселившись, располагала его говорить: «нет во мне огня веществолюбивого (питающегося веществом), но во мне вода действует и говорит».

6) Сия блаженная, паче же и треблаженная вода, умное, говорю, трезвение души, подобна воде, бьющей и источающейся из глубины земли. И эта вода, что из источника истекает, источник делает полным, а вода, что бьет из сердца, и как бы сказать, приснодвижно движима бывает Духом, всего внутреннего человека исполняет божественною духовною росою, внешнего же делает огненным.

---

[21] Текст Феофаном немного перефразирован и урезан, но смысл сохранился.

7) Ум, очистившийся от всего внешнего и чувства всецело подчинивший себе деятельною добродетелию, неподвижным пребывает внутрь сердца, как в центре водружая взор свой. Там, приемля мысленные озарения, как блистания молнийные, собирает он божественные разумения.

8) Слыша сие, никто из непосвященных или еще *млека требующих* (Евр. 5, 12) да не касается того, как такого, чего касаться не в свое время запрещено. Покушение тех, которые прежде времени взыскивают того, что бывает в свое время, и тщатся насильно протесниться в пристань бесстрастия без должного к тому приготовления, святые отцы назвали умоисступлением. Ибо не знающему букв невозможно читать книг.

9) Движения, вследствие подвига, производимые в душе Божественным Духом, делают сердце тихостным и непрестанно побуждают его вопиять: *Авва Отче!* Но это не сопровождается какими-либо воображениями или бывает безобразно; нас же преобразует зарею божественного света и дает нам образ, какой подобает соответственно горению Духа Божественного; и не только это, но и изменяет и переменяет божественною властию, как Сам Он один то ведает.

10) Ум, очистившийся посредством трезвения, если непрестанною памятию Иисусовою не упразднится от всего внешнего, легко омрачается. Равно, с деятельностию соединивший созерцание, или хранение ума, молвы о себе не отрицается и говора о себе ясного или неясного не отвращается. Ибо только душа, *уязвленная* божественною ко Христу *любовию,* влечется вслед Его Единого, как брата (Песн. 2, 5).

11) Удерживать плотские страсти и взыграния или с разумом упраздняться от них, по слову пророка: *упразднитеся и разумейте* (Пс. 45, 11), можно и живущим в мире; изгладить же, или потребить их – для них невозможно. Но жизнь пустынная умеет явно искоренять их.

12) Из живых или текучих вод иная имеет быстрое движение, а иная тихое и медленное. Первая по причине скорости своего движения не может оставаться мутною и, если когда немного возмутится, скоро опять прочищается, имея такое движение. Но когда движение воды, изменившись, станет наималейшим, тогда она не только возмущается, но такою почти и остается по неподвижности своей; и надобно бывает прочищать ее, дав ей движение.

13) К новоначальным, нравоучимым и деятельным бес подходит звуками ясными или неясными. А для созерцательных производит некие фантазии, иногда окрашивая воздух наподобие света, а иногда производя огневые какия-либо образования, чтоб такими покушениями прельстить как-нибудь подвижника Христова.

14) Если хочешь научиться, как должно молиться, взирай на конец внимания, или и молитвы. Конец же сей есть умиление, сокрушение сердца, любовь к ближнему; чему противоположное само собою явно, именно – помысл похоти, шептание клеветы, ненависть к ближнему и сему подобное. Все сие несовместно с деланием молитвы.



Каллист патриарх и сподвижник его Игнатий, Ксанфопулы

Краткое сведение о них [22]

Каллист, святейший патриарх Константинопольский, Ксанфопул, процветал при Андронике втором из Палеологов (1360 г.). Научившись подвижничеству у св. Григория Синаита – которого потом и житие описал пространно, – проводил подвижническую жизнь на святой Афонской горе, в ските Магула, лежащем против монастыря Филофея. Жил он с сотаинником своим Марком целых двадцать восемь лет. Но и с Игнатием, тоже Ксанфопулом, был столь дружественен, что, казалось, одна душа была в них обоих. Сделавшись потом патриархом и отправясь в Сербию с клиром для умиротворения тамошней Церкви, проходил он чрез Св. гору, где Максим Капсокаливит предсказал скорую ему кончину, говоря: старец сей не увидит более своей паствы, ибо позади его слышится уже надгробная песнь: *блажени непорочнии в пути.* Прибыв в Сербию, он действительно переменил жизнь тленную на нетленную.

О сих двух великих подвижниках Симеон Солунский, рассуждая о молитве Иисусовой, говорит такими словами: «В наши дни о сей молитве превосходно написали Духом движимые богоносные отцы Каллист, патриарх нового Рима, и содушный ему сподвижник, преподобный Игнатий, в книге, богомудро ими составленной, излагая полное и совершенное о ней познание. – Они были отраслями царствующего града, и все оставив, сначала девственно и монашески пожили в послушании (в обители), а потом вдвоем неразлучно проводили воистину небесную подвижническую жизнь, едино во Христе пребывая, как Сам Христос молился о нас к Отцу (Ин. 17, 11), и мир, какого св. Павел благожелал ученикам своим (Флп. 4, 7), соблюдши в совершенстве, мирно преставились в иную жизнь, где вышний вкушают мир, чистейше созерцая Иисуса, Коего вседушно возлюбили и взыскали, и едино с Ним пребывая, и светом Его сладчайшим ненасытно наслаждаясь: чего залог они еще здесь стяжали, очистившись через созерцание и делание и небесного сподобившись просвещения, коего отблеск виден был и на лицах их, как на лице Стефана» (295 г.).

[22] Перевод выполнен Феофаном в соответствии со славянским Добротолюбием, только к этому он прибавил слова Симеона Солунского.



Иноков Каллиста и Игнатия Ксанфопулов
Наставления безмолвствующим, в сотне глав [23]

1) О нужде научать друг друга добру

Нам, которые, яко чада Света и наследники Божии, сонаследники же Христовы, по обетованию же божественному должны быть научаемы Самим Богом (Ин. 6, 45), носить неизреченно в сердце яснее пламени написанным Новый Завет и управляться благим и правым Духом, надлежало бы жить ангелоподражательно и никакой не иметь нужды, чтоб кто-либо научал нас: *познай Господа* (Иер. 31, 34). Но как ныне с одной стороны наше с детства отклонение от доброго и уклонение к худому, с другой обольщение и непримиримая вражда против нас лютого велиара, научают нас, отвратившись от спасительных и боготворных заповедей, носиться по душепагубным стремнинам и, что всего плачевнее, возбуждают нас против самих себя и мудрствовать и действовать, до того, что, по слову Божию, *несть разумеваяй или взыскаяй Бога,* и мы все, уклонившись от правого пути, стали неключимы (Пс. 13, 2, 3), плотяны и безблагодатны: то крайнюю имеем нужду во взаимном друг друга направлении к добру и содействии в том.

2) Указывается, что настоящее наставление пишется по просьбе некоего брата и в исполнение заповеди отеческой; испрашивается помощь Божия себе к написанию, а читающим к уразумению и исполнению того

Так как ты, движимый, по Слову Господню, желанием испытывать божественные животворные Писания и посвященным соделаться в таинства их непогрешительно, часто просил и у нас неключимых слова и писанного правила на пользу себе, а, может быть, и другим, как сам говоришь: то мы, если не прежде, то теперь должным сочли исполнить, с

[23] Приводится по переводу Феофана (к сожалению 68, 69 и 70 главы отсутствуют, см. в слав. Добротолюбии).

Божиею помощию, похвальное желание твое, забыв из любви к тебе и пользы ради твоей о нашей совоспитаннице – лености, и тебе подражая в твоем рвении к добру и твоем неутомимом трудолюбии, чадо наше духовное и возлюбленнейшее, паче же всего устрашившись Божия осуждения, которым угрожается всякому, скрывающему талант свой, а при этом и заповедь отеческую желая исполнить, которую заповедали нам отцы наши и учители духовные, чтоб мы и другим боголюбивым вверяли то, чему от них научились. Бог же, Отец любви, и всех вообще благ всещедрый раздаятель, дававший слово и скотам несмысленным, да дарует нам, нескорым и немотствующим, благопотребное слово во отверзение уст наших, на пользу слышащих, тебе же и прилучающимся, по слову своему, да приложит ухо мудро и разумно слушать сие и, как Ему любезно, неуклонно жительствовать по сему: ибо без Него, как написано, не можем мы делать ничего душеполезного и спасительного (Ин. 15, 5), и: *аще не Господь созиждет дом, всуе трудишася зиждующии* (Пс. 126, 1).

3) Программа предлежащего наставления

Поелику всяким делом заправляет цель, цель же у нас та, чтоб по силе нашей высказать все, что может способствовать к твоему преуспеянию, а у тебя та, чтоб по тому, что будет сказано, в точности направить жизнь свою: то прежде всего другого надобно уяснить, на что в полноте домостроительства Христова взирая, можем мы верно и основание зданию жизни положить, и здание ее совершить, и в свое время, или как поможет Бог, подобающий возложить на него кров, – все архитектонством Духа (перифраз: ибо темна речь).

4) Основное начало наставления

Основное начало нашего с Божиею помощию наставления кратко совмещается в следующем положении: надобно всячески и всеусильно стараться жить по законоположению всех боготворных заповедей Спасителя; – чтоб чрез соблюдение их взойти опять к тому совершенному духовно – благодатному возображению и воссозданию, какое вначале туне даровано нам было во святой купели, или, – если угодно тебе так определить сей дар, – чтоб отложив ветхого Адама с деяниями и похотями его, облещися в нового и духовного, Который есть Господь Иисус Христос, как говорит божественнейший Павел: *чадца моя, имиже паки болезную, дондеже вообразится Христос в вас* (Гал. 4, 19); и: *елицы во Христа крестистеся, во Христа облекостеся* (Гал. 3, 27).

5) Слава благодати Св. Крещения, и – что омрачает ее, и что восстановляет

Какая же это благодать, и как мы сподобляемся ее, – что омрачает ее и что возочищает, сие объяснит тебе паче всякого злата душою и сло-

вом блестящий св. Златоуст, говоря: *«славу Господню взирающе, в той же образ преобразуемся* (2 Кор. 3, 18). Это было яснее для верующих времен апостольских, когда действовали дарования чудес; впрочем, кто имеет очи веры, тому и ныне не трудно уразуметь сие. Вместе с тем, как мы крещаемся, душа наша, очищенная Духом, делается светлее солнца; и мы не только бываем способны смотреть на славу Божию, но еще и сами получаем от нее некоторое сияние. Как чистое серебро, лежащее против солнечных лучей, и само испускает лучи не только от собственного естества, но и от блеска солнечного: так и душа, очищенная Духом Божиим и сделавшаяся блистательнее серебра, и в себя принимает луч от славы Божией, и от себя отражает луч той же славы. Посему и говорит Апостол: *взирающе славу Господню, в той же образ преобразуемся от славы в славу,* т. е. *от славы* Духа в *славу* нашу, в нас вселяющуюся, и притом в такую славу, какой подобает быть *от Господня Духа».*

Спустя немного продолжает он: «Хочешь ли, я покажу тебе это яснее и чувствительнее на апостолах? Помысли о Павле, коего и одежда имела чудное действие; вспомни о Петре, коего и тень обнаруживала чудодейственную силу. Если б они не носили в себе образа Царя Небесного и не были неприступны блистания их, то одежды их и тени не обнаруживали бы такой силы: ибо одежда царя страшна и для разбойников. Хочешь ли видеть, как и сквозь тела проникает внутренний свет их? – *Воззревше на Стефана,* говорит книга Деяний, *видеша лице его, яко лице Ангела* (6,15). Но это еще ничего в сравнении с внутри его сиявшею славою. Ибо что Моисей тогда имел на лице своем, то они носили в душе своей. – И еще гораздо большее того: ибо бывшее у Моисея было более чувственно, а это духовно. И как тела, имеющие способность принимать и отражать свет, освещаясь телами самосветящимися, и сами отражающийся в них свет разливают на другие ближайшие к ним тела: так бывает и с верными. И поэтому-то испытывающие сие отрешаются от земного и помышляют об одном небесном. – Но увы! прилично нам при сем горько восстенать; что такого сподобляясь благородства, мы не понимаем даже, что говорится о нем, потому что скоро теряем его и уклоняемся к чувственному. Сия неизреченная и страшная слава бывает в нас один или два дня, а потом мы погашаем ее, наводя бурю житейских дел и густотою облаков их отражая лучи ее» (беседа 7-я на 2 Посл. к Коринф.).

В другом негде месте говорит он: «Тела угодивших Богу в такую облекутся славу, какой даже и видеть нельзя этими (настоящими) глазами. Некоторые сего знамения и неясные следы благоволил Бог дать и в Ветхом и в Новом Завете. Там лицо Моисеево такою осиялось славою, что было неприступно для очей Израильтян; а в Новом еще гораздо более просияло лицо Христово».

Выслушал ты теперь глаголы Духа? Уразумел силу таинства? Познал, каковы болезни совершенного нашего от святой купели духовного возрождения? Каковы плоды его, полнота и победные почести? И насколько в нашей власти состоит умножить или умалить сию преестественную благодать, т. е. проявить или затмить? Затмевают ее – буря житейских забот и от них рождающийся мрак страстей, кои, наподобие вихря или дикого потока нападая на нас и душу потопляя, не дают ей ни отдохнуть, ни воззреть на то, что истинно добро и блаженно, для чего она и создана, но всю ее, избитую и измученную волнами и дымом сластей чувственных, омрачают и погружают в непотребства. Проявляет же ее противное сему, – то, что отрождается от боготворных заповедей, и для тех, кои не по плоти ходят, но по духу: ибо, говорится, *Духом ходите и похоти плотския не совершайте* (Гал. 5, 16), душеполезно и спасительно возводя их, как по лествице, на самый верх совершенства, на самую последнюю из степеней его – в любовь, которая есть Бог.

6) Во Святом Крещении мы туне приемлем Божественную благодать; когда же закрываем ее страстьми, то опять возочищаем исполнением заповедей

В божественных ложеснах, т. е. в священной купели, всецело совершенную божественную благодать приемлем мы туне. Если после того как-нибудь, по злоупотреблению вещами временными и по многозаботливости о делах житейских, закроем ее мглою страстей, то можно и после сего чрез покаяние и исполнение заповедей богодейственных опять восприять и снова стяжать преестественную ее светлость и увидеть наияснейше проявление ее. Проявление ее открывается по мере ревности каждого быть верным вере, но паче всего помощию и благоволением Господа Иисуса Христа, как говорит св. Марк: «Христос, яко Бог совершенный, совершенную даровал крестившимся благодать Святого Духа, которая никакого от нас не получает прибавления, а только открывается и проявляется в нас соответственно исполнению заповедей, и приложение веры подает нам, *дондеже достигнем вси в соединение веры, в меру возраста исполнения Христова* (Еф. 4, 13). Почему если что приносим мы после того, как возродимся в Нем, то и это Им и из Него было уже сокрыто в нас».

7) Живущему по Богу надо все заповеди проходить, но большую часть деятельности уделять первейшим из них, яко породительницам прочих

Итак, поелику, как мы сказали, начало и корень всего свойственного нам действования есть, чтобы жить по спасительным заповедям, предел же и плод (чаемый от сего) есть, чтобы опять востещи к дарованной нам вначале чрез крещение совершенной благодати Святого Духа, которая

хотя все еще в нас есть (ибо *нераскаянны дарования Божия,* как говорит Апостол (Рим. 11, 29)), но загромождена страстьми, и открывается только чрез исполнение богодейственных заповедей: то надлежит нам всячески стараться чрез всеусильное исполнение всех таких заповедей возочистить сущую в нас благодать Духа, привести ее в явление и наияснейше увидеть. *Светильник ногама моима,* говорит блаженный Давид к Богу, *закон Твой и свет стезям моим* (Пс. 118, 5); и: *заповедь Господня светла, просвещающая очи* (Пс. 18, 9); и: *ко всем заповедем Твоим направляхся* (Пс. 118, 128). Возлежавший на перси Господа говорит: *соблюдаяй заповеди Его, в Нем пребывает, и Той в нем* (1 Ин. 3, 24); и: *заповеди Его тяжки не суть* (1 Ин. 5, 3). И Сам Господь учит: *имеяй заповеди Моя, и соблюдаяй их, той есть любяй Мя: а любяй Мя, возлюблен будет Отцем Моим: и Аз возлюблю его, и явлюся ему Сам* (Ин. 14, 21); и: аще кто любит Мя, слово Мое соблюдет: и Отец Мой возлюбит его, и к нему придем, и обитель у него сотворим (там же ст. 23); и: *не любяй Мя, словес Моих не соблюдает* (ст. 24).

Наипаче заботиться должно о первейших из сих заповедей и источных, кои суть как бы матери прочих, и им наибольшую посвящать часть действования. Ибо сим образом, с Божиею помощью, мы непреткновенно достигнем и цели предположенного в начале доброго действования, и конца стремления нашего, т. е. проявления в нас благодати Святого Духа.

8) Начало всякого Богу угодного действования есть с верою призывание имени Господа нашего Иисуса Христа и с ним воссиявающие из него мир и любовь

Начало всякого Боголюбезного действования есть с верою призывание спасительного имени Господа нашего Иисуса Христа, – так как Он Сам заявил: *без Мене не можете творити ничесоже* (Ин. 15, 5), и с сим призыванием мир и любовь: мир, ибо *молитися подобает,* как говорит Апостол, *без гнева и размышления* (1 Тим. 2, 8); любовь, ибо *Бог любы есть, и пребываяй в любви в Бозе пребывает, и Бог в нем* (1 Ин. 4, 16). Сии же – мир и любовь – не только благоприятною делают молитву, но и сами опять из сей молитвы рождаются и воссиявают, как неразлучные божественные лучи, и возрастают, и в совершенство приходят.

9) Каждым из сих трех и всеми тремя вместе подается нам обилие всех благ

Каждым из сих трех и всеми тремя вместе подается нам и множится в нас обилие всех благ. – Ибо с верою призыванием имени Господа нашего Иисуса Христа твердо надеемся мы получить милость и жизнь истинную, в Нем сокровенную, кои, при частом возглашении внутрь сердца имени Господа нашего Иисуса Христа, источаются из него, как из не-

коего божественного источника приснотекущего. – Превосходящим всякий ум и никакого предела не имеющим миром сподобляемся примирения с Богом и друг с другом. – Любовию, коей хвала несравненна, – так как она есть конец и глава закона и пророков, так как и Бог именуется любовию, – всецело сочетаваемся с Богом, при упразднении греха нашего правдою Божиею и при дивно чрез любовь действующем в нас благодатном сыноположении. *Зане любовь покрывает множество грехов* (1 Петр. 4, 8); *любы вся покрывает, всему веру емлет, вся уповает, вся терпит, любы николиже отпадает* (1 Кор. 13, 7).

10) и Господь наш Иисус Христос, в дни спасительной страсти, их оставил ученикам Своим как окончательные заповеди и наследие Божественное, также и по воскресении

Почему и Сам Всеблагий и Сладчайший Господь наш Иисус Христос, и когда приблизился к вольному за нас страданию Своему, и когда явился апостолам по воскресении, и еще когда имел взыти ко Отцу Своему по естеству нашему по благодати, яко истинный и чадолюбивый Отец, оставил их всем своим, как последние некие заповеди и сладостные утешения, как дорогие и верные, так сказать, залоги, лучше же как Богом подаемое наследие. – Когда настало спасительное Его страдание, Он явил сие в следующих сказанных ученикам словах: *аще чесо просите во имя Мое, Аз сотворю* (Ин. 14, 14); и: *аминь, аминь глаголю вам, яко елико аще чесо просите от Отца во имя Мое, даст вам. Доселе не просисте ничесоже во имя Мое: просите и приимите, да радость ваша исполнена будет* (Ин. 16, 23, 24). – Опять по воскресении говорил Он им: *знамения верующим сия последуют: именем Моим бесы ижденут, языки возглаголют новы* и проч. (Мк. 16, 17). Согласно с сим возвещает и наперсник, Иоанн Евангелист: *многаже и ина знамения сотвори Иисус пред ученики Своими, яже не суть писана в книзе сей. Сия же писана быша, да веруете, яко Иисус есть Христос Сын Божий, и да верующе живот имате во имя Его* (Ин. 20, 30, 31). И св. Павел апостол: *о имени Иисусовом всяко колено поклонится* и проч. (Флп. 2, 10). И в Апостольских Деяниях написано: *тогда Петр исполнився Духа Свята, рече: разумно буди всем вам, и всем людем Израилевым, яко во имя Иисуса Назорея, Егоже вы распясте, Егоже Бог воскреси от мертвых, о Сем сей стоит пред вами здрав.* И немного спустя: *и несть ни о едином же ином спасения: несть бо иного имене под небесем даннаго в человецех, о немже подобает спастися нам* (Деян. 4, 8-12). И опять Спаситель: *дадеся Ми всяка власть на небеси и на земли* (Мф. 28, 18). Это же явно и из того, что Богочеловек Господь сказал апостолам прежде Креста: *мир оставляю вам, мир Мой даю вам* (Ин. 14, 27); и: *сия глаголю, да во Мне мир имате* (Ин. 16, 33); и: *сия есть заповедь Моя, да любите друг друга* (Ин. 15, 12); и: *о сем разу-*

меют вси, яко Мои ученицы есте, аще любовь имате между собою (Ин. 13, 25); и: *якоже возлюбил Мя Отец, и Аз возлюбих вас: будите в любви Моей. Аще заповеди Моя соблюдете, пребудете в любви Моей: якоже Аз заповеди Отца Моего соблюдох, и пребываю в Его любви* (Ин. 15, 9, 10). И опять по воскресении в разные времена часто видится Он дающим мир, являяся Своим и говоря: *мир вам* (Ин. 20, 21). – Петру же апостолу, которому вверил и первенство над учениками, до трех раз говорил Он: *если любишь Меня, Петре, паче других, паси овцы Моя* (Ин. 21, 17), показывая тем, что вверение попечения о пастве есть некое воздаяние за горячайшую любовь к Самому Господу Иисусу Христу. – Не далеко будет от нашей цели или предмета нашего и то, если кто скажет, что от только что показанных трех добродетелей рождаются нам другие три дивные плода, именно: очищение души, просвещение и зрелость духовная.

11) В сих трех совмещены все добродетели

Если кто захочет со всем вниманием до точности исследовать, то найдет, что на этой треплетной и нерасторжимой верви висит из всех добродетелей Богом сотканная порфира. Ибо жизнь по Богу есть некая драгоценная златоиспещренная сеть, в коей одна добродетель тесно сочетавается с другою и все сгармонировываются воедино: так как все они одно дело устрояют, – именно то, что обожают человека, искренно в них живущего, обогащая его некако, как бы соединительными кольцами, – этим сладчайшего имени Господа нашего Иисуса Христа с верою, если же хочешь, и с надеждою и смирением спасительным призыванием, а также обогащая миром и любовию, кои суть воистинну богонасажденное трехстебельное дерево, – жизнеподательное, которого благовременно касающийся и, как подобает, причащающийся, не смерть, как первозданный, а жизнь непрестающую и вечную собирает.

12) Дар и присещение Святого Духа подается верным от Бога Отца о Христе Иисусе и о святом имени Его

Еще же и Святого Духа дар и присещение подается верным от Бога Отца, о Христе Иисусе и о святом имени Его, как Сам пребожественный и душелюбивый Господь Иисус Христос говорит апостолам: *уне есть вам, да Аз иду: аще бо не иду Аз, Утешитель не приидет к вам: аще ли же иду, послю Его к вам* (Ин. 6, 7); и: *егда же приидет Утешитель, Егоже Аз послю вам от Отца, Дух истины, иже от Отца исходит* и проч… (Ин. 15, 26); и опять: *Утешитель же Дух Святый, Егоже пошлет Отец во имя Мое* (Ин. 14, 26).

13) Святыми отцами и с живущим в них Духом Святым преподобно определено молиться нам Господу нашему Иисусу Христу и у Него просить милости

Посему очень премудро славные руководители наши и наставники и с живущим в них Духом Святым, и всех нас, паче же тех, кои возжелали вступить на поприще боготворного безмолвия, Богу себя посвятить и, отторгшись от мира, разумно безмолвствовать, научают преимущественно пред всяким другим деланием и попечением Господу молиться и у Него просить милости с несомненным упованием, непрестанным имея делом и занятием призывание всесвятого и сладчайшего имени Его, всегда нося Его в уме, в сердце и в устах, и всячески понуждая себя в Нем и с Ним и дышать, и жить, и спать, и бодрствовать, и ходить, и есть, и пить, – и все вообще, что ни делаем, так делать. Ибо – как, при отсутствии Его, стекается к нам все зловредное, не оставляя места ничему душеполезному: так, при Его присутствии, все противное отгоняется, ни в чем добром не бывает недостатка и все является возможным для исполнения, как и Сам Господь наш возвещает: *иже будет во Мне и Аз в нем, той сотворит плод мног: яко без Мене не можете творити ничесоже* (Ин. 15, 5). Сие убо страшное для всякой твари и досточтимое имя паче всякого имени с верою призвав, и мы недостойные смело подымем, с помощью Его, ветрила настоящего слова и начнем простираться в предняя.

14) Тому, кто возжелал непадательно шествовать о Господе путем безмолвия, паче всего надлежит со всецелым от всего отречением избрать и совершенное повиновение

О имени великого Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, рекшего: *Аз есмь свет, и живот, и истина, путь и дверь ко Отцу* (Ин. 8, 12, 14, 6); и: *Мною аще кто внидет, спасется, и внидет, и изыдет, и пажить обрящет,* конечно, спасительную (Ин. 10, 9, 10, – внемли тому, что мы говорим и искренно тебе советуем. – Прежде всего, избери себе со всецелым, по божественному слову, отречением и совершенное повиновение непритворное. Для сего со всем усердием взыщи и постарайся найти себе руководителя и учителя непрелестного (непрелестность его да будет в представлении им в подтверждение того, что говорит, свидетельства из Божественного Писания), духоносного, сообразную с словами своими и жизнь ведущего, высокого в умозрении, смиренного в мудровании о себе, во всем добронравного и вообще такого, каким, по богопреданным словесам, надлежит быть Христову учителю.

Нашедши же такого и к нему, как к родному отцу сын отцелюбивый, прилепившись телом и духом, пребывай с того времени весь в его повелениях и с ним во всем согласуйся, смотря на него, как на Самого Христа, а не как на человека, и всякое от себя отгоняя неверие и сомне-

ние, равно как и всякое свое мудрование и самоохотное хотение; шаг за шагом последуй за учителем своим, как зеркало какое, как свою совесть, имея это нерассуждающее полное ему послушание. Если же иной раз что-либо противное сему подсеет в ум твой враждебный всему доброму диавол, как от блуда и как от огня, отскочи от того, так премудро говоря к себе против влагающего такие мысли прельстителя: не руководимый руководящего, а руководящий руководимого руководит; не я его, начальствующего, а он мой взял на себя суд (мою вину); не я его, а он моим состоит судьею, по св. Лествичнику, и подобное (Сл. 4).

Для того, кто восприял намерение расторгнуть рукописание своих прегрешений и сподобиться быть вписану в божественную книгу спасаемых, нет вернейшего к тому способа, как такой образ жизни, т. е. послушание. Ибо если, по блаженному Павлу, Сын Божий и Бог наш, Господь Иисус, ради нас став подобным нам и премудро устрояя отческое о нас благоволение, видится протекающим сей путь (послушания), и чрез него сподобляется отчего, за благоугождение Ему по человечеству, прославления; ибо *смирил Себя,* говорится, *послушлив быв даже до смерти, смерти же крестныя; темже и Бог Его превознесе, и дарова Ему имя, еже паче всякаго имене* и проч… (Флп. 2, 8, 9): то кто же осмелиться дерзко, чтоб не сказать, несмысленно надеяться, что сподобится славы Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа и отеческих воздаяний, не избрав шествовать тою же, с Вождем и Учителем нашим Иисусом Христом, стезею. Ибо ученику, если у него есть забота быть, как учитель, надлежит неуклонно со всем рвением душевным, как на пример и первообраз наилучший, смотреть на жизнь и дела руководителя своего и понуждать себя во всем всегда подражать ему. Так и о Самом Господе нашем Иисусе Христе написано, что Он *бе повинуяся* отцу и матери Своей (Лк. 2, 51); и Сам о Себе Спаситель говорит: *не приидох, да послужат Мне, но послужити* (Мф. 20, 28). – После сего, возможно ли о том, кто живет иначе, – т. е. без руководителя, самоугодливо и самовольно, – думать, что он живет божественною жизнию, согласно со Словом Божиим? Никак отнюдь. И Лествичник говорит: «как идущий без проводника легко сбивается с пути и заблуждается: так самочинно проходящий монашескую жизнь легко погибает, хотя бы он знал всю мудрость мирскую». Почему многие очень, чтоб не сказать – все, – из тех, кои шествуют не путем послушания и без совета, хотя по труду своему и поту мечтают, как во сне, будто сеют много, но поистине нажинают весьма немного; некоторые же вместо пшеницы, увы! пожинают плевелы, как устрояющие жизнь свою самочинно по самоугодливому мудрованию, – чего хуже ничего нет. О сем свидетельствует св. Лествичник, так пиша: «Вы, которые решились вступить на поприще сего мысленного исповедничества; вы, которые хотите взять на выю свою иго Христово; вы, которые отселе желаете сложить бремя свое на выю другого, ко-

торые стремитесь добровольно продать себя в рабство, чтобы в замену оного получить истинную свободу; вы, которые преплываете великую сию пучину, будучи поддерживаемы руками других: знайте, что вы покусились идти путем кратким, хотя и жестким, на котором одна только есть стезя, вводящая в заблуждение, – называемая самочинием. – Кто совершенно отвергся самочиния, тот всего, что почитает добрым, духовным и богоугодным, уже достиг, прежде нежели вступил в подвиг, потому что послушание есть неверование себе самому во всем добром, даже до конца жизни своей» (Сл. 4, п. 5).

Посему и ты, разумно познав сие и благой неотемлемой части небошественного безмолвия возжелав подвижнически обучиться, последуй добре установленным законам, как тебе показано, и во-первых, объятельно обыми послушание, а потом и безмолвие. Ибо как деяние есть ступень к созерцанию, так послушание к безмолвию. Не *покушайся же прелагать пределы, которые положили отцы,* как написано (Притч. 22, 28); помни и то, что *горе единому* (Еккл. 4, 10). Положив таким образом доброе начало основанию, с продолжением времени возложишь ты и славный покров на духосозидательное свое здание. Ибо как у кого начало неискусно, у того, как сказал некто, и все нетерпимо: так напротив, у кого начало искусно, у того и все благолепно и благочинно, хотя случается иной раз и противное сему: что, впрочем, от нашего произволения бывает.

15) Какие признаки истинного послушания, кои имея, истинный послушник мог бы послушничествовать без падений

Но поелику о сем образе жизни *многое нам и не удобь сказаемое слово;* почему и проходящие ее проходят различно: то надобно указать тебе некоторые отличительные черты ее, как признаки, которых держась, как правила и отвеса, мог бы ты жительствовать с непогрешительною исправностию. – И се говорим тебе, что истинному послушнику всенеобходимо, как нам кажется, должно соблюдать следующие *пять добродетелей:* во-первых, *веру,* чистую и нелестную веру настоятелю (руководителю) своему в такой мере, чтоб смотрел на него, как на Самого Христа, и как Христу повиновался ему, как говорит Господь Иисус: *слушаяй вас, Мене слушает, и отметаяйся вас, Мене отметается; отметаяйся же Мене, отметается Пославшаго Мя* (Лк. 10, 16); и как учит Апостол: *всяко еже не от веры, грех есть* (Рим. 14, 23). Во-вторых, *истину,* т. е. чтоб истинствовал в деле и слове и в точном исповедании помыслов; ибо написано: *начало словес твоих истина* (Пс. 118, 160), и: *истины взыскует Господь* (Пс. 30, 24). И Христос говорит: *Аз есмь истина* (Ин. 14, 6); почему и самоистиною наименован был. В-третьих, – *не творить воли своей:* ибо для послушника, как говорится, творить волю свою есть большая потеря и большой вред; ему

надо всегда отсекать волю свою, и притом самоохотно, т. е. не по принуждению от отца своего. В-четвертых, отнюдь *не прекословить и не спорить;* потому что прекословие и спор не свойственны благочестивым. И священнейший Павел пишет: *аще ли кто мнится спорлив быти, мы таковаго обычая не имамы ниже Церкви Божия* (1 Кор. 11, 16). Если же так просто и вообще всем христианам возбраняется сие, то тем паче монахам, которые дают обет полного во всем повиновения. Прекословие и спорливость происходят от самомнения, сожительницы неверия и высокоумия; как напротив, непрекословие и неспорливость происходят от верного и смиренномудрого настроения. – В-пятых, должно ему соблюдать следующую добродетель – точно и *искренно все исповедовать настоятелю своему* (руководителю); как мы и на пострижении, как бы страшному предстоя Престолу Христову, пред Богом и святыми Ангелами Его, дали обет иметь началом и концом (наших рачений и деланий) вместе с другими нашими к Господу обетами и заветами – и исповедание тайных сердца (помышлений и желаний). Сказано и божественным Давидом: *исповем на мя беззаконие мое Господеви: и ты оставил еси нечестие сердца моего* (Пс. 31, 5); и Лествичником: «язвы, когда о них объявишь, не в худшее придут состояние, а уврачеваны будут» (Сл. 4, 10).

Кто сие пятеричное число указанных пред сим добродетелей станет мудро и разумно соблюдать, тот да ведает несомненно, что отселе еще он делается, как в залоге, причастником блаженства праведных. – Таковы принадлежности приснопамятного послушания, как бы корень его и основание. Теперь послушай, каковы ветви его, каков плод и кров.

«От послушания, говорит опять Лествичник, рождается смирение; от смирения – дар рассуждения; от рассуждения – прозорливость, а от сей – предзрение» (Сл. 4, 105), что есть дело Единого Бога и дар изряднейший и преестественнейший, даруемый от Него блаженно обожаемым. К сказанному, да будет тебе ведомо и то, – что по мере верности и искренности твоего послушания будет источаться в тебе и смирение; и опять по мере смирения – рассуждение; то же далее и о последующих добродетелях сказать должно. Почему, сколько сил есть, подвизайся тещи непреткновенно путем послушания; и непогрешительно прострешься на предняя. Если же на стадии послушания как-нибудь хромать будешь, то знай, что не совершишь хорошо и прочего протяжения предлежащего тебе бега, т. е. жизни во Христе, и не будешь увенчан венцом, какой дается победителям. Почему послушание и указанные нами выше его принадлежности, да будут тебе некиим путеводителем, как бы компасом, каким пользуются мореплаватели для определения должного пути, дабы взирая на них неуклонно, мог ты безбедно преплыть великое море добродетелей и тако достигнуть неволнуемого пристанища бесстрастия. Если и буря какая и волнение найдет на тебя; то и это будет у тебя по мере

твоего послушания. Истинному послушнику и сам диавол вреда причинить не может, по словам свв. отцов. – Но чтобы вкратце показать тебе, какова честная высота преславного послушания, воспомянем и еще одно изречение свв. отцов.

Говорит опять сей светлейший светильник жительства по Христе, сей новый Веселеил небесной лествицы: «Отцы псалмопение называют оружием; молитву – стеною; непорочныя слезы – банею; а блаженное послушание назвали исповедничеством, без которого никто из страстных не узрит Господа» (Сл. 4, 8). Достаточно и этого, как нам кажется, к действеннейшему показанию и похвалению треблаженного послушания чрез сей неподражаемый образец. Но мы и на опыте можем увидеть, сколь великое дело есть послушание, если обратим взор на прежде бывшее и рассмотрим, что было причиною нашего повреждения и смертности, когда мы не таковыми вначале были созданы, и какая опять причина нашего обновления и бессмертия. – Находим, что причиною первого, т. е. нашего повреждения, было Адамово самоверие, самочиние и непослушание, от коих оставление и преступление Божественной заповеди, а второго, т. е. обновления и нетления, производительное начало есть второго Адама, Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа единосоветие с Богом Отцом и послушание Ему, от коих соблюдение заповеди Его. *Аз от Себе не глаголах,* говорит Спаситель, *но пославый Мя Отец, Той Мне заповедь даде, что реку, и что возглаголю: и вем, яко заповедь Его живот вечный есть. Яже убо Аз глаголю, якожерече Мне Отец, тако глаголю* (Ин. 12, 49, 50).

Итак, как в праотце и в сущих по образу его корень и мать всех зол есть надмение: так в новом Богочеловеке, Иисусе Христе, и в решающихся жить по образу Его начало, источник и основание всех благ есть смирение. Таковой строй и чин, как видим, соблюдают и пренебесный, высший нас, священный мир всех боговидных Ангелов, и наша земная Церковь. И мы научаемся из сего веровать, что те, которые уклоняются от сего основного закона и избирают жительствовать по дерзкому самочинию, отторгаются от Бога, от пресветлого наследия небесного и от вселенской Церкви; за что отовсюду изгоняются и во тьму кромешнюю и в адский огнь отсылаются. Это же, полагаем, постраждут и сущие на стороне падшей денницы лукавые злотворцы, и являвшиеся по временам болтуны из зломудрствующих еретиков, как представляют богописанные словеса; ибо они за самоволие и гордыню бедственно отвержены от божественной славы и священного собора благоугождающих Богу.

Но некиим из премудрых сказано, что противное противному врачевство. Почему, так как причина всего для нас прискорбного в непокоривости и гордости, а всего радостного в благопокорности и сокрушении: то возжелавшему жить без погрешений надобно побыть на послушании у отца, опытного и непрелестного, долговременными подвигами

стяжавшего ведение вещей божественных и в жизни украшенного всеми добродетелями, всякое его повеление и всякий совет почитая гласом и советом Самого Бога. Ибо *спасение,* говорит Премудрый, *во мнозе совете* (Притч. 11, 14); – и: муж бессоветный сам себе враг. Если же некиим из досточтимых отцов случалось и без такого подвига послушания улучить боготворное безмолвие и по Богу совершенство; то это бывает по особенному Божию откровению, и притом очень редко. А что редко, как негде написано, то не закон Церкви, как и одна ласточка не делает весны, но ты, веруя, что истинное послушание есть как бы некое предуготовительное обучение к добрейшему безмолвию, оставь то, что по особенному домостроительству бывало редко, и сообразуйся с тем, что обще для всех постановлено всечестными отцами. Так сподобишься и воздаяния, определенного для законно живущих.

Итак что же? Если на случайную дорогу, не изведанную делом, едва ли кто решится вступить без верного проводника; если в море никто не пустится без искусного кормчего; если за какую-либо науку или искусство никто не возьмется без знающего дело учителя, – то кто дерзнет приступить к изучению делом искусства искусств и науки наук, вступить на таинственную стезю, ведущую к Богу, и пуститься в беспредельное мысленное море, т. е. в иноческую жизнь, подобную жизни Ангелов, с самоуверенностию достигнуть конца без руководителя, без кормчего и учителя, опытного и истинного? Поистине таковой, кто бы это ни был, прельщает себя и прежде вступления на путь уже заблудился, как незаконно подвизающийся: как напротив, и шага не сделав, достиг конца тот, кто подчиняет себя отеческим уставам. Ибо откуда иначе имеем мы узнать, как ополчиться против плоти или как вооружиться против страстей и бесов? Как без них научимся отличать доброе от недоброго, когда к добродетелям прицепляются худые страсти и всегда стоят некако при дверях их? Как без них умудримся обуздывать чувства телесные и, как струны на гуслях, согласно настроивать силы душевные? Особенно же как без них можно будет нам различать гласы, откровения, внушения, видения божественные, и козни, прелести и призраки бесовские? Одним словом, как сподобимся достигнуть в единение с Богом и научиться богодейственным священнодействиям и таинствам без посвящения в них тайноводителем истинным и просвещенным? Никак не возможно это, никак, когда видим, что и сосуд избранный, блаженнейший Павел, сии уста Христовы, сей свет мира, сие солнце всемирное, сей учитель вселенский спешит к соапостолам, чтоб вместе с ними рассмотреть свое благовестие. Чего же это ради? *Да не како,* говорит, *вотще теку, или текох* (Гал. 2, 2). Когда видим, что и сама самопремудрость, Господь наш, Иисус Христос говорит о Себе: *снидох с небесе не да творю волю Мою, но волю пославшаго Мя Отца* (Ин. 6, 38), и о свя-

том и животворящем Духе возвещает, что Он *не от Себе глаголати имать, но елика аще услышит глаголати имать* (Ин. 16, 13).

Смотря на благодетельный чин сей, содержащий все и небесное и земное, трепетом, изумлением и ужасом объемлемся при мысли о нашей немощи и лености и об опасном положении тех, кои по легкомыслию и самомнению решаются жить самочинно или, что то же, без всякого чина, на разорение и пагубу себе. Воистину страшен подвиг сей, бесчисленны на нем грабители, беспрерывны засады пиратов, бесчисленны кораблекрушения. Почему из многих весьма немногие спасаются. – Но сии как хотят, так пусть и шествуют; ибо *коегождо дело,* как написано, *яково же есть, огнь искусит* (1 Кор. 3, 13). Или не просто как хотят, но как подобает, и да хотят и да живут. *Да даст Господь разум о всем* (2 Тим. 2, 7). Ты же и всякий, желающий жить по Богу, по сим изречениям Писания, как бы по бахроме, уразумев всю златую и духовную ткань блаженного послушания, потщися, как указано пред сим, найти себе учителя незаблудного и совершенного. *Совершенных же есть,* по Христоносному Павлу, *твердая пища, имущих чувствия обучена долгим учением в рассуждение добра же и зла* (Евр. 5, 14). Ища сим образом, т. е. притрудно и с верою, ты непогрешительно достигнешь предположенной цели. Ибо *всяк просяй приемлет, и ищай обретает, и толкущему отверзется,* говорит Божественное Писание (Мф. 7, 8). И он (обретенный учитель) по порядку и чину научит тебя всему подобающему и боголюбезному. Еще же он поруководит тебя и к более богоугодному и более духовному, – такому, что не всем под силу и не для всех доступно, если увидит, что ты охотно держишься мерности во всем, простоты и скудости в брашнах и питиях, в покрывалах и одеждах и довольствуешься тем, что требуется временем, что прилично и нужно, не ища ничего излишнего, изнеживающего и одни чувства услаждающего, как поступают неразумно живущие и сами на себя и свое спасение меч обнажающие. Ибо великий Апостол говорит: *имуще пищу и одеяние, сими довольни будем* (1 Тим. 6, 8).

Но ты и у нас желаешь поучиться, и от нас иметь письменное изложение всего, касающего начала, средины и конца жизни по Христе. Похвален вопрос, но нелегок скорый на него ответ. Впрочем, простреть Христос десницу Свою на помощь нам к разрешению твоего вопроса, и мы сделаем это, на пречестном послушании совершенном, как на твердом и непоколебимом основании, созидая многопетый дом всего духовного домостроительства, т. е. боготворное безмолвие. – Итак, утверждаясь на отеческих, по движению Духа провещанных, изречениях, говорим так:

16) Искренно и по Богу возжелавшему безмолвствовать должно при Православной вере стараться быть исполнену и благих дел, – и проч.

а) Говорит Спаситель: *не всяк глаголяй ми: Господи, Господи, внидет в Царствие Небесное, но творяй волю Отца Моего, Иже есть на небесех* (Мф. 7, 21). Почему и ты, возлюбленне, если не на словах только голых желаешь боготворного безмолвия, – (которое тем, кои искренно приступают к нему, дает и здесь ясные принимать проявления Божия Царствия Небесного, в будущем же веке еще полнее и совершеннее), – но истиною и делом любишь его, потщися при православной вере быть исполненным и благих дел. А при этом будь мирен со всеми, сколько это от тебя зависит (Рим. 12, 18), ничем не развлекайся, не будь многопопечителен, т. е. не давай овладевать собою суетным заботам, будь молчалив и тих, за все благодарен и сознателен в своей немощи. Над всем же сим, око блюди недремлющее и бодренно внимательное ко всем, каждодневно случающимся с тобою разным и многовидным искушениям, терпением и благодушием борясь со всяким треволнением и со всякою скорбию, как-либо на тебя находящею.

Что касается первого и второго, т. е. что при православной вере должно и добрыми делами украшаться, то явным тебе о сем учителем будет преславный брат Божий, который так говорит: *вера без дел мертва есть,* как и дела без веры; и: *покажи ми веру твою от дел твоих* (Иак. 2, 26, 18); и еще прежде него Наставник всех и Учитель, Господь наш Иисус Христос, рекший ученикам Своим: *шедше научите вся языки, крестяще их во имя Отца, Сына и Святаго Духа, учаще их блюсти вся, елика заповедах* (Мф. 28, 19, 20). – И Богослов (Григорий) говорит, что «Бог от всякого человека, имеющего крещение, требует следующих трех добродетелей: веры правой от души, целомудрия от тела и истины от языка».

б) Вера двояка

Заметь, что вера по богопреданным словесам двояка: одна, общая всем православным христианам, в которой сначала крещение прияли мы и с которою наконец буди и отойти отселе, а другая есть достояние редких людей, таких, кои, чрез исполнение всех боготворных заповедей востекши до состояния быть по образу и подобию Божию и таким образом обогатившись Божественным светом благодати, всю свою надежду утвердили в Господе, и до такой степени, что, по слову Господа (Мк. 11, 23), во время молитвы отнюдь не размышляют в сердце о прошениях своих к Богу, но с верою просят и готово получают благопотребное. Но такое твердоверие из дел чистых стяжали блаженные сии, как решительно отвергшие от себя всякое знание, раздумывание и колебание, и всякую заботу, и все, всецело погрузившиеся в божественное упоение веры,

надежды и любви к Богу и, по божественному Давиду, изменившиеся лучшим и блаженным *изменением десницы Вышняго* (Пс. 76, 11).

О первой вере пространно говорить нам теперь не по времени, а о второй, которая, как некий плод божественный, отрождается и цветет от первой, очень благовременно. – Вера сия есть как бы некий корень и глава именитого боготворного безмолвия. «Если безмолвник, говорит Лествичник, не будет веровать, то как станет безмолвствовать?» (Сл. 27, 68). – И божественный Давид говорит: *веровах, темже возглаголах* (Пс. 115, 1); а великий апостол Павел возвещает: *есть же вера уповаемых извещение, вещей обличение невидимых* (Евр. 11, 1), и: *праведный от веры жив будет* (Евр. 10, 38). И Спаситель, когда просили Его ученики приложить им веру, так сказал: *аще бысте имели веру, яко зерно горушно, глаголали бысте убо ягодичине сей: восторгнися и всадися в море, и послушала бы вас* (Лк. 17, 7); и в другой раз: *аще имате веру, и не усумнитеся, не токмо смоковничное сотворите, но аще и горе сей речете: двигнися и верзися в море, будет. И вся, елика аще воспросите в молитве верующе, приимете* (Мф. 21, 21, 22). Пишет также и преподобный Исаак: «вера тончае знания, как знание – вещей чувственных. Все святые, сподобившиеся обрести житие сие, – потрясающее благоговеинство пред Богом, – силою веры пребывают в услаждении житием оным преестественным. Веру же разумеем не ту, которою верует кто в различие поклоняемых ипостасей Божественных, о едином всепревышающем естестве Божества, и о предивном домостроительстве в воплощении чрез принятие нашего естества, – хотя и эта вера крайне возвышенна, – но веру, воссиявающую в душе от света благодати свидетельством ума, утверждающую сердце быть непоколебимым в верности надежды, далекой от всякого самомнения, – которая показывает себя не в приклонении слуха ушей, не в созерцании духовными очами сокрытых в душе таин, оного богатства благодатного, утаенного от очей сынов плоти и открываемого Духом тем, кои питаются на трапезе Христовой в приседении законам Его, как он сказал: если заповеди Мои соблюдете, пошлю вам Утешителя, Духа истины, *Егоже мир не может приати, и Той вы научит всякой истине* (Ин. 14, 17, 26). Он указует человеку сию святую силу, обитающую в нем во всякое время, всегда покрывающую его и отражающую от него все вредное. Сию-то силу ум духовный ощущает очами веры. Она есть Сам Утешитель, силою веры, как огнем воспламеняющий душевные силы, – и душа устремляется горе, небрежет о всякой опасности в надежде на Бога, на крылах веры возвышается выше всякой видимой твари и всегда пребывает как бы упоенною, в изумлении пред Божественною о нас попечительностию и в чистом созерцании Божественного естества. Ибо пока не придет то, что есть совершение таинств, и мы не сподобимся явно откровения оных, дотоле вера между Богом и святыми священнодействует неизреченные таинства

(т. е. приемлет, содержит и созерцает сии таинства), которых, благодатию Христовою, да сподобимся и мы, здесь как в залоге, а там, в Царствии Небесном, в самой действительной истине» (Сл. 28, стр. 190–192).

в) Надлежит тебе быть мирну

О третьем, о том, т. е., что тебе следует быть со всеми мирну, сильное тебе дают внушение *изречение* блаженного Давида и громче трубы гласящее *слово* Христоносного Павла: то вещает: *мир мног любящим закон Твой, и несть им соблазна* (Пс. 118, 165), – и: *с ненавидящими мира бехмирен* (Пс. 119, 6), – и: *взыщи мира и пожени и* (Пс. 33, 15); а это гласит: *мир имейте и святыню со всеми, ихже кроме никтоже узрит Господа* (Евр. 12, 14), – и: *аще возможно, еже от вас, со всеми мир имейте* (Рим. 12, 8).

г) Надлежит тебе не развлекаться

О четвертом, т. е. что тебе надлежит не развлекаться, вразумляет тебя преподобный Исаак, говоря: «если похотение есть порождение чувств, то да умолкнут наконец те, которые уверяют, что хранят мир ума и при суетных развлечениях многим. С такими мятущимися не имей общения».

д) Не должно тебе быть многопопечительну и многозаботливу

О пятом, т. е. что тебе не должно быть многопопечительным и многозаботливым как о благословных, так и о неблагословных вещах, да послужит тебе уроком то, что говорит Господь в Евангелии: *сего ради глаголю вам: не пецытеся душею вашею, что ясте, не телом вашим, во что облечетеся. Не душа ли больше есть пищи, и тело одежди; Возрите на птицы небесныя, яко не сеют, ни жнут, ни собирают в житницы: не вы ли паче лучши их есте; Кто же от вас пекийся может приложити возрасту своему лакоть един; и о одежди что печетеся; – Не пецытеся убо, глаголюще: что ямы, или что пием, или чем одеждемся; Всех бо сих язычы ищут: весть бо Отец ваш Небесный, яко требуете сих всех. Ищите же прежде Царствия Божия и правды его, и сия вся приложатся вам. Не пецытеся убо на утрей, утрений бо собою печется: довлеет дневи злоба его* (Мф. 6, 25–28, 31–34). И св. Исаак говорит: «без освобождения от забот не ищи света в душе твоей, ни тишины и безмолвия при распущенности чувств твоих» (Сл. 69, стр. 508). И Лествичник: «малый волос смущает око, и малое попечение губит безмолвие, ибо безмолвие есть отложение всех помышлений, не относящихся к делу спасения, и отвержение всех попечений, даже и благословных. Воистину достигший безмолвия не будет заботиться и о теле своем, ибо не ложен обещавшийся попещись о нем» (Сл. 27, 51. 52).

е) Надлежит тебе быть молчаливу

И о шестом, т. е. что тебе должно молчаливу быть, порядок слова понуждает нас сказать тебе: – говорит убо тебе и об этом св. Исаак: «Па-

че всего возлюби молчание; потому что оно приближает тебя к плоду. И язык немощен изобразить его. Сперва будем принуждать себя к молчанию, и тогда от молчания родится для нас нечто, приводящее к самому молчанию. Да подаст тебе Бог ощутить сие нечто, рождаемое молчанием. Но если начнешь сим житием жительствовать, то не умею и сказать, сколько света воссияет тебе отсюда. – Когда на одну сторону положишь все дела жития сего (иноческого, безмолвнического), а на другую молчание, то найдешь, что оно перетягивает на весах» (Сл. 41, стр. 250). «Молчание есть тайна будущего века, а слова суть орудие этого мира» (Сл. 42, стр. 263). «Кто возбраняет устам своим пересуждать (много говорить), тот хранит сердце свое от страстей. А кто хранит сердце свое от страстей, тот ежечасно зрит Господа» (Сл. 8 с нач.). И св. Арсению божественный глас во второй раз так законоположил: «Арсение! бегай, молчи, пребывай в безмолвии, ибо в этом корни безгрешности» (Дост. сказ. об авве Арсении 2).

ж) Надлежит тебе быть безмолвну (уединение любить)

Равным образом и о седьмом, т. е. что тебе надлежит безмолвную проводить жизнь, достоверные тебе указатели суть Василий Великий и опять святой Исаак: из коих тот говорит: «безмолвие есть начало очищения души», а этот: «предел безмолвия есть молчание от всего» (всестороннее). Сими словами тот вкратце означил начало его (безмолвия), а этот – конец. И в Ветхозаветном Писании так сказано: *упразднитеся и уразумейте, яко Аз есмь Бог* (Пс. 45, 11). И св. Лествичник говорит: «Первое дело безмолвия есть беспопечение о всех вещах, и благословных, и неблагословных; ибо отворяющий дверь первым всеконечно впадет и во вторые. Второе дело молитва неленостная; а третье – неокрадываемое делание сердца. Как невозможно по естественному порядку не выучившему букв читать книги: так еще более невозможно не стяжавшим первого дела безмолвия разумно проходить последние два» (Сл. 27, 46). И опять Исаак святой пишет: «вожделенным делом безмолвия должно быть ожидание смерти непрестанное. Кто без сего помышления вступает в безмолвие, тот не может понести того, что всеми мерами должны мы терпеть и нести» (Сл. 41, стр. 255).

з) Надлежит тебе за все благодарить Бога

Подобно сему и о восьмом, т. е. что ты за все должен благодарить Бога, достаточным для тебя учителем да будет божественный апостол Павел, который заповедует: *о всем благодарите* (1 Фес. 5, 18). К нему присовокупи и преподобного Исаака, который пишет: «благодарность приемлющего побуждает дающего давать дары, большие прежних. Кто неблагодарен за меньшее, тот и в большем лжив и несправедлив» (Сл. 2 с нач.). Еще: «проводник даров Божиих к человеку есть сердце, непрестанно движимое к благодарению, а проводник искушения к душе есть помышление ропотливое, всегда движимое в сердце». Также: «уста, все-

гда благодарящие, приемлют благословение от Бога, и в сердце, пребывающее в благодарении, нисходит внезапно благодать».

и) Надлежит тебе сознавать свою немощь

Сколь же великое благо собирается в том, кто достиг познания своей немощи, – что девятое есть по числу, – сие уразумеешь, вникнув в шестой псалом божественного Давида, в коем говорится: *помилуй мя, Господи, яко немощен есмь* (ст. 3), – и в другом месте: *аз есмь червь, а не человек, поношение человеков и уничижение людей* (Пс. 21, 7). И св. Исаак говорит: «блажен человек, который познает немощь свою, потому что ведение сие делается для него основанием, корнем и началом всякой благостыни. Ибо как скоро познает кто и воистину восчувствует немощь свою, тотчас утесняет душу в ее суетной горделивости, омрачающей разум, и сокровиществует себе охранение» (Сл. 61 с нач.); и: «человек, достигший познания меры своей, достиг совершенства смирения».

й) Надлежит доблестно переносить искушения

Последняя глава сего слова, которая исполняет предположенное нами десятеричное число, представляет, что должно доблестно переносить имеющие случиться с тобою разные и многовидные искушения и противостоять им с терпением и мужеством. Итак послушай, что и о сем написано в Священном Писании. – Вот что говорит Христоносец Павел: *братие! несть наша брань к крови и плоти, но к началом и ко властем, и к миродержителем тмы века сего, к духовом злобы поднебесным* (Евр. 6, 12); еще: *без наказания есте, емуже причастницы быша вси, убо прелюбодейчищи есте, а не сынове* (Евр. 12, 8); также: *егоже любит Господь, наказует, бьет же всякаго сына, егоже приемлет* (6). И брата Божия Иакова мысль первой главы послания такая: «муж неискушенный неискусен». – Св. Илия екдик говорит: «всякому христианину, право верующему в Бога, надлежит не предаваться беспечности, но всегда ожидать искушения и готову быть принять его; чтоб когда придет оно, не почитать сего странным и не смущаться тем, но благодарно претерпевать тяготу скорби, припоминая, что поет с пророком: *искуси мя, Господи, и испытай мя* (Пс. 25, 5); и еще: и *наказание Твое исправит мя в конец* (Пс. 17, 36). Смотри, – не сказал: *наказание Твое* низвратит мя, но: *исправит мя в конец»* (Цветособр. 1).

Не ищи причин искушений, откуда они находят, но только молись благодарно перенести оные, как говорит св. Марк: «когда найдет искушение, не ищи, отчего и для чего оно нашло, но (о том заботься), чтобы благодарно и беззлопамятно перенести его» (св. Марка об оправдании делами гл. 198); еще: «если нет человека, который бы благоугодил Богу без искушений, то должно благодарить Бога за всякий скорбный случай» (там же, гл. 200); также: «всякая скорбь обличает настроение нашей воли, направо склоняется оно, или налево. Потому случившаяся скорбь называется и искушением, что подвергшегося оной подвергает испытанию

сокровенных его расположений» (там же, гл. 204). – И св. Исаак со многим другим говорит и сие: «искушение полезно всякому человеку. Ибо если полезно было искушение Павлу, то *всякие уста да заградятся, и повинен будет весь мир Богови* (Рим. 3, 19). Подвижные искушаются, чтоб нечто присовокупили к богатству своему, – а слабые, чтоб сохранили себя от вредного, – спящие, чтоб подготовить их к пробуждению, – вдали сущие, чтобы приблизились к Богу, – свои Богу (домашние Божии, в дому сущие), чтоб с дерзновением пребывали в Нем. Сын, который не был упражняем (в подъятии трудного), не на пользу себе получает богатство из дома отца своего. Почему Бог сперва искушает и томит, а потом обнаруживает дар благодати. Слава Господу, горькими врачевствами в сладость здравия нас вводящему! Нет человека, который бы не скорбел во время обучения; и никого также нет, кому не казалось бы горьким время, когда испивает он яд искушений. Без них невозможно приобрести крепкого сложения (душевного). Но и претерпеть их не наших сил есть дело. Откуда скудель, которая из брения, имела бы силу противостоять размыванию воды, если б божественный огнь не делал ее крепкою? Если подконимся под иго воли Божией и в смирении с непрестанным желанием будем молиться, то чрез терпение и мы все получим о Христе Иисусе Господе нашем» (Сл. 37, стр. 231–232). И в книге Премудрости Сираха сказано: *чадо, аще приступаеши работати Господеви, уготови душу свою во искушение… и потерпи и не скор буди во время наведения* (Сир. 2, 1, 2).

Должно на Бога надеяться и от Него чаять полезного

Котву надежды (Евр. 6, 19) в могущем спасать Боге утверди и от Него ожидай избытия искушений в благопотребное время. Ибо, как говорит Апостол, *верен Бог, Иже не оставит нас искуситися паче, еже можем, но сотворит со искушением и избытие* (1 Кор. 10, 13). Слушай, что и еще говорит Писание: – *Скорбь терпение соделовает, терпение же искусство, искусство же упование, упование же не посрамит* (Рим. 5, 3–5). *Претерпевый до конца, той спасется* (Мф. 24, 13). – *В терпении вашем стяжите души ваша* (Лк. 21, 19). – *Всяку радость имейте, братие моя, егда во искушения впадаете различна, ведяще, яко искушения вашея веры соделовает терпение: терпение же дело совершенно да имать, яко да будете совершенни и всецели, ни в чемже лишени. Иблажен муж, иже претерпит искушение: зане искусен быв приимет венец жизни, егоже обеща Бог любящим Его* (Иак. 1, 2–4, 12). – *Недостойни страсти нынешняго времени к хотящей славе явитися в нас* (Рим. 8, 18). – *Терпя потерпех Господа, и внят ми, и услыша молитву мою: И изведе мя от рова страстей, и от брения тины, и постави на камени нози мои, и исправи стопы моя: и вложи во уста моя песнь нову, пение Богу нашему* (Пс. 39, 1–4). Пишет и блаженный Симеон Метафраст: «душа, ята будучи узами люб-

ви к Богу, ни во что вменяет страдания, но услаждается прискорбностями и цветет в злострадании. И когда ничего не страдает за Возлюбленного, тогда еще более мнится страдати и бежит от утешения, как от муки».

17) О страхе Божием, что он двояк: один новоначальных, другой совершенных

Не поленимся теперь помянуть и о двояком страхе Божием, так как святые отцы в порядке добродетелей страх Божий ставят после веры.

О первом страхе Божием, – новоначальных

Знай же, возлюбленнейший мой, что страх Божий двояк: один новоначальных, а другой – совершенных. – О первом страхе так написано: *начало премудрости страх Господень* (Пс. 110, 10; Притч. 1, 7); *приидите, чада, послушайте мене, страху Господню научу вас* (Пс. 33, 12); *страхом Господним уклоняется всяк от зла* (Притч. 15, 27), и идеже страх, ту заповедей соблюдение. – И преподобный Исаак говорит: «Страх Божий есть начало добродетели. Он почитается порождением веры и сеется в сердце, когда ум отстранится от суетности мирской, чтобы собрать влающиеся мысли свои от рассеяния непрестанным углублением в будущее возустроение всяческих» (Сл. 1 сначала); также: «начало истинной жизни в человеке – страх Божий; а он не терпит пребывать в душе вместе с рассеянием мыслей» (там же стр. 4); еще: «умудрись же в основание шествия своего положить страх Божий, и в немногие дни станешь у врат Царствия, не кружась по пути» (там же, стр. 7).

О втором – совершенном страхе Божием

О втором, или совершенном, страхе Божием так сказано: *Блажен муж, бояйся Господа, в заповедех Его восхощет зело* (Пс. 111, 1); *блажени вси боящиися Господа, ходящии в путехЕго* (Пс. 127, 1); *бойтеся Господа, вси святии Его, яко несть лишения боящимся Его* (Пс. 33, 10); *се тако благословится человек, бояйся Господа* (Пс. 127, 5); *страх Господень чист, пребываяй в век века* (Пс. 18, 10). Пишет и св. Петр Дамаскин: «Признак первого страха есть ненавидеть грех и гневаться на него, как гневается на зверя угрызенный им; а страха совершенного признак есть – любить добродетель и бояться превращения; ибо никого нет, кто бы был не превратен: почему в этой жизни при всяком деле должны мы всегда бояться падения» (Кн. 2, слово 3, стр. 14 в русск. перев.). – Посему и ты, разумно слыша сие, потщися вместе со всеми указанными выше добродетелями непрестанно держать в себе, как следует, и первый страх. Ибо он есть как бы сокровище хранилища всякого доброго деяния, самое крепкое. Пребывая таким, ты всегда будешь иметь стопы свои направляемыми к деланию всех заповедей Господа нашего Иисуса Христа. Простираясь же далее сим путем, приобретешь ты и совершенный страх, чистый, по любви к добродетелям и милости благого Бога нашего.

18) За заповеди и веру Господа нашего Иисуса Христа должны мы и самой жизни не щадить, когда потребует того время

К сказанному надлежит тебе ведать и то, что за заповеди животодательные и веру Господа нашего Иисуса Христа должны мы, когда потребует время, охотно погубить и самую душу свою, т. е. не пощадить и самой жизни своей, как сие Сам Господь Иисус Христос говорит: *иже погубит душу свою Мене ради и Евангелия, той спасет ю* (Мк. 8, 35), несомненно и без раздумывания веруя, что и воскресение, и жизнь, и все, что ни есть спасительного, Сам есть Богочеловек Иисус Спаситель, как Сам Он сказал: *Аз есмь воскресение и живот: веруяй в Мя, аще и умрет, оживет: и всяк живый и веруяй в Мя, не умрет во веки* (Ин. 11, 25, 26). И еще: *тако возлюби Бог мир, яко и Сына Своего Единароднаго дал есть, да всяк веруяй в Онь, не погибнет, но имать живот вечный* (Ин. 3, 16), также: *Аз приидох, да живот имут, илишше имут* (Ин. 10, 10). – В таком пребывая устроении, и *задняя забывая, в предняя же простираяся,* как сказано (Флп. 3, 13), *теки,* со Христом Иисусом Господом нашим, путем своим, *не озираясь вспять* (Лк. 9, 62).

Теперь, как нам кажется, прилично изложить блаженного Никифора естественный некий метод (способ, прием) вхождения внутрь сердца вниманием чрез дыхание, который способствует к сосредоточению помышлений ума. Сей муж, приведши свидетельства многих святых отцов о внутренней жизни, говорит наконец и от себя следующее:

19) Естественный метод вхождения внутрь сердца вниманием чрез дыхание с творением при сем молитвы: Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя. Метод сей немало способствует к сосредоточению помышлений ума

«Известно тебе, брате, как мы дышим: втягиваем в себя воздух и выпускаем его. На сем жизнь телесная держится и от сего зависит теплота тела. – Итак, седши в безмолвной келлии своей, собери ум свой, введи его в путь дыхания, коим воздух входит внутрь, и принудь его вместе с вдыхаемым воздухом сойти в сердце, и держи его там; держи, но не оставляй его молчащим и праздным, а дай ему следующую молитву: *Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя.* И пусть он имеет сие непрестанным своим делом и никогда не оставляет его. Ибо оно, содержа его немечтательным, делает недосязаемым для прилогов вражеских и возводит в божественное желание и любовь. – Но, брате, восприими труд приучить ум свой нескоро выходить оттуда; ибо он вначале очень скучает от этого внутри заключения его и стеснения, но когда навыкнет, то уже не любит носиться по внешним предметам. Ибо Царствие Божие внутрь нас есть; и тому, кто там узрит его и, взыскав чистою молитвою, ощутит, все внешнее кажется уже непривлекательным и теряет всякую цену. Ему там, внутри, уже не невесело и не нерадостно; но как муж какой-нибудь, бывший в отлучке из дома, когда возвратится,

и делать не знает что от радости, что опять увидел жену и детей: так и ум, когда из рассеяния соединится опять с душою, исполнен бывает неизреченной сладости и радования» (приводится сие место сокращенно). Вот что изрек сей блаженный отец, в намерении имея научить ум под влиянием сего естественного метода (приема, или способа) от обычного своего кружения, пленения и парения возвратиться ко вниманию себе, чрез внимание такое снова сочетаться с самим собою и сим образом объединиться с молитвою, и вместе с сей молитвою низойти в сердце и пребыть там навсегда. Другой же некто из богомудрых, как бы в объяснение сказанного, как навыкший опытом сему священному деланию, вот какое делает замечание:

20) Еще – о естественном методе призывания Господа Иисуса Христа вместе с дыханием

Желающему научиться сему деланию надлежит ведать, что, когда приучим мы ум свой вместе с входом воздуха входить внутрь, тогда опытно познаем, что ум, приступая к схождению внутрь, лишь только начнет сие, как отвергает всякий помысл, и делается единичным и голым, и никакою другою памятию не занятым, как призыванием Господа нашего Иисуса Христа; напротив же, оттуда исходя и на внешнее обращаясь, тотчас развлекается многообразными памятями.

21) И св. Златоуст учит молитве внутрь сердца с словами: Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя

И великий Златоуст говорит: «умоляю вас, братие, никогда не нарушайте и не презирайте правила молитвы сей». – Немного спустя: «монах должен, – ест ли, пьет ли, сидит ли, служит ли, шествует ли путем, или другое что делает, – непрестанно взывать: *Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя!* да имя Господа Иисуса, сходя в глубь сердца, смирит держащего тамошние пажити змия, душу же спасет и оживотворит. Непрестанно убо пребудь с именем Господа Иисуса, да поглотит сердце Господа, и Господь сердце, и будут два сии во едино». И опять: «Не отлучайте сердца своего от Бога, но пребывайте с Ним и сердце свое храните всегда с памятованием Господа нашего Иисуса Христа, пока имя Господа вкоренится внутрь сердца, и оно ни о чем другом помышлять не станет, – да возвеличится Христос в вас».

22) Свидетельства о том же свв. Лествичника и Исихия

Говорит также и Лествичник: «память Иисусова да сраствoрится с дыханием твоим; и тогда познаешь ты пользу безмолвия» (Сл. 27, 61). – Тоже и св. Исихий: «если истинно желаешь покрыть стыдом помыслы, благодушно безмолвствовать и без труда трезвенствовать сердцем; да прильпнет к дыханию твоему молитва Иисусова, – и в немного дней увидишь это на деле» (гл. 182).

23) Желающему мысленно трезвенствовать, – всякому, паче же новоначальному, – надо, для удобнейшего упражнения в молитве, жить в келии безмолвной и несветлой, потому что чрез это ум и мысли естественно некако собираются воедино

К показанному выше – как главному, великими святыми отцами давно узаконенному, как видно из приведенных нами свидетельств, относительно того, как надлежит нам, сходя вместе с дыханием внутрь сердца, о Господе нашем Иисусе Христе, Сыне Божием, и о святом и спасительном имени Его молиться, размышлять и трезвенствовать, и у Него искать себе милости, – прилагается и сие: и всегда, паче же в установленное время молитвы, всякому тщащемуся трезвенствовать мысленно в сердце, паче же новоначальному, надо укрываться в келлии безмолвной и несветлой, как опытные в сем блаженном делании божественные отцы и учители тайноводствуют и заповедуют; так как зрение и видение очами зримого и видимого обыкновенно развлекает и рассеивает мысли, при заключении же в безмолвной и примрачной, как сказано, храмине мысли перестают разбегаться и множиться, и ум таким образом, хотя и не хотя, мало-помалу утишается и в себе собирается, как говорит св. Василий: «ум, не развлекаемый внешним и чрез чувства не разбегаясь по вещам мира, к себе возвращается».

24) Главным образом непарительность подается уму Господом нашим Иисусом Христом при призывании в сердце с верою святого имени Его; а этот естественный метод (прием) схождения в сердце путем дыхания, и это уединение в месте безмолвном и несветлом и все другое подобное только способствуют к сему некако

Паче же сего, или лучше паче всего вообще, таковой подвиг успешно совершается умом, содействием божественной благодати, при сердечном, чистом и непарительном призывании Господа нашего Иисуса Христа, а не одним этим естественным приемом схождения в сердце путем дыхания или этим уединением в безмолвном и несветлом месте. Да не будет!

Ибо сие не другого ради чего святыми отцами придумано, как только ради того, что это содействует к собранию мыслей, к возвращению ума от обычного ему парения к себе самому и сосредоточению его внимания, как сказано пред сим.

А от этих (собрания мыслей и сосредоточения внимания) порождается то, что ум начинает молиться непрестанно, чисто и непарительно, как говорит святой Нил: «внимание, ищущее молитвы, молитву обретет; ибо за вниманием паче, нежели другое что, следует молитва, о коей нам надлежит иметь наибольшее тщание» (гл. 179). – Вот как должно смотреть на дело сие. – Ты же, чадо, *хотя живота, любя дни видети благи*

и в теле жить подобно бестелесному, живи по следующему правилу и уставу.

25) Как безмолвствующему надлежит проводить время от вечера до пробуждения от сна

По захождении солнца, призвав в помощь Всеблагого и Всесильного Господа Иисуса Христа, сядь на стульце в келлии безмолвной и несветлой, и собрав ум от обычного ему вовне кружения и скитания, путем дыхания тихо сведи его внутрь сердца и держи молитву сию: *Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя!* вместе с дыханием соединенно некако совводя туда и глаголы молитвенные, как говорит св. Исихий: «с дыханием твоим соедини трезвение, и имя Иисусово, и помышление о смерти незабвенное, и смирение; ибо то и другое великую доставляет пользу» (гл. 189). С молитвою сею, кроме сказанного, имей и память о суде и воздаянии за добрые и худые дела, и вседушно почитая себя грешнейшим всех людей и самых демонов сквернейшим, думай посему, что всеконечно имеешь ты вечно мучим быть во аде. Если при каком-либо из сих помышлений придет тебе сокрушение, плач и слезы, на том помышлении и пребуди, пока слезы не пройдут сами собою. Если же ты не сподобился еще дара слез, то восприими подвиг и с смиренным мудрованием молись, да стяжешь их; ибо ими очищаемся мы от страстей и скверн и имиже причастными делаемся добрых и спасительных расположений, как говорит св. Лествичник: «как огонь потребляет тростие, так чистые слезы – всякую скверну мысленную и видимую» (Сл. 7, гл. 31), – и другой некий отец: «желающий отребить худости свои плачем да отребляет их, и желающий стяжать добродетели плачем да стяжевает их; и если не имеешь ты сокрушения, то знай, что имеешь тщеславие, ибо оно не дает душе прийти во сокрушение». – Если слезы не придут, то, просидев, внимая сказанным помышлениям и с молитвою, час один, встань потом и пропой со вниманием малое повечерие. Затем опять сядь и держи прежнюю молитву, сколько сил есть, чисто и непарительно, без всякого о чем-либо попечения, без всякого помысла и мечтания, с полною трезвенностию, с полчаса. Наконец, положив на себе знамение честного и животворящего креста, а также и на одре твоем, сядь на нем и войди в помышление о будущих наслаждениях и мучениях, о непостоянстве и прелестности всего временного, о внезапном наступлении смерти, сего общего долга, и о страшном посмертном и предсмертном словоистязании, помяни вкратце и о всех прегрешениях своих и прощения их тепло испроси, и до точности пересмотрев все, как провел ты мимошедший день, возляжь на одр свой, держа и молитву, по слову некоего говорившего: с молитвой Иисусовою и засыпай, и спи. Сосни часов пять или шесть; вообще же соразмеряй спание с долготою ночи.

26) Как, восстав от сна, проводить время до утра

Пробудившись от сна, первее всего воздай славу Богу, и призвав Его себе заступление, начни главнейшее свое дело, т. е. молиться в сердце непарительно и чисто, и помолись так с час. Тогда ум сам по себе большею частию бывает тих и немятежен; мы же заповедь имеем, – первейшее и наилучшее Богу приносить в жертву, т. е. свое первомыслие в чистой сердечной молитве неуклонно простирать к Господу нашему Иисусу Христу, – как говорит св. Нил: «тот молитву свою делает услышанною, кто всегда свое первомыслие, как зрелый плод, приносит Богу» (гл. 126). Потом пропой полунощницу.

Если же ты, не будучи тверд в совершенном безмолвии, не можешь начать так, как мы сказали, – по этой, или по другой какой причине, как часто случается с теми, кои только начинают еще такое делание, а иной раз, хотя редко, и с теми, кои довольно успели в нем, но еще не достигли совершенства, ибо только совершенные *вся могут о укрепляющем их Христе* (Флп. 4, 13), – так если не можешь, то восстав от сна и восставив, сколько можешь, бодренное трезвение, пой прежде полунощницу со вниманием и разумением поемого.

После сего сядь и молись в сердце чисто и непарительно, как показано, час один, лучше же, сколько даст тебе Податель благ. Лествичник говорит: «в продолжение ночи большую часть времени посвящай молитве, а меньшую отдавай Псалмопению; днем же устрояй делания свои сообразно с силами своими» (Сл. 27, 77).

Если и после такого себя нуждения подвижнического все еще будешь одолеваем сонным расслаблением и разленением, встань и напрягись, все держась молитвы и стараясь, как знаешь, привести себя в бодрственное состояние (св. Исаак: «выди наружу и походи»). Потом сядь и молись, как написано, всегда со всем тщанием стараясь чистою молитвою с Чистым беседовать Богом.

Затем встань, пропой разумно шестопсалмие, пятидесятый псалом и канон, какой хочешь. После сего сядь опять и с бодренным трезвением искренно помолись полчаса. И опять встав, пой хвалитны, обычное славословие и первый час. И затем сотвори отпуст.

Читаемое тобою произноси устами своими лишь настолько высоким голосом, чтоб то слышно было ушам твоим: так как и плод устен приносить Богу заповедано нам, всею душою и всею мыслию благодаря человеколюбивого и попечительного о нас, премудрого Бога, по безмерной милости Своей сподобившего нас благополучно прейти пучину минувшей ночи и увидеть светлое поприще настоящего дня, и тепло при сем также моляся и о том, да дарует Он нам безбедно протечь мрачную и свирепую бурю бесов и страстей.

27) Как подобает жительствовать с утра до обеда[24]

С утра до обеда, весь всецело возложившись на Единого Бога и Ему с сердцем сокрушенным помолившись, да будет помощником тебе, немощному, ленивому и беспечному, старайся, сколько сил есть, все время провести в молитве сердечной, чистой и непарительной, и в чтении. Когда читаешь положенное тебе из Псалтири, Апостола и Святого Евангелия, читай то стоя, так же поступай и при возношении молитв к Господу нашему Иисусу Христу и Пречистой Богородице; прочие же чтения Святых Писаний совершай сидя. Потом в свое время со вниманием пропой обычные часы, очень премудро свв. отцами установленные, всеусильно и вседушно отревая праздность, учительницу всякому худу, и избегая вместе со страстями и поводов к ним, как бы малыми и безвредными они ни казались.

28) О том, сколь потребно избегать праздности, и о том, что церковное предание должно соблюдать и безмолвствующему

Св. Исаак говорит: «остерегайтесь, возлюбленные, праздности, потому что в ней сокрыта верная смерть, и без нее невозможно впасть в руки домогающихся пленить инока. В день оный не за псалмы осудит нас Бог и не за опущение молитв, но за то, что опущением сим дается вход бесам. А эти, когда найдут себе проход, войдут и затворят двери очей наших; тогда тиранически наполнят нас такими нечистотами, кои подвергают божественному приговору с наистрожайшим отмщением. И делаемся мы, таким образом, за опущение малого, что однако ж ради Христа почтено достойным великого попечения, как написано: «кто не покоряет воли своей Богу, тот попадет под иго сопернику Его». Посему да будет почитаемо тобою, как бы стеною против ищущих пленять нас, сие, кажущееся тебе малым, совершение чего в келлии, по духу откровения, мудро установлено заведующими церковным чином для охранения нашей жизни, и опущение чего малым почитается немудрыми, не берущими во внимание происходящего от того вреда. Но у этих и начало пути, и средина – необузданная свобода, которая есть матерь страстей. Почему лучше подвижнически понуждать себя не опускать сего малого, нежели опущением его давать место греху. Ибо конец этой бедовой свободы – жестокое рабство» (Сл. 71, стр. 519).

Немного спустя тут же говорит он опять: «О, как сладки позывы страстные! Страстные дела, бывает, что иной может иногда отсечь и удалением от предметов их мирность некую в себе водворить и порадоваться покою от них, но позывов страстных остановить не может. Почему и нехотя искушение испытываем мы; и о страстях (что восстали) скорбим, но любим продление позывов или сластей страстных. Грехов

---

[24] Уроки сии идут до 36 гл. включительно.

не желаем, а приводящие нас к ним позывы с услаждением приемлем; от чего эти вторые делаются в нас причиною первых в действительности. Кто любит страсти страстные, тот поневоле и подручен им, и не желая того, раб есть страстей. Ненавидящий грехи свои перестанет грешить, и исповедающий их получит отпущение их. Невозможно же человеку оставить навык греховный прежде стяжания вражды к нему, и получить прощение прежде исповедания прегрешений; из коих одно служит причиною истинного смирения, а другое – сокрушения, от стыда порождающегося в сердце» (там же, стр. 520–521). И еще: «нет греха непрощаемого, кроме того, в коем не каются» (Сл. 2, стр. 12). Впрочем об этом довольно.

Ты же по пропетии сказанных часов сядь поешь, – держа и молитву во время вкушения пищи, чтоб, так действуя, прийти, благодатиею Божиею, в навыкновение непрестанно молиться, по заповеди. –

Но слово о пище, тело, по неизреченной премудрости Создавшего, поддерживающей, пусть подождет немного, а прежде да простреться слово о пище, душу укрепляющей и оживляющей, которою служит, по слову свв. отцов, священная и боготворная молитва: что вполне справедливо, потому что душа драгоценнее тела.

29) Еще о молитве, и что молиться надлежит всегда

Как сие тело наше по исходе из него души мертво бывает и смердяще: так и душа, не движущая себя на молитву, мертва есть, окаянна и злосмрадна. А что быть лишену молитвы надлежит почитать горчайшим всякой смерти, сему добре научает нас великий пророк Даниил, который избрал лучше умереть, нежели пробыть без молитвы хотя одно мгновение времени (гл. 9). Добре сему учит нас также и св. Златоуст: «Всякий молящийся с Богом беседует. Сколько же велико, будучи человеком, с Богом беседовать, из всех нас никто не неведает, но словом выразить сию честь едва ли кто возможет; ибо сия честь превышает и ангельское достоинство». – Еще: «Молитва есть общее дело Ангелов и человеков; и в деле молитвы нет ничего среднего (средостение составляющего) между одним и другим естеством: она отделяет тебя от бессловесных, она же сочетавает тебя с Ангелами. И тот, кто всю жизнь тщится упражняться в молитвах и служении Богу, скоро подобным Ангелам делается по жизни, чести, благородию, мудрости и разумению». Еще: «когда диавол видит душу огражденною добродетелями, то не смеет близко подходить к ней, боясь могущества и силы, какие подают ей молитвы, более питающие душу, чем брашна – тело». Еще: «Молитвы суть нервы души. Как тело нервами держится в строе, живет, движется и стойким является; когда же кто их пресечет, тогда вся гармония тела расстроивается: так и души святыми молитвами благоустрояются, стойкость приемлют и легко текут путем благочестия. Если же ты лишаешь себя молитвы, то то

же делаешь, что – вынув рыбу из воды: ибо как этой жизнь вода, так тебе молитва. Ею можно сквозь воздух, как сквозь воду, пронестись, на небеса взойти и стать близ Бога». Еще: «молитва и моление делают людей храмами Божиими; и как злато, камни драгоценные и мармары украшают домы царские, так молитвы – храмы Христовы – души верующих. Какая может быть большая молитве похвала, как то, что она соделовает нас храмами Божиими, и что, Кого не вмещают небеса, Тот в молитвах входит в душу живую?» Еще: «И из того можно увидеть силу святых молитв, что Павел, который, как какой крылатый, обтек всю вселенную, живал в узилищах, подвергался бичеваниям, узы носил, жил в крови и бедах, бесов изгонял, мертвых воскрешал, болезни пресекал, ни на что из всего сего не надеялся в устроении спасения людей, но молитвами ограждал душу, и после знамений и воскресения мертвых спешно тек на молитвы, как на главный подвиг, венчающий дело, – так как и воскресения мертвых и всего другого молитва есть подательница. Ибо какую силу в древесах имеют воды, такую же и молитвы в жизни святых». Еще: «молитва – спасения вина, бессмертия источник, Церкви стена несокрушимая, крепость неодолимая, страшная для бесов и спасительная для нас в деле благочестия». – Еще: «Как за какою царицею, в город входящею, следует всякое богатство, так за молитвою, в душу входящею, входит и всякая добродетель». – Еще: «Что основание для дома, то молитва в душе; и должно, водрузив ее в душе, как основание и корень, на ней рачительно наздавать и целомудрие». – И еще: «Свет ума и души есть рачительная молитва, свет неугасимый и непрестанный; почему злой враг наш безмерные нечистоты помыслов влагает в ум наш и, многое такое собрав, о чем и думать мы никогда не думали, обдает тем душу во время молитвы». – И еще: «великое оружие – молитва, великое ограждение». – И Богослов говорит: «о Боге более памятовать должно, чем дышать». – И еще: «чаще помышляй о Боге, чем дышишь». – И св. Исаак: «Без непрестанной молитвы к Богу приближиться не можешь». – Еще: «После труда молитвы возложение на ум иного попечения производит рассеяние мыслей». – Еще: «всякая молитва, в которой не утомится тело и не сокрушится сердце, подобно недоношенному плоду чрева: ибо такая молитва без души есть». – И св. Лествичник: «Молитва, по качеству своему, есть общение (сосущность, слитие в одно бытие) и единение человека и Бога; по действию же, она есть стояние мира, Бога примирение, слез матерь и опять дщерь, умилостивление о грехах, мост чрез искушения, средостение от скорбей, пресечение браней, дело Ангелов, пища всех бесплотных, будущее радование, конца и предела не имеющее делание, источник добродетелей, ходатаица и виновница дарований, невидимое преуспеяние, пища души, просвещение ума, отчаянию секира, доказательство надежды, разрешение уз печали, богатство монахов, сокровище безмолвников, уменьшение (постепенное до ноля) гнева,

зеркало преуспеяния, проявление мер (на какой кто стоит мере), показание состояния (или устроения духовного), возвестительница будущего, знамение прославления. Для истинно молящегося молитва есть истязалище, судилище и Престол Господень, прежде Престола будущего» (Сл. 28, 1); и еще: «молитва не что иное есть, как отчуждение от мира видимого и невидимого». – И св. Нил: «Если желаешь стяжать молитву, отрекись от всего, да все наследуешь». – Еще: «молитва есть восхождение ума к Богу». Еще: «молитва есть беседа ума с Богом». – Еще: «как хлеб есть пища для тела и добродетель – для души, так для ума молитва есть духовная пища».

И об этом (т. е. о молитве, как пище душевной), так (рассуждайте).

Теперь благовременно нам и о телесной пище, о ее мере, количестве и качестве, кратко сказать, что подобает, по силе нашей.

30) О телесной диете, т. е. как должно питаться безмолвствующему

Написано: *сыне человечь, весом снеси хлеб твой, и воду мерою пити будеши* (Иез. 4, 9, 10), сколько потребно, чтоб, довольствуясь тем, подвизающийся по Богу мог жив быть. Ибо, как говорит некто из отцов, если не дашь крови, Духа не приимешь. И великий Павел говорит: *умерщвляю тело мое и порабощаю, да не како, иным проповедуя, сам неключим буду* (1 Кор. 9, 27). Тоже и божественный Давид: *колена моя изнемогоста от поста, и плоть моя изменися елея ради* (Пс. 108, 24). И Богослов: «ничем так не благоугождается Бог, как злостраданием, или телесными ради Него лишениями; и ничем так не привлекается человеколюбие Его, как слезами». И св. Исаак: «как мать печется о чаде, так и Христос печется о теле злостраждующего (терпящего ради Него телесные лишения), и всегда есть близ тела его» (Сл. 58, стр. 443). Еще: «в чреве насыщенном нет видения таин Божиих» (там же). – Еще: «как те, кои сеют слезами, приемлют рукояти радования: так радостию исполняются злостраждующие (подъемлющие произвольные телесные лишения) ради Бога». – Еще: «блажен заградивший вход к себе всякому сладострастию, разлучающему его от Создателя Его» (Сл. 75, стр. 533–535).

Еще: «Долгое время искушаемый в десных и шуих, неоднократно изведав себя сими двумя способами, прияв на себя бесчисленные удары противника и сподобившись втайне великих возможностей, в продолжение многих лет снискал я опытность и, по благодати Божией, опытно дознал следующее.

Основание всего доброго, возвращение души из вражия плена, путь, ведущий к свету и жизни, – все это заключено в следующих способах: собрать себя воедино и всегда поститься, т. е. премудро и благоразумно поставить для себя правилом воздержание чрева, неисходное пребывание на одном месте, непрестанное занятие богомыслием.

Отсюда покорность чувств; отсюда трезвенность ума; отсюда укрощение свирепых страстей, возбуждающихся в теле; отсюда тихость помыслов; отсюда светлые движения мысли; отсюда рачительность к делам добродетели; отсюда высокие и тонкие умопредставления; отсюда не знающие меры слезы, источающиеся во всякое время, и память смертная; отсюда чистое целомудрие, совершенно далекое от всякого мечтания, искушающего мысль; отсюда проницательность и дальновидность; отсюда глубокие и таинственные понятия, какие ум постигает при пособии божественных словес, и внутренние движения, происходящие в душе, разделение и различение духовного как в святых силах и истинных видениях, так и в суетных мечтаниях.

Отсюда тот страх на путях и стезях, который в море мысли отсекает леность и нерадение, тот пламень ревности, который попирает всякую опасность и превозмогает всякий страх, та горячность, которая пренебрегает всяким вожделением, и изглаждает оное в уме, и вместе с прочим приводит в забвение всякое памятование о преходящем; короче сказать, отсюда свобода истинного человека, душевная радость и воскресение со Христом в Царствии.

Если же кто вознерадит о сих двух способах, то пусть знает, что не только повредит он себе во всем, что пред сим сказано, но поколеблет и самое основание всех добродетелей пренебрежением сих двух добродетелей. И как они, если кто удержит их в себе и пребудет в них, суть начало и глава божественного делания в душе, дверь и путь ко Христу; так если кто отступит и удалится от них, то придет к сим двум противоположным тому порокам, разумею, телесное скитание и бесчестное чревоугодие. Это суть начала противного сказанному выше, – и они дают место в душе страстям» (Сл. 75, стр. 533–535).

В другом месте он же пишет: «Которые нерадивы и слабы в начале подвига, те не только от сих и подобных борений[25], но и от шума древесных листьев приходят в боязнь и смятение, и малою нуждою, голодом в случае недостатка и небольшою немощию преодолеваются, отрекаются от подвига и возвращаются вспять. Истинные же и благоискусные подвижники не пресыщаются злаками и овощами, даже питаясь сухими былиями, не соглашаются что-либо вкусить прежде назначенного часа, но в телесном изнеможении лежат на голой земле; очи их едва смотрят от чрезмерного истощания тела, – и если от нужды близки бывают они к тому, чтобы разлучиться с телом, не уступают над собою победы и не оставляют крепкого произволения, потому что желают и вожделевают лучше сделать себе принуждение из любви к Богу, и предпочитают трудиться ради добродетели, нежели иметь временную жизнь и в ней всякое упокоение. И когда приходят на них искушения, веселятся

[25] Выше изображены вражеские искушения.

паче и еще усовершаются ими. Даже среди тяжких предстоящих им трудов не колеблются они в любви Христовой, но пока не утратят жизни, пламенно желают с мужеством выдерживать нападения и не отступают, потому что чрез это усовершаются» (Сл. 60, стр. 475).

С сими и подобными сим уроками согласуясь и так же покоряясь тому, кто сказал: *царским путем шествуй, не уклоняясь ни на десно, ни на шуе* (Притч. 4, 27), – и мы излагаем тебе средний устав о пище, состоящий в таких правилах:

31) Как подвизающемуся должно питаться в понедельник, среду и пяток

В три дня недели, второй, четвертый и шестой, всегда твори девятицу, т. е. вкушай пищу однажды в день (в 9 часов), съедая хлеба унций шесть (три осьмухи фунта), сухих снедей недосыта и воды три или четыре чаши, последуя 69 правилу свв. апостолов, которым законополагается: «если какой епископ, или пресвитер, или диакон, или чтец, или певец[26] Святую Четыредесятницу пред Пасхою, или в среду, или в пятницу не постится, да будет извержен, кроме препятствия от немощи телесной; если же это будет мирянин, да будет отлучен». – В понедельник же пост установлен после святыми отцами.

32) Как должно питаться во вторник и четверток

В два дня, т. е. во вторник и четверток, дважды в день принимай пищу, съедая хлеба тоже шесть унций, какое-либо варево воздержно и сколько-нибудь из сухих снедей и выпивая вина, если употребляешь, растворенного водою, чаши три или четыре; вечером же съедай хлеба унции три, что-нибудь из сухих снедей или овощей каких, вина с водою выпивай одну чашу или много две, когда жажда сильная одолевает.

Жажда впрочем много содействует в слезах, сожительницею имея и бдение, о коих так говорит св. Лествичник: «Жажда и бдение сокрушают сердце; от сердца же сокрушенного источаются слезы» (Сл. 6, 13). И св. Исаак: «Ради Бога потерпи жажду, да напоит Он тебя любовию Своею».

Если же ты и в эти два дня предпочтешь однажды принимать пищу, очень добре сотворишь; так как пост и воздержание есть первая добродетель, – мать, корень, источник и основание всего доброго. – И из внешних мудрецов некто говорит: «избери наилучшую жизнь, навык же потом сделает ее приятною». И Василий Великий: «где произволение с твердою решимостию, там нет препятствий». – И другой некто из богоносных мужей: «Начало плодоносия – цвет; а начало деятельной жизни воздержание» (пр. Нила ч. 1, стр. 201).

---

[26] Аскеты причисляются к духовенству.

Это, равно как и последующее за сим, иным покажется, может быть, неудобным или даже и невозможным. Но кто возьмет во внимание процветающее от сего приплодие и пред очами ума держать станет обыкновенно порождающееся из сего славное состояние; тот признает сие нетрудным, и помощию Господа нашего Иисуса Христа при своем посильном о том рачении, и словами и делами воспроповедует, сколь сие удобоисполнимо, в подтверждение сего как бы печать какую приложив ими (делами и словами). И св. Исаак говорит: «скудный хлеб на трапезе чистого очищает душу вкушающего от всякой страсти… От трапезы постящихся, пребывающих в бдении и трудящихся о Господе возьми себе врачевство жизни и возбуди от омертвения душу свою. Ибо среди них возлежит Возлюбленный, освящая снеди их и горечь скудной трапезы их претворяя в неизреченную Свою сладость; духовные же небесные служители Его осеняют их и святые яства их» (Сл. 8, стр. 62). Еще: «Воня постника весьма сладостна, и встреча с ним веселит сердца рассудительных… Любезно Богу поведение воздержного» (там же, стр. 63).

33) Как надлежит питаться в субботу. Также о бдениях и о том, как подобает принимать пищу во время оных

Во всякую субботу, кроме Великой, подобает тебе два раза принимать пищу, как выше положено для вторника и четвертка. Это и по определению священных правил, и потому, что во все всего лета дни Господни должен ты совершать бдения, кроме сырного и еще кроме того случая, когда на неделе случится какой-нибудь великий Господский праздник или праздник какого-либо из великих святых. Тогда совершай бдение в эти дни, а в день Господень оставляй его. – Но так или так будет, в субботу все два раза принимай пищу. Впрочем, так как тебе полезно всегда понуждать себя на делание бдения нощного, то гораздо лучше тебе, несмотря на совершение бдения на неделе по случаю означенных выше дней, совершать оное и на Воскресение. Пользу от этого великую сам скоро увидишь; *разверзется,* скажем словом пророка Исаии, *рано свет твой, и исцеления твоя скоро возсияют* (Ис. 58, 8).

Св. Исаак говорит: «каждому подвигу против греха и похотения труд бдения и пощения есть начало, особенно для того, кто подвизается против сущего внутрь нас греха. И из этого узревается признак ненависти ко греху и похоти в подвизающихся в сей невидимой брани. И все почти страстные прилоги начинают умаляться от пощения. После же него особенно содействует подвижничеству нощное бдение. Во всю жизнь свою любящий беседовать с сею двоицею другом бывает целомудрия. Как упокоение чрева и многоспание до расслабления, возжигающее похоть блудную, суть начало всех зол: так суть путь Божий святой и основание всякой добродетели пост, бдение и бодренность в священнослужении Богу». – Еще: «В душе, облиставшейся памятию Божиею и не-

усыпным бдением ночь и день, – вот где устрояет Господь, к утверждению ее и обезопашению, облако, сению своею покрывающее ее во дни и светом огня освещающее ночью» (Пс. 77, 14). Еще: «избери себе сладостное делание, бдение всегдашнее по ночам, коим все отцы совлеклись ветхого человека и сподобились обновления ума. В часы сии душа чувствует жизнь оную бессмертную, и в чувстве ее совлекается тьмы страстей, и приемлет Духа Святого». – Еще: «почти делание бдения, да обретешь утешение в душе своей». Еще: «не думай, человече, что во всем подвижничестве монашеском есть какое-либо делание, большее нощного бдения». – Еще: «на монаха, пребывающего в бдении с рассуждением ума, не смотри, как на плоть носящего: ибо дело сие, яко воистину, есть дело ангельского чина». – Еще: «душа, в сем ангельском делании бдения трудящаяся, будет иметь херувимские очи и ими созерцать и видеть непрестанно небесные видения».

Бдения сии проводи в молитве, псалмопении и чтении, чисто, непарительно и с сокрушенным умилением, один или с любезным и единомысленным содружием. После всякого твоего бдения делай труда ради, от бдения бывшего, небольшое утешение в пище и питии на вечере, именно: съедай хлеба унции три с приложением и сухих каких снедей, сколько потребно тебе будет, пей и вина с водою чаши три. Но смотри, имея бдение в день девятичный, никак не нарушай ради сего бдения девятицы. Ибо сие подобает творити и оного не оставляти. Утешение, о коем здесь говорится, полагается по совершении бдения.

34) Как подобает питаться по воскресеньям, – и о других вещах, также о труде и смирении

Также и во все воскресные дни два раза в день принимай пищу, как и в субботы. Это установление цело да блюдется, как положено, кроме немощи. То же делай и во все дни, в кои так делать разрешили святые отцы, или долгим обычаем так установилось по каким-либо причинам. И в эти дни не однажды принимаем мы пищу и сухоядения не держим, но от всего полезного и незазорного вкушаем, также и из овощей, что случится, с воздержанием однако ж и в определенном количестве; ибо воздержание во всем и всегда прекрасное дело. При телесных же немощах, можно, как сказали мы, вкушать не стыдясь от всего потребного и разрешенного нам для поддержания тела. Ибо свв. отцы научили нас быть страстоубийцами, а не телоубийцами. Разрешенное же разумеем не вообще христианам, а нам, по нашему иноческому чину. Всего сего причащайся с благодарением, во славу Божию и во избежание кичения, только не допускай излишества. «Скудость вещей, говорит св. Исаак, невольно научает человека воздержанию, хотя бы он того и не хотел; напротив, когда их у нас вдоволь и доступ к ним открыт, тогда трудно нам себя воздержать». Телесного упокоения не люби. Ибо «душа, Бога

возлюбившая, по слову опять преподобного Исаака, в Боге Едином и упокоение имеет». – Избери же себе паче труд и скудость в содержании, – и смиренство. Ибо «труд и смирение, пишет некто из святых, стяжевают Христа».

35) Какую диету держать и как жительствовать должно в посты, и особенно в Пост Великий

О диете и вообще об образе жизни во святые посты излишне, думаю, толковать в особенности и подробно. Ибо как определено тебе поступать в те дни, в кои держишь девятицу, так надлежит тебе поступать и в святые посты, кроме суббот и воскресений. Но, если можешь, держи себя в них еще строже и еще трезвеннее, наипаче же во святую великую Четыредесятницу, которая есть как бы десятина Богу от целого года, и победителям Христовым доставляет награды за подвиги пресветлым днем Божественного Воскресения.

36) О рассуждении в частности, и о том, что умеренному деланию цены нет; и о послушании

Впрочем, все сие и все подобное сему надлежит тебе проходить со тщательным рассуждением для сохранения мирного сердца устроения при удовлетворении потребностей двоякого твоего естества. *С премудростию,* говорит Премудрый, *зиждется дом и с разумом исправляется: с чувствием исполняются сокровища от всякаго богатства честнаго и добраго* (Притч. 24, 3. 4). Пишет и божественный Фалассий: «рассудительная скудость и теснота царский есть путь; безрассудное же самоизнурение и бессловесная поблажливость вредны, как без толку с той и другой стороны бывающие». И преподобный Исаак: «за ослабою членов следует исступление и смятение помыслов; за неумеренным деланием – уныние, и за унынием исступление. Но одно исступление разнится от другого исступления: за первым исступлением следует блудная брань; а за вторым – оставление безмолвного своего обиталища и перехождение с места на место. Умеренному же и терпеливо, хотя с трудом, держимому деланию цены нет. Умаление подвижнического самоутруждения множит сласть греховную, а безмерность в нем порождает исступление» (Сл. 71, стр. 524). И св. Максим Исповедник: «Не все пекись о плоти, но определив ей подвиг по силе ее, весь ум свой обрати на внутреннее. *Ибо телесное обучение вмале есть полезно, а благочестие на все полезно есть* (1 Тим. 4, 8)» [О любви сотня 4-я – 63]. Когда же весовая чаша плоти сколько-нибудь перетягивает, – мучит и тяготит чашу душевную, влекущи ее к пожеланиям и движениям бесчинным и душетлительным, как написано: *плоть похотствует на духа, дух же на плоть* (Гал. 5, 15); тогда ты сам, обуздав ее браздою воздержания, умертвляй ее, пока и нехотя станет она послушною правящему и поко-

рится лучшему, припомнив слово великого Павла: *елико внешний наш человек тлеет, толико внутренний обновляется по вся дни* (2 Кор. 4, 16), – и св. Исаака: «дай себе умереть в подвигах, а не жить в нерадении: ибо не только те, кои за веру во Христа прияли смерть, суть мученики, но и те, кои умирают за соблюдение заповедей» – Еще: «Лучше нам умереть в подвигах, чем жить в падениях». – Еще: «Главное, – все делай с советом и вопрошением отца твоего духовного о Христе Иисусе: ибо таким образом благодатию Христовою несносное и стремнистое бывает легко, – и тебе покажется, будто ты несешься по ровному, несколько покатому полю». Но пора нам возвратиться к тому, с чего отступили (См. гл. 27).

37) Как подвизающемуся надлежит проводить время от вкушения пищи до заката солнца; и о том, что веровать должно, что по труду и мере делания нашего прибавляется нам и подаяние Божественных даров

Подкрепившись пищею, как подобает подвизающемуся, по слову божественного Павла, повелевающего: *подвизаяйся от всех воздержится* (1 Кор. 9, 25), сядь и читай довольно отеческие писания, наипаче те, кои учат трезвению; потом сосни час один, если дни велики; встав затем, порукодельствуй немного, держа и молитву; после сего помолись, как прежде показано… опять читай, размышляй и поучайся, всячески стараясь смиренномудрствовать и иметь себя ниже всех людей.

Ибо *возносяй себе,* говорит Господь, *смирится; смиряяй же себе, вознесется* (Лк. 18, 14); еще: *мняйся стояти, да блюдется, да не падет* (1 Кор. 10, 12); еще: *Господь гордым противится, смиренным же дает благодать* (Иак. 4, 6; Притч. 4, 34). Еще: *начало гордыни отступление от Господа* (Сир. 10, 14); еще: *гордии законопреступоваху до зела* (Пс. 118, 51); и еще: *не высокая мудрствующе, но смиренными ведущеся* (Рим. 12, 16). И божественный Златоуст говорит: «тот наилучше знает себя, кто думает о себе, что он ничто; и ничто так Богу не любезно, как причисление себя к последнейшим». И св. Исаак: «смиренномудрым открываются тайны». – Еще: «где произрастает смирение, там источается слава Божия». Еще: «благодати предшествует смирение, а наказанию предшествует самомнение». – И св. Варсонофий: «если истинно желаешь спастися, то покажи послушание самым делом: воздвигни ноги твои от земли, ум же свой возведи на небеса и там будь помышлением своим ночь и день, но при этом, сколько сил есть, почитай себя презренным, всячески напрягаясь видеть себя низшим всякого человека. Это есть истинный путь; кроме него другого нет для хотящего спастися *о укрепляющем его Христе* (Флп. 4, 13). Да течет хотяй; да течет хотяй; да течет хотяй, – да постигнет (1 Кор. 9, 24). Свидетельствую сие пред Богом живым, хотящим Жизнь Вечную даровать всякому желающему» (отв.

477). И св. Лествичник: «не постился я, не совершал бдений, не спал на голой земле, но *смирихся, паче* всего ища ни во что себя вменения, *и* вскоре *спасе мя Господь* (Пс. 114, 5)». – Опять св. Варсонофий говорит: «беспопечение о всем приближает тебя ко граду; непочитание себя чем-либо между людьми вселяет во град, а умертвие для всякого человека делает наследником града и сокровищ его». Еще: «если хочешь спастися, держи ни во что себя вменение и теки вперед». «Ни во что же себя вменение есть, – по преподобному Иоанну, ученику сего святого, – не равнять себя ни с кем и о добром деле не говорить: и я то же сделал».

После сего опять молись чисто и непарительно, пока спадет вечер. Тут пой обычную вечерню и отпуст сотвори, от чистого сердца веруя, что по мере труда и болезнования добродетели ради, и вообще по мере делания нашего подвижнического, Богом присуждается нам подаяние даров, венцов и утешений, как говорит божественный Псалмопевец: *по множеству болезней моих в сердце моем, утешения Твоя возвеселиша душу мою* (Пс. 93, 19). И Сам Спаситель: *приидите ко Мне, вси труждающиися и обремененнии, и Аз упокою вы* (Мф. 11, 28); и Павел великий: *понеже с Ним* (Христом) *страждем, да и с Ним прославимся. Непщую бо, яко недостойни страсти нынешняго времене к хотящей славе явитися в нас* (Рим. 8, 17, 18); и Максим, премудрый в разумении божественных вещей: «причиною (такого или другого) раздаяния божественных благ бывает мера веры каждого. Ибо поколику веруем. потолику и силу ревности о действовании по вере имеем. Почему действующий по вере соответственную своей деятельности показывает и меру веры, приемля, поколику веровал, и меру благодати. А не действующий по вере соответственную своему безделию показывает и меру безверия, приемля, поколику не веровал, и лишение благодати. Таким образом худо делает завистливый, завидуя преуспевающим, когда явно в его власти, а не другого кого, состоит приложение веры и деятельности по вере, чтоб приять и по мере веры приходящую благодать».

Наконец, от души испрашивай прочее время пребыть в мире и покаянии, сподобиться христианской кончины живота, безболезненной, непостыдной и мирной, и доброго ответа на Страшном Судище Господа и Бога и Спаса нашего Иисуса Христа.

38) Чистая молитва есть больше всякого делания

К показанному выше знай и то, братее, что всякой метод или прием, всякое правило и, если хочешь, эти разные делания, потому устанавливаются и узаконяются, что мы не можем еще чисто и непарительно молиться. Поелику, когда сие, благоволением и благодатию Господа нашего Иисуса Христа, совершится в нас, тогда мы, оставя многое и разнообразное, непосредственно паче разума соединяемся с Единым Единичным и Единящим, как сказано славным Богословом: «когда Бог с богами (т. е.

богоподобными людьми) соединяется и ими познается, тогда Святым Духом всуществленное в сердце совершается осияние». – Оно рождается от помянутой чистой и непарительной молитвы сердечной. Редко же кто и едва один из тысячей сподобляется благодатию Христовою достигнуть такого устроения. А еще выше него востечь и духовной сподобиться молитвы, и удостоиться откровения таинств будущего века есть достояние весьма немногих, в родах и родах появляющихся благоволением благодати, как пишет и св. Исаак: «как из многих тысяч едва находится один, исполнивший заповеди и все законное и достигший душевной чистоты: так из тысячей разве один найдется, с великим хранением сподобившийся достигнуть чистой молитвы, расторгнуть сей предел и улучить оное таинство, потому что многие чистой молитвы никак не сподобились, а немногие. Достигший же того таинства, которое после нее и за пределами нее есть, едва в роде и роде найдется кто благодатию Христовою» (Сл. 16, стр. 91)…

Почему и ты, если хочешь сподобиться таковых новых таинств делом и вещию, т. е. самым опытом о Христе Иисусе, во всякое время и всякий час, и во всяком делании твоем пытайся настроиваться так, чтобы молиться в сердце чисто и непарительно, да тако, как из младенца ссущего преуспеешь в мужа совершенна, в меру возраста исполнения Христова, и с верным и мудрым строителем (управляющим, Лк. 12, 42) улучишь ублажение и гласное одобрение, как в суде (разумно) устрояющий словеса свои, т. е. сообразно со словом и жизнь ведущий, почему и не поколеблешься вовек. Филимон пишет о сем так: «брате, ночью или днем сподобит тебя Бог чисто и непарительно помолиться умом, не смотри на свое правило, но сколько есть у тебя силы, напрягайся пребыть в сем прилеплении к Богу, и Он просветит сердце твое о делании духовном». – И еще некто из богомудрых сказал: «если желаешь в теле, подобно бестелесным, служить Богу, стяжи непрестанную сокровенную в сердце молитву, и прежде смерти душа твоя будет, как Ангел». – Согласное с сим пишет и св. Исаак; – когда будучи вопрошен некиим, «что главное во всех трудах дела сего, т. е. безмолвия, чтоб достигший сего уразумел, что достиг совершенства в сем образе жизни, – ответил: то, когда кто сподобится непрестанной молитвы. Ибо когда он достигнет сего, то это будет означать, что он восшел на самый верх всех добродетелей и соделался уже жилищем Святого Духа; так как тому, кто не приял несомненно сей благодати Утешителя, невозможно с отрадою держать пребывание сей молитвы в сердце. Почему и говорится, что, когда Дух Святый вселится в ком из людей, тогда не престает он от молитвы: ибо тогда Сам Дух молится в нем непрестанно (Рим. 8, 26). Тогда, и когда спит он, и когда бодрствует, молитва не пресекается в душе его; но ест ли, пьет ли, спит ли, делает ли что, даже и в глубоком сне, без труда издаются сердцем его благоухания и воздыхания молитвенные.

Тогда молитва не отступает от него; но всякий час, хотя и умолкает таковая вне, внутри его не перестает она священнодействовать тайно. Почему молчание чистых некто из христоносцев называет молитвою; так как помыслы их суть божественные движения; движения же чистого сердца и ума суть кроткие гласы, коими они сокровенно воспевают Сокровенного» (Сл. 21, стр. 151–152). – И многие другие из богоносных мужей, будучи опытно самою благодатию тайно научаемы, изрекли много такого, удивления достойного, что мы по длительности слова опускаем.

39) О количестве коленопреклонений в продолжение дня и ночи

Что касается количества коленопреклонений, то знаем, что триста числом определено их нам божественными отцами, кои и должны мы совершать в каждое нощеденствие пяти дней недели. Ибо во всякую субботу и всякое воскресенье, а так же и в другие обычаем определенные дни и недели, по некоторым таинственным и сокровенным причинам воздерживаться от них получили мы заповедь. Некоторые впрочем более сего числа кладут поклонов, а иные менее: каждый по силе и произволению своему. И ты совершай их по силе своей, Впрочем блажен воистину, кто всегда во всем, что по Богу есть, понуждая себя, понуждает себя часто и в этом. Ибо *нудится Царствие Божие, и нуждницы восхищают его* (Мф. 11, 12).

40) О том, что раздаяние даров Божиих бывает не только по мере подвига и делания нашего, как сказано, но и по навыку и способности, по вере и естественному нашему предрасположению

И то ведать подобает, что раздаяние нам даров Божиих бывает не только по мере подвига и делания нашего, как сказали мы прежде, но и по навыкновению сему образу жизни, и по способности, и по вере нашей, и по естественному нашему расположению. Св. Максим говорит: «Ум есть орган премудрости; разум – орган ведения;

естественное по обоим им убеждение – орган, по обоим им составляющейся веры; естественное же человеколюбие – орган дарования исцелений. Ибо всякое дарование Божие благодатное способный к тому и естественный имеет в нас приемный орган, как силу, или навык, или предрасположение. Именно: кто ум свой сделал чистым от всяких чувственных мечтаний, тот приемлет премудрость; кто же разум поставил господином врожденных нам страстей, – разумею, гнева и похоти, тот приемлет ведение; кто по уму и разуму непоколебимое имеет убеждение в вещах божественных, тот приемлет все могущую веру; кто в естественном преуспел человеколюбии, тот, по совершенном уничтожении самолюбия, приемлет дарование исцелений». – И все это так есть.

Смотри же, чтоб никто не знал дела твоего, кроме настоятеля и руководителя твоего, моляся усердно и о нас недостойных, говорящих, но не делающих добра, да сподобимся первее творить угодное Богу, а потом и другим говорить и советовать. Ибо, по слову Господню, *кто сотворит и научит, сей велий наречется* (Мф. 5, 19). Тебе же Вседержитель и Господь всещедрый да дарует силу и да благопоспешит и выслушать сие разумно, и творить со всем усердием: ибо, по божественному Павлу, *не слышатели закона праведни пред Богом, но творцы* (Рим. 2, 13). И да наставит Он тебя на всякое дело благое и спасительное, и в предлежащем тебе умном и священном делании да поруководит Духом по молитвам святых. – Аминь.

Но как впереди малое нечто сказано нами о деятельной рассудительности, то теперь благовременно, по силе нашей, вкратце сказать и о всеобъемлющей и совершеннейшей рассудительности: так как она больше всех добродетелей, по свидетельству великих отцов наших.

41) О всеобъемлющей и совершеннейшей рассудительности; и о том, кто живет противоестественно и плотски, кто – по естеству и душевно, и кто выше естества и духовно

Кто плотски и противоестественно живет и действует, тот совсем потерял свою рассудительность; а кто, отклоняясь от зла, положил начало творить благое, как написано: *уклонися от зла и сотвори благо* (Пс. 33, 15), тот, как только еще вводимый в область добра и ухо приклоняющий к учению, приникает мало некако к некоему чувству рассудительности, свойственной новоначальному. Кто же по естеству и душевно, т. е. смысленно и разумно живет и действует, – почему называется и средним, тот по своей мере и видит и обсуждает и то, что его касается, и то, что касается подобных ему. Кто наконец выше естества и духовно живет, тот, как прошедший за предел страстного, новоначального и среднего и благодатию Христовою достигший совершенства, т. е. всущественного просвещения и совершеннейшей рассудительности, видит себя самого и обсуждает наияснейше, а также и всех видит и обсуждает определительно верно, сам не будучи ни от кого видим и обсуждаем верно, хотя у всех на виду находится, как говорит Апостол: *духовный востязует убо вся, а сам той ни от единаго востязуется* (1 Кор. 2, 15).

42) Еще о рассудительности, в уподоблениях

Из сих первый подобен шествующему в глубокой ночи и непроницаемой тьме; почему, как блуждающий в непроглядной тьме и мраком покрытый, не только себя не видит и не обсуждает, но и того не разумеет, куда направляется и где полагает стопы свои, как говорит Спаситель: *ходяй во тме не весть, камо идет* (Ин. 12, 35). – Второй подобен шест-

вующему в светлую ночь, звездами освещаемую; почему, мерцаниями звезд будучи мало некако осияваем, понемногу ступает, часто спотыкаясь ногами о камни нерассудительности и подвергаясь падениям. Сей немножко и себя, как в тени, видит и обсуждает, как написано: *востани спяй и воскресни от мертвых, и осветит тя Христос* (Еф. 5, 14). – Третий подобен шествующему в ночи полнолунной и тихой; почему, лучами лунными направляем будучи, идет менее заблудно и в предняя простирается, – себя видит, как в зерцале, и обсуждает, равно как и сшествующих ему, как сказано: *емуже,* т. е. пророческому слову, *внимающе, яко светилу, сияющу в темнем месте, добре творите, дондеже день озарит, и денница возсияет в сердцах ваших* (2 Пет. 1, 19). – Четвертый подобен шествующему в полдень чистейший, светлыми лучами солнца освещаемый; почему таковой и сам себя совершенно видит, как при солнечном свете, и обсуждает полно и верно, и других многих, лучше же сказать, всех восстязует, по вышеприведенному слову св. Павла, – да и все, встречающееся с ним, что бы то ни было и как бы ни было, – сам шествуя незаблудно и последующих ему ведя непреткновенно к настоящему Свету, Животу и Истине. О таковых написано: *вы есте свет мира* (Мф. 5, 14); и божественный Павел говорит: *Бог, рекий из тмы свету возсияти, Иже возсия в сердцах наших к просвещению разума славы Божия о лице Иисус Христове* (2 Кор. 4, 6); и блаженный Давид: *знаменася на нас свете лица Твоего, Господи* (Пс. 4, 7); еще: *во свете Твоем узрим свет* (Пс. 35, 10); и опять Сам Господь: *Аз есмь свет миру: ходяй по Мне, не имать ходити во тме, но имать Свет животный* (Ин. 8, 12)

43) О преложении и изменении, бывающем с каждым человеком, и о высокой славе смирения

Желаем мы, чтоб ты ведал и то, что и совершенства достигшие чрез очищение себя и просвещение, сколько это возможно [ибо в нынешнем несовершенном веке нет совершенного совершенства, но паче недовершенное совершенство], – и такие не всегда сохраняют неизменность, и по причине естественной немощи, и по причине прокрадывающегося иной раз возношения, но и изменения и окрадения претерпевают иногда во испытание и опять заступлений наибольших сподобляются. Ибо непреложность и неизменность есть достояние будущего века; в настоящем же веке бывает то время чистоты, мира и утешения божественного, то примешения нечистого волнения и печали, и это соответственно жизни и преуспеянию каждого и имиже весть Господь судьбами, для того, да познавая из сего немощь свою [ибо блажен, говорит некто, сознающий немощь свою], подобно св. Павлу, *ненадеющеся будем на ся, но на Бога, возставляющаго мертвыя* (2 Кор. 1, 9). И св. Исаак говорит: «один раз за другим иные многократно преступают закон и по-

каянием врачуют души свои, и благодать приемлет их; потому что во всяком разумном существе без числа бывают перемены, и с каждым человеком ежечасно происходят изменения. И рассудительный имеет много случаев уразуметь это. Но испытания, каждый день бывающие с ним, особенно могут умудрить его в этом, если он трезвенно бодрствует над собою, между прочим и для того, чтоб наблюсти себя умом и познать, какое изменение в кротости и тихонравии принимает душа каждый день и как из мирного устроения своего внезапно переходит она в смятение, и как бывает при сем в великой и несказанной опасности. – И сие-то блаженный Макарий явно по великому попечению и ревности о братиях написал на память и в научение их, – не предаваться во время изменения сопротивлений (или браней) в отчаяние, потому что и со стоящими в чине чистоты случаются всегда падения, как случается с воздухом охлаждение, и без того, чтоб они были в нерадении и разленении, а напротив, когда шествуют по чину своему, случаются с ними падения, противные цели их стремления» (Исаак сл. 46, стр. 283–284).

И еще немного ниже говорит он: «изменения, говорит св. Макарий, в каждом бывают, как в воздухе». Выразумей это – *в каждом,* – потому что естественно одно. Чтоб ты не подумал, что он сказал это о низших и немощнейших, полагая, что совершенные свободны от изменения и всегда стоят неуклонно в одном чине, без страстных помыслов, как и Евхиты говорят, прибавил он это – *в каждом.* Как же это, блаженне Макарие? Ты говоришь, что как вне бывает холод и вскоре потом зной, там град и спустя немного ведро: так бывает и в нашем подвижничестве: то брань, то заступление благодати; в иное время душа бывает в обуревании, и восстают на нее жестокие волны; и снова происходит изменение, потому что приходит благодать и наполняет сердце человека радостию и миром от Бога, целомудренными и мирными помыслами. Он указывает здесь на сии помыслы целомудрия, намекая, что прежде них были скотские и нечистые, и как бы совет дает, говоря: «если за сими целомудренными и скромными помыслами последует нападение худых, не будем печалиться и отчаиваться. – И всегда во время упокоения благодатного не будем величаться в самовосхвалении; но во время радости станем ожидать скорби» (там же, стр. 285).

Далее говорит он еще: «Знай, что все святые пребывали в сем деле. Пока мы в сем мире, вместе с прискорбным бывает нам втайне и утешение избыточествующее. Ибо каждый день и каждый час требуется от нас опыт любви нашей к Богу, в борьбе и подвиге против искушений. И вот что есть – не печалиться и не унывать нам в подвиге; и так исправляется путь наш. Желающий же от этого отступить или уклониться бывает добычею волков. Вот дивно что в сем отце святом, – как он кратким словом подтвердил мысль сию, доказал, что она исполнена разума, и из ума читающего совершенно исторг всякое сомнение! Он говорит: уклоняю-

щийся от сего и частию волков ставший не хочет шествовать должным путем, но положил в уме своем стяжать искомое, шествуя путем собственным, по которому не ступали ноги отцов» (там же стр. 286–287).

Еще ниже: «смирение и без дел многим прегрешениям стяжевает прощение; а дела без него напротив неполезны. – Что соль для всякой пищи, то смирение для всякой добродетели, и крепость многих грехов может оно сокрушить. О нем потому нужно в душе печалиться (заботиться) непрестанно, с уничижением своего разумения; и если приобретем его, оно сделает нас сынами Божиими и без дел добрых представит нас Богу, а без него все дела наши, всякие добродетели и всякое делание напрасны. – Его одного достаточно, чтоб без сторонней помощи представить нас пред лицом Бога и говорить за нас ходатайственно» (там же, стр. 289). И еще: «сказал некто из святых: когда придет к тебе помысл гордыни, говоря: вспомни добродетели свои, ты скажи ему: смотри, старик, на блуд свой» (там же, стр. 290).

44) О покаянии, чистоте и совершенстве

Св. Исаак говорит: «совершенство всего течения нашего состоит в следующих трех: в покаянии, чистоте и совершенстве. – Что же есть покаяние? – Оставить прежнее и печалиться о нем. Что есть чистота вкратце? – Сердце милосердующее о всяком созданном естестве. И что есть совершенство? – Глубина смирения, которая есть оставление всего видимого и невидимого: видимого – всех чувственных вещей, невидимого – существ мысленных» (Сл. 48, стр. 298).

Иначе: «покаяние есть сугубое умертвие от всего, произвольное. Сердце милосердующее есть горение сердца о всякой твари, и о людях, и о птицах, и о животных, и о демонах, и о всяком создании» (там же).

И опять: «пока мы в мире сем находимся и остаемся во плоти, дотоле, если до самого свода небесного подымемся, без дел и труда и в беспопечении быть не можем. – В этом все совершенство, прости мне. Выше же этого есть тайное в сердце поучение без помышлений или умная молитва» (Сл. 47, в конце).

Св. Максим говорит: «любомудрие по добродетели обыкновенно производит бесстрастие произволения, а не бесстрастие естества, в силу коего, т. е. бесстрастия произволения, приходит в душу мысленная благодать божественной сладости». И опять: «испытавший печаль и сладость плотскую может быть назван опытным, как опытом познавший приятности и неприятности вещей плотских, совершенным, – силою разума победивший сладости плотские и прискорбности, всецелым, – деятельные и мысленные навыкновения неизменными соблюдший крепким к Богу устремлением. Сего ради рассудительность и признана высшею всех добродетелей, что те, у кого она, по благоволению Божию, породится, будучи просвещаемы божественным светом, могут наиточнейше различать божеские и человеческие вещи и видения таинственные и сокровенные».

Но время уже по ряду изложить тебе, сколько доступно нам, что касается начала священного и боготворного безмолвия. Бог же да наставит нас в том, что имеет быть сказано.

45) О пяти деланиях первоначального, или вводного, безмолвия приступающих к нему, именно: молитве, псалмопении, чтении, богомыслии и рукоделии

В пяти деланиях, коими благоугождается Бог, должен проводить свое нощеденствие, или часы дня и ночи, только что приступивший к безмолвию, новоначальный, именно: *в молитве,* т. е. в памятовании Господа Иисуса Христа непрестанном, тихо вводимом, как сказано прежде, путем дыхания в сердце и опять так же изводимом, при смежении уст, без всякой какой-либо иной мысли и воображения, которая (молитва), при всестороннем воздержании, т. е. при обуздании чрева, сна и других чувств, с искренним смирением исправляется в келлии. (Кроме сей молитвы должен он проводить время) *в псалмопении, в чтении* священного Апостола и святых Евангелий, писаний святых и богоносных отцов, особенно глав о молитве и трезвении, и прочих божественных словес Духа, *в воспоминании* с болезнованием сердечным *грехов своих, в размышлении* о суде Божием, или о смерти, или о вечном мучении, или о вкушении вечных благ, и о подобном, – и *в рукоделии* небольшом для прогнания уныния. (Но после сих деланий, особенно рукоделья) надлежит опять возвращаться к молитве, хотя делание ее притрудно и требует самопринуждения, пока ум навыкнет легко пресекать свое парение всецелым приседением (или вниманием полным) Господу Иисусу Христу, непрестанною о Нем памятию, частым приникновением во внутреннюю клеть, или сокровенную область сердца, и водруженным там вкоренением внимания. Пишет о сем и св. Исаак: «потщися войти в клеть, внутрь тебя сущую, и узришь клеть небесную: ибо одна есть и сия оная; и одним входом узришь ты обе». – И св. Максим: «сердце правит всеми органами, и когда благодать займет все пажити сердца, тогда оно царствует над всеми помыслами и членами. Ибо там ум и все помыслы душевные; там потому должно смотреть: написала ли благодать Всесвятого Духа законы свои». Там: где? В господственном органе, на престоле благодати, где ум и все помыслы душевные, т. е. в сердце.

46) С чего начинать надо восхотевшим разумно безмолвствовать, какое сему начало, возращение, преуспеяние и совершенство

Вот делание первоначальных монахов, первое и как бы вводное для взявшихся безмолвствовать разумно: *начинают* они страхом Божиим, постоянным исполнением всех заповедей боготворных и беспопечением о всех благословных и неблагословных вещах, прежде же всего верою, совершенным удалением от всего, противного сему начинанию, и искренним расположением к истинно сущему, как сказано прежде. *Возрастают* упованием непостыдным, простираясь вперед в меру возраста

исполнения Христова пребыванием в сердечной молитве, чистой и непарительной, со всецелым к Богу прилеплением. И таким образом *вступают в совершенство* с неизменною и непрестанною духовною молитвою и из совершенной любви источающимся к Единому Богу исступлением, восхищением и единением превожделенным: что и есть деянием к созерцанию непогрешительное преуспеяние и воспростертие, которое испытав богоотец Давид и изменившись блаженным оным изменением, велегласно возопил: *аз рех во изступлении моем: всяк человек лож* (Пс. 115, 2). Другой же некто из просиявших в сем чине исповедал: *око не виде, и ухо не слыша, и на сердце человеку не взыдоша, яже уготова Бог любящим Его* (1 Кор. 2, 9); и потом приложил: *нам же Бог открыл есть Духом Своим: Дух же вся испытует и глубины Божия* (там же ст. 10).

47) О чине безмолвия новоначальных

Итак, новоначальный, по сказанному пред сим, должен нечасто выходить из келлии своей и избегать бесед и свиданий со всеми, разве только по крайней нужде допуская себе это, и то со вниманием, сдержанностию и редко, как говорит и божественный Исаак: «при всяком деле память сия (об охранении себя) да пребывает с тобою, потому что помощь, которая от охранения себя, больше помощи, которая от дел». – Эти беседы и свидания не только в новоначальных, но и в преуспевающих уже производят рассеяние и расхищение мыслей, как говорит опять тот же Исаак, что «упокоение плоти юным только вред приносит, а распущенность и юным и старым», и что «безмолвие внешние чувства умерщвляет, а движения внутренние оживляет; внешнее же сообращение противное сему производит, т. е. внешние чувства оживляет, а внутренние движения умерщвляет». Лествичник же пишет: «безмолвник тот, кто существо бестелесное – душу свою – усиливается удерживать в пределах телесного дома, что крайне дивно». Еще: «безмолвник тот, кто говорит: *аз сплю, а сердце мое бдит»* (Песн. 5, 2). И еще: «затворяй дверь келлии для тела, дверь уст для бесед и внутреннюю дверь души – для лукавых духов» (Сл. 27, 6, 17, 18).

48) О внимательной и трезвенной сердечной молитве и делании ее

Молитва, со вниманием и трезвением совершаемая внутрь сердца, без всякой другой мысли и воображения какого-либо, словами: *Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий* невещественно и безгласно воспростирает ум к Самому призываемому Господу Иисусу Христу, словами же: *помилуй мя* опять возвращает его и движет к себе самому, так как не может еще не молиться о себе. Но когда он достигнет опытом совершенной любви, тогда всецело воспростирается он к единому Господу Иисусу Христу, о втором (т. е. о помиловании) прияв действенное извещение.

(Почему, как говорит другой некто, взывает только: *Господи, Иисусе Христе!* в сильном любительном расположении сердца).

49) Как святые отцы предали нам говорить молитву

Почему не все свв. отцы предают нам всегда всю произносить молитву, но кто всю, кто половину, может быть, по силе и состоянию молящегося. Так божественный Златоуст предает всю ее возглашать, говоря так: умоляю вас, братие, никогда не оставлять правила молитвы или пренебречь о нем. Ибо я слышал некогда отцов, которые говорили: «какой это монах, если он небрежет о правиле или попирает его? Но он должен, ест ли или пьет, сидит дома или путешествует, или другое что делает, непрестанно взывать: *Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя!* – дабы это поминание имени Господа нашего Иисуса Христа раздражало на брань против врага. Поминанием сим душа, нудящая себя на то, может разыскать в себе все, и худое и доброе: прежде имеет она увидеть внутри, в сердце своем, худое, а потом и доброе. Поминание сие имеет привести в движение змия, и поминание сие имеет смирить его. Поминание сие может обличить живущий в нас грех, и поминание сие может потребить его. Поминание сие может подвигнуть всю силу вражию в сердце, и поминание сие может победить и искоренить ее мало-помалу: имя Господа Иисуса Христа, исходя в глубину сердца, змия, держащего пажити ее, смирит, душу же спасет и оживотворит. Непрестанно убо пребудь с именем Господа Иисуса, да поглотит сердце Господа, и Господь сердце, и будут два в едино. Впрочем, дело сие не есть дело одного дня или двух, но многих лет и долгого времени: ибо великий требуется подвиг и многолетний, да извергнется враг и вселится Христос».

И опять: «Нужно запереться в себе, и править умом, и обуздывать его, и всякий помысл и всякое действо лукавого казнить призыванием Господа нашего Иисуса Христа». Еще: «где стоит тело, там да будет и ум, чтоб посреде между Богом и сердцем ничего другого не находилось, как средостение, или перегородка, затеняющая сердце и отделяющая ум от Бога. Если же иной раз что-нибудь похитит ум, не надо замедлять в помыслах, дабы сосложение с помыслами не вменилось в дело греховное в день суда пред лицом Господа, когда судить имеет Бог тайное человеков. Упраздняйтеся убо всегда и пребывайте с Господом Богом нашим, пока Он ущедрит вас. И ничего другого не ищите у Господа славы, кроме одной сей милости: ища же милости, ищите ее с сердцем смиренным и умиленным, и с утра до вечера вопийте, а если можно, то и всю ночь: *Господи, Иисусе Христе, помилуй мя,* и понуждайте ум свой на это дело до самой смерти. Ибо великого понуждения требует дело сие, потому что *узки врата и тесен путь, вводящий в живот,* и одни нудящие себя входят в него: ибо таких *нудящих себя есть Царствие Не-*

бесное (Мф. 7, 14; 11, 12). – Умоляю убо вас, не отдаляйте сердец ваших от Бога, но внимайте им и храните их всегдашним памятованием Господа нашего Иисуса Христа, пока не укоренится имя Господа внутрь сердца вашего, и оно ни о чем уже другом не станет помышлять, как только о том, да возвеличится Христос в вас».

Прежде же сего св. Златоуста св. Павел в одном из посланий своих сказал: *аще исповеси усты твоими Господа Иисуса, и веруеши в сердце твоем, яко Бог Того воздвиже из мертвых, спасешися: сердцем бо веруется в правду, усты же исповедается во спасение* (Рим. 10, 9, 10). И опять: *никтоже может рещи Господа Иисуса, точию Духом Святым* (1 Кор. 12, 3). Сие – *Духом Святым* прилагает он в таком смысле: когда сердце восприимет действо Духа Святого, коим и молится: что есть достояние преуспевших и тех, кои обогатились действенно возобитавшим в них Христом. – Согласно с этим говорит и св. Диадох: «Ум наш, когда памятию Божиею затворим ему все исходы, имеет нужду, чтоб ему дано было какое-нибудь, обязательное для него дело для утоления его приснодвижности. Ему должно дать только священное имя Господа Иисуса, которым и пусть всецело удовлетворяет он свою ревность к достижению предположенной цели. Но ведать надлежит, что, как говорит Апостол, *никтоже может рещи Господа Иисуса, точию Духом Святым.* С нашей стороны требуется, чтоб сказанное речение *(Господи, Иисусе Христе,* и проч.) умом, в себе утесняющимся, непрестанно было изрекаемо в сокровенностях его так, чтобы при этом он не уклонялся ни в какие сторонние мечтания. Которые сие святое и преславное Имя непрестанно содержат мысленно во глубине сердца своего, те могут видеть и свет ума своего (ясность мысли, или определенное сознание всех внутренних движений). И еще: сие дивное Имя, будущи напряженною заботливостию содержимо мыслию, очень ощутительно попаляет всякую скверну, появляющуюся в душе. *Ибо Бог наш огнь поядаяй есть* всякое зло, как говорит Апостол (Евр. 12, 29). Отсюда наконец Господь приводит душу в великое возлюбление славы Своея; ибо преславное то и многовожделенное Имя, укосневая чрез памятование о Нем ума в теплом сердце, порождает в нас навык любить благостыню Его беспрепятственно, потому что нечему уже тогда полагать тому препону. И сие-то есть бисер оный многоценный, который стяжевают, продав все свое имение с неизреченною радостию об обретении Его» (гл. 59). Святой же Исихий мысль свою о сем излагает так: «Душа, воспаривши по смерти на воздух ко вратам небесным, и там не постыдится врагов, имея за себя с собою Христа; но и тогда, как ныне, дерзновенно *возглаголет к ним во вратех* (Пс. 126, 5). Только до самого исхода своего да не скучает она день и ночь взывать к Господу Иисусу Христу, Сыну Божию; и Он сотворит отмщение ее вскоре, по неложному божественному обетованию Своему, которое изрек Он в притче о неправедном Судье: *ей глаголю вам, яко*

сотворит отмщение вскоре (Лк. 18, 8), – и в настоящей жизни, и по исходе ее из тела» (гл. 149). Лествичник говорит: «Бей супостатов Иисусовым именем; ибо против них нет более сильного оружия ни на небе, ни на земле» (Сл. 21, 7). В другом месте прилагает он: «Иисусова память да соединится с дыханием твоим; и тогда познаешь пользу безмолвия» (Сл. 27, 61).

50) О том, что не только у свв. отцов, но и у свв. апостолов обретаются тайноводственно изреченные Духом словеса священной молитвы сей

Но не только у сказанных свв. отцов и подобных им найдешь ты словеса священной молитвы, но и еще прежде них, у самых первых и верховных апостолов Петра, Павла и Иоанна. – Один из них, как сказали мы прежде, говорит: *никтоже может рещи Господа Иисуса, точию Духом Святым* (1 Кор. 12, 3); другой: *благодать и истина Иисус Христом бысть* (Ин. 1, 17), – и еще: *всяк дух, иже исповедует Иисуса Христа во плоти пришедша, от Бога есть* (1 Ин. 4, 2); предпочтенный же другим ученикам Христовым, на вопрос Спасителя ко всем апостолам: – *кого Мя глаголют человецы быти,* – ответил от лица всех, блаженнейшее вводя исповедание: *Ты еси Христос, Сын Бога Живаго* (Мф. 16, 13, 16). – Почему и после них бывшие наши славные наставники, и из них особенно те, кои шествовали путем бесподъяремной, пустынной и безмолвной жизни, такие изречения, раздробленно и по частям тремя такими столпами святой Церкви предвозглашенные, и как божественные глаголы, по откровению Духом Святым предузаконенные, собрав воедино и одни с другими, с помощью живущего в них Духа Святого, прекрасно согласив и сгармонировав, составили священную нашу молитву, нарекши ее столпом молитвы, и последующим за ними предавши – держать ее и хранить в том же виде.

Посмотри теперь, какой в сем дивный чин и какая дивная последовательность, носящая явную печать небесной премудрости! – Один возглашает имя: *Господа Иисуса,* другой: *Иисуса Христа,* третий: *Христа, Сына Божия,* как бы один за другим следуя и один другого со вниманием держась, в согласии и сочетании сих богодейственных глаголов. Видишь, как каждый из них берет в конце изречения другого стоящее речение и его полагает началом своего? – Блаженный Павел сказал: никто не может исповедать *Господа Иисуса.* Последнее речение: *Иисуса* берет св. Иоанн и ставит первым в своем изречении: иже исповесть *Иисуса Христа.* Последнее его речение: *Христа* в исповедании св. Петра помянуто первым: *Ты Христос Сын Бога.* Так составилось, как триплетная и нерасторжимая вервь, боготворная молитва наша, премудро и разумно сплетенная и сотканная. Так до нас дошла, так блюдется нами и в том же виде от нас перейдет к тем, кои будут после нас. Что

касается до речения: *помилуй мя,* прилагаемого к спасительным словам молитвы, т. е. *Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий,* – то его приложили свв. отцы, наипаче для младенчествующих еще в деле добродетели, новоначальных и несовершенных, ибо преуспевшие и совершенные о Христе каждым из сих воззваний одним: *Господи Иисусе; Иисусе Христе; Христе Сыне Божий!* или даже только возглашением: *Иисусе,* довольны бывают, объемля то и лобызая, как полное делание молитвы, и чрез это одно исполняемы бывая неизреченной, всякий ум, всякое видение и всякое слышание превосходящей сладости и радования. – В убеждение и удостоверение в сем полнейшее сладчайший и душелюбивый Господь наш, Иисус Христос, Сын Божий, Коего словеса суть дела и глаголы – Дух и живот, явно возвестил: *без Мене не можете творити ничесоже* (Ин. 17, 5); еще: *аще что просите от Отца во имя Мое, Аз сотворю* (Ин. 14, 13, 14).

51) О том, что и новоначальным можно молиться иногда всеми словами молитвы, иногда частию их, – внутри однако ж сердца и всегда, и о том, что не надо часто переменять речения молитвенные

Можно и новоначальным молиться иногда всеми словами молитвы, а иногда частию их, внутрь впрочем сердца и непрестанно. Ибо, по св. Диадоху, «всегда пребывающий в сердце своем далек от всех красных жизни сей вещей, – и ходя духом, похотей плотских изведывать не может. Поелику же таковой шествие свое совершает в ограждении добродетелями, сии самые добродетели имея как бы привратными стражами своего града чистоты; то все козни бесов против него остаются безуспешными» (гл. 57). – Пишет и св. Исаак: «кто ежечасно назирает за душою своею, у того сердце возвеселяется откровениями. Кто зрение ума своего сосредоточивает внутри себя самого, тот зрит в себе зарю Духа. Кто возгнушался всяким парением ума, тот зрит Владыку своего внутри сердца своего» (Сл. 8, стр. 54).

Но при сем не следует часто переменять речения молитвы, чтобы таким частым переменением и перенесением (внимания одного на другое) ум, привыкши к нестоянию на одном и уклонению от него, навсегда не остался неводруженным в себе и потому бесплодным, подобно древам, часто пересаждаемым с места на место.

52) О том, что плод внутрь сердечной молитвы требует долгого времени подвига и нуждения себя, и что вообще все доброе немалым трудом и временем достигается

То, чтоб молиться всегда внутрь сердца, равно как и то, что за пределами сего последует, достигается не просто и как случилось, не с недолгим и малым трудом, – хотя и это с некоторыми, по неизреченному смотрению Божию бывает, но требует долгого и времени, и труда, и

подвига телесного и душевного, и нуждения себя напряженного и продолжительного. Ибо, по превосходству дара и благодати, коих чаем мы сделаться причастными, надлежит нам по силе своей приложить и соразмеренные с тем подвиги, и часы или предел того означить, – который, по священным наставникам нашим, есть – извержение из пажитей сердца врага и действенное вселение в него Христа. Так св. Исаак говорит: «кто желает видеть Господа внутри себя, да напряжется всеусильно очистить сердце свое непрестанным памятованием о Боге, и тако во светлости ума своего всякой час будет он зреть Господа» (Сл. 8, стр. 55). И св. Варсонофий: «если внутреннее делание с Богом не поможет человеку, то напрасно он трудится во внешнем. Ибо внутреннее делание с болезнованием сердца приносит чистоту; чистота – истинное безмолвие сердца; безмолвие сие – смирение; смирение же уготовляет человека в обиталище Богу; силою же возобитания такого изгоняются бесы со страстьми; и бывает тако человек храмом Божиим, полным святости, полным света, чистоты и благодати. Блажен тот, кто, во внутреннейших тайниках сердца созерцая Господа, с плачем изливает пред Его благостию моление свое» (Отв. 210). И преподобный Иоанн Карпафский: «долгий подвиг в молитвах и немалое время потребны для того, чтоб в нестужаемом устроении ума обрести иное некое сердечное небо, где обитает Христос, как говорит Апостол: *или не знаете себе, яко Иисус Христос в вас есть; разве точию чим неискусне есте* (2 Кор. 13, 5)». – И великий Златоуст: «непрестанно пребывай с именем Господа Иисуса, да поглотит сердце Господа, и Господь сердце, и будет два едино. Но дело сие не есть дело одного дня или двух, но долгого подвига и немалого времени. Ибо много подвигов и времени потребно, да извержется враг и вселится Христос».

53) О молитве сердечной нечистой; и о том, как достигает кто молитвы чистой и непарительной

От постоянства в употреблении сказанного метода или приема к стяжанию чистой и непарительной молитвы с препобеждением всех к тому препон в помыслах и внешних соприкосновенностях подвизающийся приходит наконец в навыкновение без нуждения себя молиться истинно, чисто и непарительно, или в такое устроение, в коем ум всегда пребывает в сердце, не с нуждением и против воли вводим бывая туда чрез дыхание и тотчас опять выскакивая, но там неисходно с любовию пребывая и непрестанно моляся. Св. Исихий говорит: «кто не имеет чистой от помыслов молитвы, тот не имеет оружия на брань, молитвы, говорю, той, которая непрестанно действовалась бы во внутреннейших сокровенностях сердца, дабы призыванием Господа Иисуса Христа незримо был бичуем и опаляем враг, скрытно ратующий» (Гл. 21). И еще: «блажен воистину, кто так прилепился мыслию к молитве Иисусовой,

вопия к Нему непрестанно в сердце, как воздух прилежит телам нашим или пламя к свече». И тут же еще: «солнце, проходя над землею, производит день, а святое и поклоняемое имя Господа Иисуса, непрестанно сияя в уме, порождает бесчисленное множество солнцевидных помышлений» (Гл. 196).

54) О непарительной и чистой сердечной молитве и рождающейся от нее теплоте

Та есть и именуется сердечною молитвою – чистою и непарительною, из которой рождается в сердце некая теплота, как поется в псалмах: *согреяся сердце мое и в поучении моем возгорится огнь* (Пс. 38, 44), – огнь, который Господь Иисус Христос пришел вовлещи на землю сердец наших, прежде износившую терние страстей, ныне приносящую духовные плоды благодатию, как говорит Господь наш Иисус Христос: *огня приидох вовлещи на землю, и что хощу, аще уже возгореся* (Лк. 12, 49), – который (огнь) некогда и Клеопу с бывшим с ним спутником согревши и разжегши, заставил в исступлении вопиять друг ко другу: *не сердце ли наше горя бе в нас, егда глаголаше нама на пути, и егда сказоваше нама Писания?* (Лк. 24, 32). Говорит и св. Иоанн Дамаскин в одном тропаре своих к Богородице Пречистой песнопений: «влечет меня к песнопению сердечный огнь любви Девическия». – И св. Исаак пишет: «от напряженного делания рождается безмерная горячность, распаляется в сердце горячими помышлениями, вновь появляющимися в уме. А сие делание и хранение утончают ум своею горячностию, и сообщают ему видение. – От сей горячности, производимой благодатию созерцания, раждается слезный ток. – От непрестанных слез душа приемлет умирение помыслов и возвышается до чистоты ума, а при чистоте ума человек приходит в видение таин Божиих. – После сего ум достигает до зрения откровений и знамений, как видел пророк Иезекииль» (Сл. 59, стр. 459–460). И еще: «слезы, ударение себя по главе во время молитвы, повержение на землю побуждают сладостную теплоту слез внутрь сердца, и сердце с похвальною восторженностию воспаряет к Богу, взывая: *возжада душа моя* к Тебе *Богу крепкому и живому: когда прииду и явлюся лицу Твоему, Господи* (Пс. 41, 3)». (Сл. 69, стр. 508). И Иоанн Лествичник: «огнь (духовный), пришедши в сердце, воскрешает молитву; по воскресении же и вознесении ее на небо бывает сошествие огня небесного в горницу души» (Сл. 28, 45). И еще: «кто есть верный и разумный монах, который теплоту свою сохранил неугасимою, и до самого исхода своего не переставал прилагать огнь к огню, теплоту к теплоте, вожделение к вожделению, тщание к тщанию». – И св. Илия екдик: «когда душа, упразднившись от всего внешнего, соединится с молитвою, тогда молитва, как пламя некое, окружив ее, как огнь железо, делает ее всю огненною. И тогда душа – все та же душа, только бывает неприкос-

новенною для всего внешнего, подобно раскаленному железу» (Гл. 103). Еще: «Блажен, кто еще в жизни сей таким видетися сподобился; и сам свой бренный по естеству образ видит огненным по благодати».

55) Теплота различное имеет порождение; но та, которая происходит от чистой сердечной молитвы, есть самая настояще истинная

Ведай, что теплота таковая различное и многообразное имеет в нас порождение и пребывание. Это явно из изложенных изречений святых отцов, но не смеем сказать, что – и из самого дела (опыта). – Из них наиподлиннейшая теплота есть та, которая приходит от чистой сердечной молитвы, с нею всегда порождается, возрастает и в существенном просвещении субботствует, т. е. существенно просвещенным, по свидетельству отцов, делает человека, так себя имеющего.

56) Какое непосредственное действие теплоты сердечной

Сия теплота непосредственно отгоняет все, что препятствует совершенным образом совершаться первейшей чистой молитве. Ибо огнь есть Бог наш, и огнь поядающий злокозненность бесов и страстей наших. Св. Диадох говорит: «когда сердце с жгучею некоею болью принимает бесовские стреляния, так что боримому думается, будто он носит самые стрелы, – это знак, что душа стала ретиво ненавидеть страсти. И это есть начало очищения ее. Ибо если она не потерпит великих болей от безстыдства греха, то не возможет потом богатно порадоваться и о благотворности правды. После сего желающий очистить свое сердце да разгорячает его непрестанно памятию о Господе Иисусе, имея это одно (т. е. чтоб памятовать Господа) предметом богомыслия и непрестанным духовным деланием. Ибо желающим сбросить с себя гнилость свою не так следует вести себя, чтоб иногда молиться, а иногда нет, но всегда должно упражняться в молитве с блюдением ума, хотя бы жил далеко негде от молитвенных домов. Ибо как взявшийся очистить золото, если хоть на короткое время оставит горнило без огня, делает, что очищаемая руда опять ожестевает; так и тот, кто иногда памятует о Боге, а иногда нет, что, кажется, приобретает молитвою, то теряет пресечением ее. Но мужу, любителю добродетели, свойственно всегдашнею памятию о Боге потреблять земляность сердца, чтоб таким образом при постепенном испарении худа под действием огня благого памятования душа с полною славою совершенно востекла к естественной своей светозарности» (гл. 97). Вот каким образом ум, беспрепятственно пребывая в сердце, молится чисто и без блуждения, по слову святого, который говорит: «тогда бывает чистая и неблуждательная молитва, когда ум блюдет сердце, во время молитвы». Пишет и св. Исихий: «тот подлинно истинный монах, кто держит трезвение, и тот есть истинный трезвенник, кто в сердце монах (у кого в сердце только и есть, что он да Бог)».

57) О вожделении Господа и расположении к Нему, кои рождаются от теплого внимания и молитвы

От таковой молитвы, теплой и со вниманием, т. е. от чистой молитвы, рождаются в сердце вожделение, божественное раположение и любовь ко всему памятуемому Господу Иисусу Христу, как написано: *отроковицы возлюбиша тя, привлекоша тя* (Песн. 1, 2). И еще: *уязвлена есмь любовию аз* (там же, 2, 5) И св. Максим говорит: «все добродетели содействуют уму в божественном расположении, более же всех чистая молитва: ибо чрез нее к Богу воспаряя, бывает он вне всего».

58) О слезах сердечных; и еще о божественном вожделении и расположении

Из такого сердца источается почасту и слеза, очищающая и утучняющая, а не истощающая и иссушающая обогатившегося сим. Ибо сие последнее бывает от страха божественного, а то первое – от божественного расположения, при сильном и неудержимом вожделении и возлюблении приснопамятуемого Господа Иисуса Христа. В восторг приведенная сим, душа вопиет: «усладил Ты мене вожделением, Христе, и изменил божественным Твоим расположением». И еще: «весь еси, Спасе, сладость, весь еси желание и вожделение, весь еси ненасытен, весь красота недомыслимая». – И с Павлом, проповедником Христовым, взывает: *любы Божия обдержит нас* (2 Кор. 5, 114). – *Кто ны разлучит от любве Божия? скорбь ли, или теснота, или гонение, или глад, или нагота, или беда, или меч? – Известихся, яко ни смерть, ни живот, ни Ангели, ни начала, ниже силы, ни настоящая, ни грядущая, ни высота, ни глубина, ни ина тварь кая возможет нас разлучити от любве Божия, яже о Христе Иисусе Господе нашем* (Рим. 8, 35, 38, 39).

59) Увещание – не искать ничего, что выше меры; и – еще – руководство относительно непрестанного сердцем памятования Господа нашего Иисуса Христа

Да сподобится желающий сего и того, что после сего бывает, – о чем теперь неблаговременно говорить, – пусть строго держится следующего правила: «не ищи прежде времени того, что будет в свое ему время: ибо и доброе не добро, если не добре делается». – И по св. Марку: «не полезно прежде делания первейших дел знать о вторых: ибо знание без делания надымает, а любовь созидает, потому что все терпит» (1 Кор. 5, 1). – Всемерно надо стараться и всегда подвизаться о том, чтоб, как сказано, памятование Господа Иисуса Христа непрестанно носить во глубине сердца, – во глубине, а не вне и не сверху, – как говорит и об этом тот же св. Марк: «если полною духовною надеждою не откроется внутреннейшее сокровенное вместилище сердца нашего, то нельзя верно

узнать живущего там и увидеть, приняты ли наши словесные жертвы или нет».

60) О теплой ревности, о божественном в нас явлении и о существенном просвещении благодати

Ибо таким образом ревнитель о совершенстве в духе удобно отклонится не от дел только лукавых, но и от помыслов страстных и от мечтаний неподобных, как написано: *духом ходите и похоти плотския не совершайте* (Гал. 5, 16). И не только это, но и от всякого вообще помысла и от всякого мечтания отступит он, как попаляющий и потребляющий горячею своею о добродетели ревностию всякое лукавое действо, прежде чувственно и мысленно в нем действовавшее с началовождями всего злого злорадными бесами, как говорит св. Исаак: «страшен бесам и вожделенен Богу и Ангелам Его, кто с пламенною ревностию искореняет возращаемое в нем от врага терние». (Сл. 8, стр. 56). – И в такое преуспеяние придет он, что от сего приимет извещение о любви к нему Божией, и действенного сподобится проявления и вселения существенного и божественного просвещения благодати, и в великом радовании востечет к прежнему, благодатию Св. Крещения священнодейственно сообщенному нам благородию и сыноположению духовному. И о сем далее говорит св. Исаак: «это Иерусалим и Царство Божие, внутри нас сокровенное, по слову Господню (Лк. 17, 21). Эта область облако есть Божией славы, в которую только чистые сердцем внидут узреть лицо своего Владыки» (там же). Только сам он да не ищет явления Бога в себе, чтоб не принять того, кто воистину тьма есть и лживо представляется светом.

61) О действах Божеском и вражеском

Почему, если ум его увидит свет, когда он не ищет его, то пусть не принимает его и не упраздняет, как говорит св. Марк: «есть действо благодати, неведомое младенчествующему о Христе, и есть другое действо злой силы, истине уподобляемое. Хорошо не всматриваться в таковое явление, из опасения прелести, и не проклинать его, из опасения оскорбить истину; но во всяком случае прибегать к Богу, Который Один ведает полезное в том и другом. Впрочем пусть спрашивает имеющего благодать и силу по Богу научить и рассудить».

62) Об учителе просвещенном и незаблудном

И если найдет могущего научить не потому только, что узнал то из Божественного Писания, но потому, что и сам блаженно испытал божественное просвещение, – благодарение Богу. Если же нет, то лучше ему не принимать того, но в смирении прибегать к Богу, от искреннего сердца недостойным себя почитая и называя такого удостоения и видения, как сему тайно научились мы благодатию Христовою от языков (уст)

нелживых, Духом Святым движимых и вещающих, равно как из богодухновенных Писаний, – а отчасти и из опыта.

63) О просвещении истинном и ложном, т. е. о свете Божеском и лукавом – вражеском

В некоторых из своих писаний славные отцы наши указывают признаки непрелестного и прелестного просвещения, как сделал и треблаженный Павел Латрский, когда вопросившему его о сем ученику своему сказал: «свет силы вражеской огневиден, дымоват и подобен чувственному огню; и когда душа, обуздавшая страсти и очистившаяся от них, увидит его, с неприятностию относится к нему и гнушается им: свет же Духа благого благ, радостотворен и чист, и приближаясь, освящает светом, радостию и тихостию исполняет душу и делает ее кроткою и человеколюбивою». То же говорят и другие.

64) О мечтании непотребном и благопотребном и как должно относиться к ним

Как немного прежде помянули мы о мечтании, и о мечтании непотребном, то очень полезно будет, как нам кажется, и еще, сколько сможем, поговорить и о нем, и о всяком вообще мечтании. Ибо очень много противится оно проклятое чистой сердечной молитве и единичному неблуждающему деланию ума. Почему божественные отцы часто очень говорят о нем и против него. Многообразное, как баснословный Дедал, и многоглавое, как Гидра, это мечтание есть как бы мост какой для бесов, как сказали отцы, чрез который проходят и переходят эти убийственные нечестивцы, общаются некако и смешиваются с душою и соделовают ее ульем трутней, – обиталищем бесплодных и страстных помышлений. – Таковое мечтание надобно отметать вконец, – если иной раз не хочешь, – ради покаяния и сокрушения, плача и смирения, особенно же ради посрамления нелепого мечтания, – привлечь и противовосставить мечтание благолепное, и смешав то с этим и чрез сие устроив брань против того, поразить его, как бесчестное и бесстудное, и восторжествовать над ним. Действуя так, ты не вред какой себе причинишь, а напротив большую получишь пользу от того, что с непогрешимым рассуждением устрояя дела свои, нелепое мечтание будешь упразднять благолепным, и насмерть поражать врагов их же оружием, как некогда божественный Давид Голиафа (1 Цар. 17, 49).

65) Не только непотребное, но и благопотребное мечтание неуместным признано святыми отцами в чистой молитве и в умном делании простом и единичном

Такое впрочем борение свойственно младенцам еще, или новоначальным. Преуспевшие же при долголетнем подвиге всякое вообще отметают мечтание и непотребное, и благопотребное, так что и следа его

не остается. Как воск тает от лица огня, так оно рассеивается у них и исчезает под действием чистой молитвы ради простого и безобразного приверженя ума к Богу, предания себя Ему и преискреннего с Ним соединения. – Св. Исихий говорит: «всякий помысл воспроизводит в уме образ какого-либо чувственного предмета: ибо ассирианин (враг), будучи сам умною силою, не иначе может прельщать, как пользуясь чем-либо привычным для нас, чувственным» (гл. 180). – И опять: «Поелику всякий помысл входит в сердце чрез воображение чего-либо чувственного (чувственное же мешает умственному); то божественный свет Божества тогда уже начинает осиявать ум, когда он упразднится от всего и сделается совершенно безвидным (никакого вида и образа не представляющим). Ибо светлость оная проявляется в чистом уже уме под условием оскудения его от всяких помышлений» (гл. 89). Тоже и Василий Великий: «как не в рукотворенных храмах живет Господь, так и не в воображениях каких и мысленных построениях (фантазии), – кои представляются (вниманию) и, как стеною, окружают испортившуюся душу, так что она силы не имеет чисто взирать на истину, но все еще держится зерцала и гаданий». –

И божественный Евагрий: «Бог там пребывающим признается, где познанным имеется; почему чистый ум и называется престолом Божиим. Помышление о Боге не обретется в помышлениях, печатлеющих ум образами, но в помышлениях не печатлеющих. Сего ради молящемуся надлежит всячески отдалять от себя помышления, печатлеющие в уме образы». – И св. Максим в пояснениях на великого Дионисия говорит: «иное есть мечтание и иное помышление, или мысль. Они производятся разными силами и свойствами движения разнятся: ибо мысль есть действие или произведение ума, а мечтание – плод страсти, напечатление образа, представляющего нечто чувственное, или как бы нечто чувственное. Почему никакое мечтание не должно иметь места в отношении к Богу; ибо Он паче ума все превосходит». – И Василий Великий: «ум, нерассеивающийся по внешним предметам и чувствами не носимый по миру, возвращается к себе самому, от себя же восходит к помышлению о Боге, и оною красотою облиставаем будучи, забвение приемлет о самой природе». – Сие ведая и ты, каждый час, с Божиею помощью, понуждай себя безмечтанно, без воображений и образов, молиться чисто всем умом, всею душою и всем сердцем. – О сем говорит и св. Максим:

66) Об уме, душе и сердце – чистых и совершенных

Об уме чистом: «Чистый ум тот есть, который, избыв от неведения, осиявается божественным светом».

О душе чистой: «Душа чиста та, которая, освободясь от страстей, божественною любовию непрестанно обвеселяема бывает».

О сердце чистом: «Сердце чисто то, которое, всегда представляя Богу память безвидною и безобразною, готово бывает едиными от Него впечатлениями печатлетися, в каких Он обычно благоволит явным Себя ей делать».

Об уме совершенном: «Ум совершенен тот, который, верою познав Сущего выше всякого ведения и все создания Его обозрев, от Бога приял ведение всеобъемлющее (в общих чертах) о Промысле и Суде Его, в них проявляемом, – разумеется, сколько вместимо для человека».

О душе совершенной: «Душа совершенна та, которой вожделетельная сила всецело устремлена к Богу».

О сердце совершенном: «Совершенным называется сердце, – не имеющее никакого естественного движения к чему-либо и каким-либо образом, на котором (сердце) как на дщице, добре выглаженной, ради его простоты, Бог приступая написует Свои законы».

Приложим к сему и следующее:

О чистом уме: – по святому Диадоху, – «очистить ум есть дело Единого Духа Святого»; еще по Лествичнику, – «ум удержать от парения, тоже есть дело Единого Святого Духа»; – еще св. Нил говорит: «кто восхотел бы увидеть состояние ума своего, тот пусть упразднит себя от всех помышлений, и тогда увидит его подобным сапфиру, или небесному цвету». И еще он же: «состояние ума есть мысленная высота, цвету небесному подобная, на котором во время молитвы и свет Святой Троицы появляется». – И св. Исаак: «когда ум совлечется ветхого человека и облечется в нового благодатного человека, тогда узрит чистоту свою, подобную небесному цвету, который старейшины сынов Израилевых наименовали местом Божиим (Исх. 24, 10), когда Бог явился им на горе» (Сл. 16, стр. 99).

Делая так, как сказано пред сим, т. е. чисто, немечтанно и безобразно моляся, ты будешь шествовать по следам святых. Если же не так; то будешь мечтатель вместо безмолвника, и вместо гроздия оберешь терние, что да не будет с тобою!

67) Как пророки видели образные видения

Если кто предполагает, что пророческие видения, образы и откровения были делом фантазии и происходили естественным порядком, да ведает таковой, что носится далеко от правой цели и истины. Ибо пророки и в нынешнее время бывающие у нас священнотаинники не по естественному какому-либо порядку и чину видели и воображали, что видели и воображали, но божественно некако и паче естества было то в уме их печатлеемо и представляемо неизреченною силою и благодатию Святого Духа, как говорит Василий Великий: «неизреченною некоею силою пророки принимали воображения в уме, имея его неразвлеченным и чистым, и Слово Божие слышали как бы возглашающимся в них».

И еще: «Пророки видели видения действием Духа, Который печатлел образы во владычественном их уме». И Григорий Богослов: «Сей (т. е. Дух Святый) действовал первее в Ангельских и Небесных силах, потом в отцах и пророках, из коих одни Бога видели, или познавали, другие будущее предузнавали, когда владычественный их ум от Духа принимал такие образы, по коим они соприсутствовали будущему, как настоящему».

71) О чистой молитве[27]

Св. Нил говорит: «Подвизайся ум свой во время молитвы соделовать глухим и немым; и будешь тогда иметь возможность молиться, как должно» (о молитве, гл. 11). И еще: «блажен ум, который во время молитвы хранит совершенное безобразие, или безмечтание» (там же, гл. 117). И св. Филофей: «редко очень можно найти безмолвствующих умом. Это есть принадлежность только тех, которые все средства употребляют к тому, чтобы привлечь к себе божественную благодать и исполниться истекающим от нее духовным утешением». И Василий Великий: «молитва добрая та есть, которая действенно внедряет в душу помышление о Боге. Вселение Божие есть иметь в себе водруженным Бога памятованием, когда сие памятование не пресекается земными попечениями и ум не возмущается нечаянными движениями страстей. Боголюбивый, от всего отбегая, к Богу отходит».

72) Иное есть бесстрастие ума, а другое молитва истинная, – что и выше

Ведать подобает, что хотя, по св. Максиму, – «не может ум одною деятельностию благою сделаться бесстрастным, если в то же время не будет воспринимать многих и разных созерцаний»; но, по божественному Нилу, можно, и бесстрастным будучи, не молиться истинно, но быть развлекаему разными помышлениями и далеко отстоять от Бога; ибо сей св. отец говорит о сем так: «не всякий улучивший бесстрастие, уже и молится истинно; ибо таковой может еще занят быть простыми помышлениями (о вещах, без страстных при том движений) и развлекаться историями их (м. б. картинами их и разными их сочетаниями), – и далеко отстоять от Бога» (гл. 56). И еще: «но и когда ум не коснит в простых помышлениях о вещах, не значит еще, что он достиг уже и места молитвы: ибо он может быть занят (философским) умозрением о сих вещах и углубляться в причинные их отношения. Хотя все сие суть отвлеченности, но как они суть умозрения о вещах, то печатлеют в уме образы их, – и далеко отводят его от Бога (ум философствует, но не молится: состоя-

---

[27] Здесь Феофан пишет: «Главы 68–70 опускаются по крайней темноте их». Я не рискнул перевести тоже.

ние ученых)» – (гл. 57). Говорит и Лествичник: «которых ум научился истинно молиться, то воистину лицом к лицу беседуют к Господу, как те, кои говорят на ухо царю (т. е. ближайшие доверенные)».

Из таковых изречений можешь ты уразуметь точно обоих видов жизни и деятельности различие и несравнимое сравнение, – т. е. той, которая ведется под влиянием свыше, и той, которая своими силами устрояется. Дело одной из них – поучения и многие и разнообразные умозрения; делание же другой – истинная молитва. К сему помни и следующее, что иное дело бесстрастие ума, и другое – истинная молитва; и еще, – что имеющий истинную молитву, как указывают отцы, по всякой необходимости и ум бесстрастный имеет, но об имеющем ум бесстрастный нельзя еще сказать, что он имеет и молитву истинную.

73) Еще о мечтаниях и воображениях ума, – и о признаках прелести и истины

Какие признаки прелести

Безмолвствуя и желая один быть с Единым Богом, никогда не принимай, если увидишь что-либо чувственное или мысленное, внутрь тебя или вне, – лик Христа, или Ангела, или образ святого, или световое воображение, мечтаемое умом; но не верь сему с негодованием, хотя бы то и доброе что было, прежде чем вопросишь кого из опытных: что есть дело самое полезное и Богу любезное, и благоприятное. Храни же ум свой всегда бесцветным, безобразным, безвидным, бесформенным, бескачественным, бесколичественным, внимающим одним словам молитвы, в них поучающимся и об них размышляющим в сердечном внутрь движении, последуя Лествичнику, который говорит: «Начало молитвы состоит в том, чтоб отгонять приходящие помыслы при самом их появлении; средина ее в том, чтобы ум заключался в словах, которые говорим или помышляем; а совершенство молитвы есть восхищение ко Господу» (Сл. 28, 19). Св. Нил так о сем говорит: «высшая совершенных молитва есть восхищение некое ума и полное его исступление от всего чувственного, при *ходатайстве Духа воздыханиями низглаголанными* (Рим. 8, 26) пред Богом, видящем расположение сердца, открытое как написанная книга и молчаливыми знаками изъявляющее свое хотение. – Так *до третьяго неба восхищен* был Павел, *не ведая, в теле ли он был, или кроме тела* (2 Кор. 12, 2). Так *Петр возшедши на горницу помолитися, видел видение плащаницы* (Деян. 10, 9). Вторая же после сей первой (высшей) молитвы есть та, в которой слова молитвы произносят с припоследованием им ума сокрушенного и сознающего, Кому приносит он моление. Молитва же, пресекаемая заботами телесными и смешивающаяся с ними, далеко от устроения, подобающего молящемуся» (Рус. доброт. т. 2, стр. 245, гл. 168–170). – В сем убо пребывая, другого ничего

не принимай до времени умирения страстей, с вопрошением, как сказано, опытных.

Таковы признаки прелести. Теперь посмотри:

Какие признаки истины

Признаки же истины и благого животворящего Духа суть *любы, радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, вера, кротость, воздержание* (Гал. 5, 22), как говорит божественный Апостол, называя сии добродетели плодами Божественного Духа. Он же опять говорит: *яко чада света ходите: плод бо духовный есть во всякой благостыни, и правде, и истине* (Еф. 5, 9), коим все противное составляет принадлежность прелести. – Говорит о сем и некто из богомудрых, вопрошен будучи от другого, так: «относительно незаблудной стези ко спасению, о коей спросил ты, возлюбленне, ведай, что много путей, ведущих в живот, и много ведущих ко смерти. Один путь, ведущий в живот, есть исполнение заповедей Христовых. В заповедях сих найдешь ты всякой вид добродетели, особенно же три сии: смирение, любовь и милосердие, без коих никто не узрит Господа. – Сии три суть непобедимые оружия против диавола, кои даровала нам Святая Троица, – смирение, говорю, любовь и милосердие, на кои даже воззреть не может все демонов полчище. Ибо в них и следа нет смирения; и для них, за то, что они омрачились превозношением, уготован огнь вечный. Где у них любовь или хоть тень милосердия, когда они к роду человеческому непримиримую держат вражду и денноночно не перестают ратовать против него? Облечемся убо в сии оружия, ибо носящий их вокруг себя неуловим для врагов. – Сию треплетную вервь, которую сшила и соплела нам Святая Троица, видим, что она и три есть, и едино: три – именами, если же хочешь, то и лицами, а едино – силою и действом, и к Богу приближением, устремлением и себя присвоением. О них сказал Господь: *иго Мое благо, и бремя Мое легко есть* (Мф. 11, 30). И возлюбленный ученик Его: *заповеди Его тяжки не суть* (1 Ин. 5, 3). – Сего ради душа, с Богом сраствoрившаяся чистотою жития, хранением заповедей и сими тремя оружиями, кои суть Сам Бог, в Самого Бога облекается и бывает некоторым образом богом, чрез смирение, милосердие и любовь, и миновав вещественную двоицу и восшедши выше главы закона, т. е. любви, сочетавается с Пресущественною и Живоначальною Троицею, непосредственно беседуя с Нею, светом свет приемля и радуясь радостию непрестающею и вечною». – Но довольно и об этом. – Указав таким образом отчасти признаки и плоды прелести и истины, скажем теперь малое нечто изречениями, как и подобает, отеческими и об утешении, от обоих их бывающем – т. е. об утешении божественном и истинно благодатном, и об утешении поддельном, вражеском. – Божественный Диадох говорит о сем так:

74) Об утешении Божественном и поддельном

«Когда ум начнет ощущать благодатное утешение Святого Духа, тогда и сатана свое влагает в душу утешение в кажущемся сладким чувстве, во время ночных успокоений, в момент тончайшего некоего сна (или засыпания). Если в это время ум окажется держащим в теплейшей памяти святое имя Господа Иисуса и как верным оружием против прелести воспользуется сим пресвятым и преславным именем; то лукавый обольститель оный тотчас удаляется, но зато возгорается наконец бранию против души своим лицом а не помыслами. Так ум, точно распознавая обманчивые прелести лукавого, более и более преуспевает в различении духовных вещей» (гл. 31).

И опять: «Благое утешение бывает или в бодрственном состоянии тела, или при погружении его в сон, когда кто в теплом памятовании о Боге как бы прилеплен бывает к Нему любовию; а утешение поддельное, прельстительное, как я сказал, бывает всегда в то время, как подвижник приходит в тонкое некое дремание, или забытье, при памятовании о Боге посредственном. То, происходя от Бога, явно влечет души подвижников благочестия к любви Божией в сильном излиянии душевных чувств; а это обыкновенно обвевает душу некиим ветром обманчивой прелести и во время сна телесного покушается похитить чувство вкушением чего-то приятного, несмотря на то что ум в известной мере здравствует в отношении к памятованию о Боге. Итак, если, как я сказал, ум окажется в такое время трезвенно памятующим о Господе Иисусе, то тотчас рассеивает это, обманчиво кажущееся приятным, дыхание врага и с радостию выступает на борьбу с ним, имея готовое против него оружие, по благодати, в прехвальной опытности своей духовной» (гл. 32).

И еще: «Если душа неколеблющимся и немечтательным движением воспламенится к любви Божией, влеча некако в глубину сей любви неизреченной и самое тело, – в бодрствовании ли то, или, как я сказал, при погружении в сон воздействуемого святою благодатию подвижника, между тем как душа совершенно ни о чем другом не помышляет, кроме того одного, к чему возбуждена; то ведать надлежит, что это есть действо Святого Духа. Будучи вся преисполнена приятными чувствами от неизреченной оной божественной сладости, она и не может в ту пору помышлять ни о чем другом, а только чувствует себя обрадованною неистощимою некоею радостию. Если же при таком возбуждении ум воспримет колебание некое сомнительное или нечистое какое помышление, и если при сем Святым Господним именем будет пользоваться для отвращения зла, а не паче по одной любви к Богу; то ведать надлежит, что утешение то от прельстителя и есть только призрак радости. Радость такая совне навевается и является не как качество и постоянное расположение души; видимо, что тут враг хочет опрелюбодействовать душу. Видя, что ум начинает проявлять верную опытность своего чувства, он и

своими утешениями, кажущимися благими, подступает утешать душу в ожидании, что она, будучи развлкаема этою блажною мокротною сластию, не распознает своего смешения с обольстителем. По сим признакам можем мы распознавать *духа истины и духа лестча* (1 Ин. 4, 6). Никому впрочем невозможно ни божественной благости чувством вкусить, ни горечи бесовской ощутительно испытать, если кто не удостоверится в себе, что благодать во глубине ума его сотворила себе обитель, а злые духи гнездятся негде окрест членов сердца. Бесы же отнюдь не хотят, чтобы люди как-нибудь удостоверялись в том, дабы ум, верно зная это, не вооружался против них непрестанною памятию о Боге» (33).

Имеешь теперь и об этом достаточно сведений, – и довольствуйся тем, по совету Премудрого: *мед обрет яждь умеренно, да не како пресыщен изблюеши* (Притч. 25, 16).

75) О сладости божественной, из сердца источающейся

Ближе же к существу дела можно сказать: кто объяснит сладость меда не вкушавшим его? Несравненно же более (невозможно не вкусившим объяснить) сладость божественную и радование преестественное и животочное, из сердечной чистой и истинной молитвы источающееся и текущее приснотечно, о коих говорит Богочеловек Иисус: *иже пиет от воды, юже Аз дам ему, не вжаждет во веки: но вода, юже Аз дам ему, будет в нем источник воды, текущия в живот вечный* (Ин. 4, 14). И опять: *аще кто жаждет, да приидет ко Мне и пиет: веруяй в Мя, якоже рече Писание, реки от чрева его истекут воды живы. Сие же рече о Дусе, егоже хотяху приимати верующии во имя Его* (Ин. 7, 37–39), – говорит наперсник. – И великий Павел подтверждает: *посла Бог Духа Сына Своего в сердца ваша, вопиюща: Авва Отче* (Гал. 4, 6).

76) О том, что духовная сия сладость много знамений имеет, и не имеет наименования

Сия духовная сладость, преестественная и животочная, есть вместе существенное сияние и свет, и красота недоуменная, крайнейшее из желаний желание, Боговедение и обожение таинственное, невыразимым пребывающее и после какого-нибудь выражения его, недоведомым и после некоего уразумения его. Так говорит и св. Дионисий: «в сей, сущий над светом, мрак молимся мы приити, и чрез неувидание увидеть и уведать Сущего выше видения и ведания, (увидеть т. е., и уведать) самую сию неувидаемость и неуведаемость Его: ибо сие-то и есть увидеть и уведать Пресущественного и пресущественно воспеть Его, чрез отрицание в Нем всего тварного». – И еще: «Божественный мрак есть свет неприступный, в коем Бог живущим исповедуется, яко невидимый по причине безмерной явности и неприступный по причине пресущественного

светолития. В сем мраке бывает всякий, сподобляемый уведать и увидеть Бога, чрез то самое, что не видит и не ведает истинно, когда бывает в Том, Кто выше видения и ведания, сие самое познавая, что Он есть за пределами всего, чувствами и умом познаваемого (или всего чувственного и мысленного)». – И Василий Великий: «неизреченны всецело и неописанны молниеносные блистания божественной красоты; ни слово не может выразить сего, ни слух вместить. Наименуем ли блеск денницы, или светлость луны, или сияние солнца, – все это недостойно к уподоблению славы и в сравнении с истинным светом далее отстоит от Него, нежели глубокая ночь или ужаснейшая тьма от полуденной ясности. Если красота сия, не зримая телесными очами, а постижимая только душою и мыслию, озаряла кого-либо из святых и оставляла в них невыносимое уязвление желанием; то, возмущенные здешнею жизнию, говорили они: *увы мне, яко пришельствие мое продолжися!* (Пс. 119, 5). *Когда прииду и явлюся лицу Божию?* (Пс. 41, 3); еще: *разрешитися и со Христом быти, много паче лучше* (Флп. 1, 23); и опять: *возжада душа моя к Богу крепкому и живому* (Пс. 41, 3); также: *ныне отпущаеши раба Твоего, Владыко* (Лк. 2, 29). Тяготясь сею жизнию, как узилищем, сколько были неудержимы в стремлениях к Богу те, у которых коснулось души божественное желание. По причине ненасытимого желания созерцать божественную красоту, они молились о том, чтобы зрение красоты Божией простиралось на всю Вечную жизнь» (Т. 5, стр. 100, 101).

И Богослов: «где страх, там заповедей соблюдение; а где заповедей соблюдение, там плоти очищение и избавление от осеняющего душу облака, не дающего ей видеть божественного луча; где же очищение такое, там воссияние света; где это световоссияние, там полное удовлетворение желания, высшего всех желаний». – И св. Григорий Нисский: «Когда тщанием о доброй жизни отмоешь нечистоту, налипшую на твое сердце, тогда снова воссияет в тебе боговидная красота, как обыкновенно бывает с железом. Ибо когда оно на точильном камне обнажится от ржавчины, тогда, быв пред сим черным, начинает издавать сияние некое и блеск, отражая солнечные лучи. Так и внутренний наш человек, которого Господь называет сердцем, после того как очистит ржавчинную нечистоту, образовавшуюся на его зраке от лукавой мокротности, опять восприемлет свое первообразное подобие и делается благим». – И св. Нил: «блажен постигший неразлучную с молитвою непостижимость (Божию)». И св. Лествичник: «бездна плача порождает утешение; чистота же сердца приемлет просвещение. Просвещение сие есть неизреченное действо Духа, дающее видеть не видя, и ведать не ведая» (Сл. 7, 55).

Сего ради и треблаженны, подобно древней Марии, избравшие благую сию часть, – сие жительство духовное – и за то сподобляемые богоподобного некоего жребия, столь благого, что им в великом и в исступ-

ление приводящем радовании можно с божественным Павлом явно восторгаться и вопиять: *егда благодать и человеколюбие явися Спаса нашего Бога, не от дел праведных, ихже сотворихом мы, но по Своей Его милости, спасе нас банею пакибытия и обновления Духа Святаго, Егоже излия на нас обильно, Иисусом Христом Спасителем нашим, да оправдившеся благодатию Его, наследницы будем по упованию жизни вечныя* (Тит. 3, 4–7). И еще: *извествуяй же нас с вами, и помазавый нас, Бог: Иже и запечатле нас, и даде обручение Духа в сердца наша* (2 Кор. 1, 21, 22). Также: *имамы же сие сокровище в скудельных сосудех, да премножество силы будет Божия, а не от нас* (2 Кор. 4, 7). Так возвещают Богопросвещенные мужи. – Буди же и нам их богоуветливыми к Господу молитвами пожить хоть отчасти подобно им, по милости и благодати Божией.

77) Желающие надлежащим образом безмолвствовать по всей необходимости должны кроткое иметь сердце

Тебе же, чадо, теперь благовременно прежде всего другого, или и вместе со всем другим, знать, что как желающий добре научиться стрелять не без определенной меты натягивает лук, так и хотящий научиться безмолвствовать пусть такою метою имеет – всегда быть кротку сердцем. Так св. Исидор говорит: «Недовольно для добродетели подвизаться, но надлежит в подвизании соблюдать и должную мерность (или соразмерять и согласовать одни подвиги или делания с другими). Ибо если, например, проходя подвиг кротости, мы пресекаем его какими-либо возмутительными движениями, то это будет значить ни что другое, как – что мы спасение улучить желаем, делать же, что к сему благопотребно, не хотим». – Но еще прежде сего святого божественнейший Давид изрек: *наставит кроткия на суд, научит кроткия путем своим* (Пс. 24, 9). И Сирах: *кротким открываются тайны* (Сир. 3, 19). И сладчайший Иисус: *научитеся от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем, и обрящете покой душам вашим* (Мф. 11, 29). Еще: *на кого воззрю, токмо на кроткаго и молчаливаго и трепещущаго словес Моих* (Ис. 66, 2). Также: *блажени кротции, яко тии наследят землю* (Мф. 5, 5), – или сердце, приносящее благодатию Божиею плод – сам тридцать, сам шестьдесят, сам сот, соответственно чину новоначальных, средних и совершенных, – никогда ничем не смущая и не смущаясь, если где не о благочестии идет дело.

78) Как преуспеть в кротости; и о трех силах души – раздражительной, желательной и разумной

В безгневии и кротости легко преуспеешь, если будешь все отклонять от себя и душу подвигать к любви, больше молчать, умеренно насыщаться пищею и всегда молиться, как сказали отцы: «раздражительную часть души обуздай любовию, желательную воздержанием увядь,

разумную молитвою окрыли: и свет ума никогда не помрачится в тебе». Еще: «гневу узда – благовременное молчание; пожеланиям неразумным – умеренная еда; неудержимости помыслов – единомысленная молитва». И еще: «есть три добродетели, кои завсегда свет доставляют уму: ни в ком не видеть злонамеренности; претерпевать все находящее без смущения и благотворить злотворящим. Эти три добродетели рождают другие три, большие их: невидение злонамеренности рождает любовь; несмущенное перенесение находящего порождает кротость; благотворение злотворящим стяжевает мир». – И опять: «Три есть главнейших нравственных состояний у монахов: первое – ни в чем не погрешать делом; второе – не давать замедлять в душе страстным помыслам; третье – бесстрастно смотреть в уме на лица жен и обидевших».

79) Надобно скорее каяться в случае падений каких-либо и тем мудро укреплять себя против будущих искушений

Если случится тебе когда-либо возмутиться или иной раз допустить какое-либо поползновение и погрешить против чего подобающего; то тотчас надобно поправить это дело, и другой ли кто тебя опечалил, или ты другого кого, поскорее умиротвориться; а для сего от души каяться, плакать и слезы лить, себя самого осуждая во всем; и таким образом укрепив себя на будущее время, внимать себе потом разумно. – Так учит Господь Иисус, говоря: *аще принесеши дар твой ко олтарю, и ту помянеши, яко брат твой имать нечто на тя: остави ту дар твой пред олтарем, и шед прежде смирися с братом твоим, и тогда пришед принеси дар твой* (Мф. 5, 23, 24). – И Апостол: *всякая горесть, и гнев, и ярость, и клич, и хула, да возмется от вас, со всякою злобою. Бывайте же друг ко другу блази, милосерди, прощающе друг другу, якоже и Бог во Христе простил есть вам* (Еф. 4, 31, 32). – Еще: *гневайтеся и не согрешайте: солнце да не зайдет во гневе вашем* (Еф. 4, 26). И еще: – *не отмщайте за себя, но дадите место гневу,* также: *не побежден бывай от зла, но побеждай благим злое* (Рим. 12, 19, 21). – Так говорится о примирении друг с другом.

80) О поскользновении и покаянии

О поскользновении св. Исаак говорит: «не тогда будем печалиться, когда поскользнемся в чем-либо, но когда закосневаем в том же; потому что поскользновение бывает часто и с совершенными, а закосневать в том же есть совершенное умертвие. Печаль же, какую чувствуем о своих поскользновениях, вместо чистого делания вменяется нам по благодати. Кто, в надежде на покаяние, поскользнется вторично, тот лукаво поступает с Богом. Неведомо нападает на такого смерть и не оставляет ему времени, чтоб, как надеялся он, покаяться и исполнить дела добродетели» (Сл. 90, стр. 611). – Еще: «ежечасно надлежит нам знать, что в сии двадцать четыре часа дня и ночи мы имеем нужду в покаянии. Значение же слова – *покаяние,* как дознали мы из действительного свойства ве-

щей, таково: оно есть с исполненною сокрушения молитвою приближающееся к Богу неослабное прошение об оставлении прошедшего и болезнование о хранении будущего» (Сл. 47, стр. 292). – И еще: «Благодать на благодать людям по крещении дано покаяние; ибо покаяние есть второе рождение от Бога. И то дарование, которого залог прияли мы от веры, приемлем покаянием. Покаяние есть дверь милости, отверстая усильно ищущим ее; сею дверию входим к божественной милости, и кроме сего входа не обретем милости; *вси бо,* по слову Божественного Писания, *согрешиша, оправдаеми туне благодатию Его* (Рим. 3, 23, 24). Покаяние есть вторая благодать и рождается в сердце от веры и страха; страх же есть отеческий жезл, управляющий нами, пока достигнем в духовный рай; а когда достигнем, тогда оставит он нас и возвратится. – Рай есть любовь Божия, в которой наслаждение всеми блаженствами» (Сл. 83, стр. 568). – Опять: «Как невозможно переплыть большое море без корабля и ладии; так никто не может без страха достигнуть любви. Смрадное море между нами и мысленным раем можем перейти только на ладье покаяния, на которой есть гребцы страха. Если же сии гребцы страха не правят кораблем покаяния, на котором по морю мира сего переходим к Богу, то утопаем в сем смрадном море» (Сл. 83, стр. 570).

81) О покаянии, страхе, любви, плаче, слезах и самоукорении

(Продолжаются слова св. Исаака). «Покаяние есть корабль, а страх – его кормчий, любовь же – божественная пристань. Страх посаждает нас на корабль покаяния, перевозит чрез смрадное море житейское и вводит в божественную пристань, которая есть любовь. К сей пристани приходят все, труждающиеся и обремененные покаянием. И когда достигнем любви, тогда достигли мы Бога, и путь наш кончен, и пришли мы к острову тамошнего мира, где Отец, Сын и Дух Святый» (Сл. 83, стр. 571).

О печали же по Боге так говорит Спаситель: *блажени плачущии, яко тии утешатся* (Мф. 5, 4). Еще о слезах пишет тот же преподобный Исаак: «слезы во время молитвы – признак Божией милости, которой сподобилась душа в своем покаянии, – признак того, что молитва принята и слезами начала входить в поле чистоты. Ибо если не будут отъяты в людях помыслы о преходящем, и не отринут они от себя мирской надежды, и не возбудится в них пренебрежение к миру, и не начнут они уготовлять доброго напутствия к исходу своему, не начнут в душе восставлять помыслы о том, что будет там: то глаза не могут проливать слез; потому что слезы суть следствие чистого и непарительного богомыслия, многих частых и неуклонно пребывающих помыслов, памятования о чем-то тонком, совершающемся в уме, и памятованием сим приводящем сердце в печаль, от чего слезы умножаются и наиболее увеличиваются» (Сл. 30, стр. 202). И св. Лествичник: «как огонь пожигает тростие, так чистые слезы – всякую видимую и мысленную скверну» (Сл. 7, 31). Еще: «Постараемся приобрести чистые и нелестные слезы, которые ро-

ждаются от размышления об отшествии нашем в вечность: ибо в таковых нет ни окрадения, ни возношения; но паче очищение, преуспеяние в любви к Богу, смытие греха и бесстрастие» (там же, 33). И еще: «не верь своим источникам слез прежде совершенного очищения от страстей, ибо то вино еще не надежно, которое только что вышло из точила» (35). И еще: «Слезы, которые происходят от страха, сохраняют сами себя сим же страхом; но те, которые рождаются от любви, в некоторых людях легко бывают окрадаемы, разве только великий оный и приснопамятный огнь возжжет сердце во время действия. И поистине удивительно, как меньше[28] бывает в свое время тверже большего» (гл. 66).

О самоукорении говорит Антоний Великий: «великий подвиг для человека – раскаяние во грехах своих пред Богом и ожидание искушений до последнего издыхания» (Дост. сказ. пункт 4). – И другой отец святой, будучи вопрошен: что особенно нашел ты, отче, на пути сем? сказал в ответ: «то, чтоб себя самого во всем укорять»; что и вопросивший похвалил, сказав: «другого пути нет кроме сего». – И авва Пимен сказал со стенанием[29]: «все добродетели вошли в мир сей. Возьми одну добродетель, – и без нее с трудом устоит человек. Спросили его: какая это добродетель? – И он сказал: та, чтоб человек всегда укорял себя самого». – Он же сказал еще: «Кто укоряет себя, тот, что б ни случилось с ним, потеря ли какая, или бесчестие, или скорбь, никогда не смутится, потому что наперед считает себя всего того достойным»[30].

82) О внимании, и о том, что с мудрою осторожностию должно твердо держаться на своем пути

Равным образом о *внимании* и осмотрительной твердости пишет божественный Павел: *блюдите, како опасно ходите: не якоже не мудри, но якоже премудри, искупующе время, яко дние лукави суть* (Еф. 5, 15, 16). – И св. Исаак: «о как, дивна ты, премудрость, как издалека все предусматриваешь? Блажен, кто обрел тебя: ибо таковой освободился от юношеской небрежности. Кто за малую цену, или плату, покупает себе врачевство великих страстей, тот добре творит. То и любомудрие, чтоб в малых и малейших делах всегда быть бодренно внимательну. Такой сокровиществует себе великий покой; и не спит, чтоб не случилось с ним что противное, но заблаговременно пресекает причины к тому, и в малейших вещах переносит малую печаль, предотвращая тем великую». –

---

[28] Т. е. слезы от страха – слез от любви.

[29] В Достоп. сказ. есть подобное сему сказание: «Авва Пимен говорил со вздохом: все добродетели вошли в дом сей, кроме одной, без которой едва ли устоит человек. – Какая же это добродетель? – спросили его. – Самоосуждение, – отвечал старец» (134 изр.).

[30] В Дост. сказ. похоже на это 95 изречение: «Если человек во всем будет винить самого себя, то везде устоит».

И далее: почему Премудрый и говорит: «трезвенствуй и бодрствуй над жизнию своею; ибо сон ума – родня истинной смерти и есть образ ее». А богоносный Василий говорит: «кто в малом своем небрежен, не верь, чтоб тот был рачителен и в большом» (Сл. 75, стр. 543–544).

83) О том, что безмолвствующему надо быть рачительну о всем сказанном, паче же всего, быть тиху и кротку, и всячески стараться чисто призывать Господа Иисуса Христа внутрь сердца

По сей же причине и о всем сказанном имей усердное попечение, наипаче же о том, чтоб быть тиху и кротку и с чистою совестию в глубине сердца призывать Господа Иисуса Христа, как мы сказали. Ибо таким образом, простираясь путем в предняя, будешь иметь божественную благодать упокоеваемой душою твоею. Св. Лествичник говорит: «никто из тех, кои подвержены раздражительности и возношению, лицемерию и памятозлобию, да не дерзнет когда-либо увидеть и след безмолвия, чтобы ему не впасть в исступление ума. Если же кто чист от сих страстей, тот наконец познает сам, что полезно. Думаю, впрочем, что и он сам не познает того» (Сл. 27, 36). – И не только благодать будешь ты иметь упокоеваемою душою твоею, но и душу свою успокоевшеюся от всего, что прежде смущало и тяготило ее, – от бесов и от страстей. Ибо хотя они опять будут докучать, но без последствий; потому что душа уже не переходит на их сторону и не вожделевает сласти, которая от них.

84) О добром и восторженном боголюблении, и о Божественной красоте

Все вожделение такового, вся его сердечная и восторженная любовь и всецелое расположение устремлено к преестественной красоте Божеской, блаженнейшей, которая названа отцами верховнейшим из желаемых предметов.

Так Василий Великий говорит: «когда благочестивая любовь (т. е. любовь к Богу) обымет душу, тогда всякий вид брани (или сманивание к другому чему) для нее посмеяния достоин, и все муки за вожделенного Господа более услаждают его, чем уязвляют». И еще: «Что предивнее Божественной красоты? Какое помышление радостнейше паче мысли о Божеском благолепии? Какое вожделение души так сильно и неутолимо, как то, которое от Бога внедряется в очищенную от всякого зла душу, которая тогда искренно из глубины своей взывает: *уязвлена есмь любовию аз* (Песн. 2, 5).

85) О брани, обучительном попущении, и об оставлении по отвращению

Подвергается впрочем брани и таковой по обучительному попущению, а не по причине оставления по отвращению. – Для чего же? – Для

того, чтоб не превознесся ум его по причине обретенного им блага; но будучи борим и чрез то обучаем, всегда держал смирение, коим одним всегда может он не только побеждать в гордости нападающих на него, но и больших даров сподобляться, преуспевая, сколько то доступно человеческому естеству, и при всем том, что неизбежными узами и тяготою плоти связан и держим есть, простираться в предняя к совершенству о Христе и бесстрастию. О сем так говорит св. Диадох: «Сам Господь говорит, что *сатана спал с неба* (Лк. 10, 18), чтоб не видел безобразный сей обиталищ святых Ангелов: как же он, не удостоиваемый общения с добрыми служителями Божиими, может иметь общим с Богом обиталищем ум человеческий? Если и скажут, что это бывает по попущению; то этим не представят ничего доказательного. Ибо попущение обучительное никак не лишает душу божественного света, бывает же при сем только то, что благодать, как я уже говорил, скрывает от ума свое присутствие, чтоб горечию бесовскою подвигнуть душу со всем страхом и с великим смирением взыскать помощи от Бога, испытывая в себе злое действие ума. Так мать дитя свое, бесчинствующее по причине нехотения подчиниться уставам млекопитания, на короткое время спускает из объятий своих, чтоб оно, убоявшись окружающих его безобразных чужих людей или зверей каких-либо, в страхе великом и в слезах в материние опять потянулось возвратиться объятия. По отвращению же Божию бывающее попущение душу, не хотящую иметь Бога в себе, предает бесам как бы связанною. Но мы – неподметные чада, но, как веруем, истинные есмы детища Божией благодати, редкими попущениями и частыми утешениями ею млекопитаемые, да, под действием таковой ее к нам благостыни, доспеем *прийти в мужа совершенна, в меру возраста исполнения Христова* (Еф. 4, 13)» (гл. 86). – И вслед за сим продолжает: «Попущение обучительное сначала поражает душу великою скорбию, чувством унижения и некоторою мерою безнадежия, чтоб подавить в ней тщеславие и желание изумлять собою и привести ее в подобающее смирение. Но тотчас потом наводит оно в сердце умиленный страх Божий и слезную исповедь, и великое желание добрейшего молчания. А оставление, по отвращению Божию бывающее, оставляет душу самой себе, и она исполняется отчаянием и неверием, надменением и гневом. Надлежит убо нам, зная то и другое – попущение и оставление, во время их приступать к Богу, сообразно с свойствами каждого из них: там благодарение и обеты должны мы приносить Богу, яко милостиво наказующему необузданность нашего нрава лишением утешения, чтоб отечески научить нас здраво различать доброе от худого; а здесь непрестанное исповедание грехов, непрерывные слезы и большое уединение, да хотя таким приложением трудов возможем умолить и преклонить Бога призреть, как прежде, на сердца наши. Ведать впрочем надлежит, что когда при обучительном попущении бывает у души с сатаною борьба в

схватке лицом к лицу, тогда благодать, хотя скрывает себя, но неведомым помоганием содействует душе, чтоб показать врагам ее, что победа над ними есть дело одной души» (гл. 87). И св. Исаак: «Умудриться человеку в духовных бранях, познать своего Промыслителя, ощутить Бога своего и сокровенно утвердиться в вере в Него невозможно иначе, как только по силе воздержанного им испытания. Благодать, как только усмотрит, что в помысле человека начало появляться несколько сомнения и стал он высоко о себе думать, тотчас попускает, чтоб усилились и укрепились против него искушения, пока не познает свою немощь, не побежит и не емлется во смирении за Бога. Сим приходит человек в меру мужа, совершенного верою и упованием на Сына Божия, и возвышается до любви. Ибо чудная любовь Божия к человеку познается, когда бывает он в обстоятельствах, разрушающих надежду его. Здесь Бог силу Свою показует во спасении его. Ибо никогда человек не познает силы Божией в покое и свободе, и нигде Бог не являл ощутительно действенности Своей, как только в стране безмолвия и в пустыне, в местах лишенных сходбищ и молвы, бывыающих в обитании с людьми» (Сл. 49, стр. 318–319).

86) О бесстрастии, – и о том, что есть человеческое бесстрастие

К сказанному надлежит приложить здесь отчасти слово о бесстрастии и совершенстве; потом еще немного, – и кончить настоящее наше писание. – О бесстрастии св. Василий Великий говорит: «Кто соделался любителем Бога и возжелал, хотя малейше, причаститься Его бесстрастия, духовной святости, тихости, невозмутимости и кротости и вкусить порождаемого сим веселия и радования, тот старается далеко отводить помыслы свои от всякой вещественной страсти, могущей возмутить душу, и чистым и незатененным оком обозревать божественные вещи, ненасытно наслаждаясь тамошним светом. Установив же душу в таком навыке и в таком устроении, своим Богу становится, по возможному уподоблению Ему, и бывает Ему любезен и вожделеннейш, как мужественно подъявший такой великий и трудный подвиг и возмогший из среды своего с веществом растворения чистою и некако отторженною от всякого примешения телесных страстей мыслию, беседовать с Богом». – Это – о бесстрастии.

А о том, что есть человеческое бесстрастие, св. Исаак пишет так: «Бесстарстие не в том состоит, чтоб не ощущать страстей, но в том, чтоб не принимать их. Вследствие многих и различных добродетелей, явных и сокровенных, приобретенных святыми, страсти изнемогли в них, и нелегко могут восстать на душу: и мысль не имеет нужды непрестанно быть в рассуждении их внимательною; потому что во всякое время исполнена в помышлениях своих изучением и исследованием превосходнейших созерцаний, сознательно движимых в уме. И когда страсти нач-

нут приходить в движение и возмущаться, мысль внезапно вземлется от близости к ним сознанием чего-либо горнего, приникшего в ум, и страсти остаются без воздействия на него, как сказал блаженный Марк: «ум, по благодати Божией, исполняя добродетельные деяния и приблизившись к ведению, мало ощущает того, что исходит из худшей и неразумной части души. Ибо ведение его восхищает его на высоту и отчуждает от всего, что в мире. У святых, по их непорочности, по тонкости, легкости и остроте ума их, а также по их подвигам очищается ум их и делается светозарным, так как плоть их иссохла от упражнения делами безмолвия и долгого в нем пребывания. Сего ради легко и скоро прилагается каждому созерцание, которое, пребывая в них, руководит их к углублению в созерцаемое с изумлением. В таком состоянии богатно множатся в них созерцания и мысль их никогда не бывает скудна предметами высшего разумения. Таким образом никогда не остаются они без того, что составляет в них плод Духа. Долговременным же в сем роде навыком изглаждаются в сердце их воспоминания, которыми возбуждаются в душе страсти, и ослабляется сила диавольской власти. Ибо когда душа не сдружится со страстьми помышлением о них: тогда, поелику непрестанно занята она иною заботою, сила страстей не может в когтях своих удержать духовных чувств ее» (Сл. 48, стр. 305–306).

И блаженный Диадох: «Бесстрастие есть не то, чтоб не быть бориму от бесов, ибо в таком случае надлежало бы нам, по Апостолу, *изыти из мира* (1 Кор. 5, 10); но то, чтоб, когда они борют нас, пребывать непреоборимыми: подобно тому, как в латы облеченные воители и стрелянию противников подвергаются, и слышат звук от летящих стрел, и видят даже самые стрелы, на них испускаемые, не уязвляемы однако ж бывают ими по причине твердости воинской одежды своей. Но эти, железом будучи ограждены, не подвергаются уязвлению во время брани, мы же, посредством делания добрых дел облекшись во всеоружие святого света и в шлем спасения, будем рассеивать темные демонские фаланги; ибо не одно то приносит чистоту, чтоб не делать более зла, но паче то, чтоб всеусильною ревностию о добре вконец потребить в себе злое» (гл. 98).

Святой Максим указывает четыре вида бесстрастия, говоря так: «Первым бесстрастием называю я то, когда телесное ко греху движение не производится в дело. Вторым бесстрастием называю я совершенное отвержение страстных помыслов душевных, в силу коего увядает движение страстей, не имея воспламеняющих его к действенности страстных помыслов. Третьим бесстрастием называю я совершенную неподвижность страстного похотения, которое обыкновенно и во втором имеет место, состоящем в чистоте помыслов. Четвертым бесстрастием называю я совершенное отложение страстных в мысли мечтаний, по коему и третье получает свое бытие, не имея чувственных мечтаний, кои пред-

ставляли бы страстные виды». – Еще: «Бесстрастие есть мирное устроение души, по коему она бывает неудободвижима на зло».

87) О бесстрастии и совершенстве

Вот и слова св. Ефрема, который о бесстрастии и совершенстве говорит так: «бесстрастные, ненасытно простираясь к верховному вожделенному благу, делают некончимым или несовершенным совершенство, потому что вечные блага конца не имеют: кончимо или совершенно оно судя по мере силы человеческой, а некончимо и несовершенно как всегда превосходящее само себя каждодневными приложениями, и возвышающееся непрестанно восхождениями к Богу». – Подобное сему говорит о совершенстве и св. Нил: «два совершенства надо принимать: одно временное, а другое вечное, о коем пишет Апостол: *егда же приидет совершенное, тогда еже отчасти упразднится* (1 Кор. 13, 10). Слова: *егда приидет совершенное,* показывают, что здесь не можем мы вместить божественного совершенства». Еще: «два совершенства ведает божественный Павел, – и одного и того же человека признает и совершенным и несовершенным, – в отношении к настоящей жизни называя его совершенным, а в отношении к истинному свойственному ему совершенству – несовершенным. Почему говорит: *не зане уже достигох или уже совершихся: гоню же аще и постигну:* а немного ниже говорит: *елицы убо совершенни, сие да мудрствуим* (Флп. 3, 12, 15).

88) О страстности, сладострастии, пристрастии и бесстрастии

Св. Илия Екдик говорит: «материя злая или греховная тела есть страстность, души – сладострастие, ума – пристрастие. Обличаются же или обнаруживаются они – первое осязанием, другие (сладострастие и пристрастие) другими чувствами. Противоположное же всем им (т. е. бесстрастие) противоположным расположением». Еще: «сладострастный близ есть страстного, пристрастный – сладострастного, далеко же от обоих их – бесстрастный» (гл. 71, 72).

89) Кто страстен, сладострастен, пристрастен и бесстрастен; и о врачевании каждого из них

О сем тот же преподобный говорит: «страстен тот, у кого влечение ко греху сильнее помысла, хотя он не грешит еще внешно; сладострастен тот, у кого действо греховное (желание сделать грех) слабее помысла, хотя он страстно услаждается им внутри; пристрастен тот, кто свободно, или лучше, раболепно привязан к тому и другому. Бесстрастным был бы тот, кому неизвестны такие разные движения и состояния (кто не испытывает их)». – Равно и способы врачевания их он же ясно указывает, говоря: «страстность изгоняется из души постом и молитвою, сладострастие – бдением и молчанием, пристрастие – безмолвием (уеди-

нением) и вниманием; бесстрастие же установляется памятованием о Боге» (гл. 72, 73).

90) О вере, надежде и любви

Поелику всех благ, или нравственных доброт, начало, средина и конец, если хочешь, и хороводитель и главарь – вера, надежда и любовь, потому что *Бог любы есть* и именуется (1 Ин. 4, 8): то неправедно не восполнить ими, что еще недостает в настоящем сочинении; тем паче, что по св. Исааку: «завершение плодов Святого Духа тогда бывает, когда кто сподобляется совершенной любви» (Сл. 21, стр. 154). Давай же и о ней немного помянем словами отцов святых. Так св. Лествичник пишет: *«ныне же,* скажем после всего сказанного, *пребывают три сия,* все теснейшим союзом связующие и держащие в нем, *вера, надежда и любы, больше же всех любы:* ибо ею именуется Бог (1 Кор. 13, 13; 1 Ин. 4, 8). По моему разумению, первая из них есть луч, вторая – свет, а третья – круг; все же они одно суть сияние и один блеск. Первая все может творить и устроять; вторую милость Божия окружает и делает непостыдною; третья никогда не падает, не перестает тещи и уязвленному ею не дает почить от блаженного упоения» – (Сл. 30, 1–3). И еще: «Слово о любви знаемо Ангелам; но и тем по действу осияния. *Бог любы есть,* и кто хочет изречь, каков предел ее, тот, слеп будучи, покушается исчесть песок в бездне морской. Любовь, по качеству своему, есть уподобление Богу, сколько оно доступно для смертных; по действу – опьянение души; по свойству – источник веры, бездна долготерпения, море смирения. Любовь истинно есть отложение всякого противного помышления: ибо *любы не мыслит зла* (1 Кор. 13, 5). Любовь, бесстрастие и сыноположение одними именами различаются. Как свет, огнь и пламя в одном действии сходятся: так разумей ты мне и об этих» (там же, гл. 5–9).

И св. Диадох: «Духовным созерцанием, братие, да предводительствуют вера, надежда и любовь, и наипаче любовь; ибо те (вера и надежда) научают только презирать видимые блага, а любовь самую душу добродетелями сочетавает с Богом, умным чувством постигая Невидимого» (гл. 7). И еще: «Иная есть любовь души естественная, а другая Духом Святым изливается в нее. Та, когда хотим, от нашего хотения соразмерно движется, почему и от злых духов удобно расхищается, когда нуждно не держим в ней своего произволения. А эта так пламенит душу любовию к Богу, что все части души прилепляются к неизреченной сладости Божественного возлюбления в безмерной некоей простоте расположения; ибо тогда ум, как бы чреват бывая от духовного благодатного действа, источает обильный поток любви и радования» (гл. 34).

И св. Исаак: «Любовь, возбуждаемая чем-либо совне, есть как малый светильник, питаемый елеем, которым и поддерживается свет его, или как наводняемый дождем поток, которого движение прекращается с оскудением составляющей его дождевой воды. Но любовь, которая име-

ет виновником Бога, есть то же, что бьющий из земли источник; потоки ее никогда не прерываются: ибо Он Сам есть источник сей любви и неоскудевающая пища ее» (Сл. 30, стр. 199). Еще будучи вопрошен: «в чем завершение многих плодов Духа», – сказал он в ответ: «в том, когда сподобится кто совершенной любви». – Когда за сим последовал вопрос: «по чему узнать, что достиг ее кто-нибудь?» – ответил: «Когда памятование о Боге возбудилось в уме его, тогда сердце его немедленно возбуждается любовию к Богу, и очи его обильно изводят слезы. Ибо любви обычно воспоминанием о любимых возбуждать слезы, и кто таков, у того никогда не оскудевают слезы; потому что никогда не прекращается в нем то, что влечет его к памятованию о Боге. Почему и во сне он беседует с Богом; ибо любви свойственно производить это, и она есть совершенство людей в настоящей жизни» (Сл. 21, стр. 154, 155). И еще: «Любовь к Богу естественно горяча, и когда нападет на кого без меры, делает душу ту исступленною. Почему сердце ощутившего ее не может вместить ее и стерпеть, но по мере качества (своего) и нашедшей на него любви видится в нем изменение необычное. И вот каковы знамения ее чувственные: лицо человека делается огненным и радостным, и тело его согревается. Отступают от него стыд и страх, и бывает он как бы исступленным; сила, собирающая ум, бежит из него, и бывает он как бы изумлен. Страшную смерть почитает радостию, и созерцание ума его никогда не испытывает пресечения какого-либо в помышлении о небесном. И отсутствуя, как присутствующий беседует он, не зримый никем. Ведение и зрение его естественно преходит, и чувственно не ощущает он движения своего, коим движется между вещами. Ибо хотя он и делает что, но совершенно того не чувствует, так как ум его высится в созерцании, и мысль его всегда как бы беседует с кем другим. Сим духовным упоением упоевались некогда апостолы и мученики; и одни весь мир обошли, трудясь и терпя поношение, а другие, будучи рассекаемы на уды, пролили кровь свою, как воду, и претерпевая ужаснейшие страдания, не впадали в малодушие, но доблестно все переносили, и будучи премудры, почитаемы были неразумными. Иные же скитались в пустынях, в горах, в вертепах, в пропастях земных, в нестроениях благоустроенными пребывая. Такого нестроения да сподобит нас достигнуть Бог» (Сл. 73, стр. 528–529).

91) О Святом Причащении, и о том, скольких благ бывает для нас виновно частое с чистою совестию сие причащение

Ничто столько не содействует и не способствует нам к очищению души, к просвещению ума и к освящению тела, и обеих их божественнейшему изменению, еще же и к отражению страстей и бесов, свойственнейше же сказать, к преестественному с Богом единению и божественному сочетанию и срастворению, как частое, с чистым сердцем и расположением, сколько то возможно человеку, Причащение Святых,

Пречистых, Бессмертных и Животворящих Таин, – самого, говорим, честного Тела и Крови Господа и Бога и Спаса нашего Иисуса Христа. Почему необходимо и об этом особенно поговорить, и затем положить конец нашему писанию.

Об этом, – о том т. е., что причащение Святых Христовых Таин крайне необходимо, – не только явно говорят отцы, но и сама Жизнь и сама Истина яснейшими словами возвещает, ибо говорит: *Аз есмь хлеб животный. Сей есть хлеб сходяй с небесе, да аще кто от него яст, не умрет. Аз есмь хлеб животный, иже сшедый с небесе: аще кто снесть от хлеба сего, жив будет во веки. И хлеб, его же Аз дам за живот мира* (Ин. 6, 48, 50, 51). Еще: *аще не снесте плоти Сына Селовеческаго, не пиете крове Его, живота не имате в себе. Ядый Мою плоть, и пияй Мою кровь, имать живот вечный. Плоть бо Моя есть истинно брашно, и кровь Моя истинно есть пиво. Ядый Мою плоть и пияй Мою кровь, во Мне пребывает и Аз в нем. Якоже посла Мя живый Отец, и Аз живу Отца ради: и ядый Мя, и той жив будет Мене ради. Сей есть хлеб сшедый с небесе. Ядый хлеб сей, жив будет во веки* (Ин. 6, 53–58). И св. Павел говорит: Братие, *аз приях от Господа, еже и предах вам, яко Господь Иисус в нощь, в нюже предан бываше, прием хлеб, и благодарив, преломи, и рече: приимите, ядите: сие есть тело Мое, еже за вы ломимое: сие творите в Мое воспоминание. Такожде и чашу по вечери, глаголя: сия чаша, новый завет есть в Моей крови: сие творите, елижды аще пиете, в Мое воспоминание. Елижды бо аще ясте хлеб сей, и чашу сию пиете, смерть Господню возвещаете, дондеже приидет. Темже иже аще яст хлеб сей или пиет чашу Господню недостойне, повинен будет телу и крови Господни. Да искушает же человек себе, и тако от хлеба да яст, и от чаши да пиет: ядый бо и пияй недостойне, суд себе яст и пиет, не разсуждая тела Господня. Сего ради в вас мнози немощни и недужливы, и усыпают довольни. Аще бо быхом себе разсуждали, не быхом осуждени были: судими же, от Господа наказуемся, да не с миром осудимся* (1 Кор. 11, 23–32).

92) Необходимо знать чудо Святых Таин, что они суть, для чего даны и какая от них польза

Пишет св. Златоуст: «нужно знать чудо сих Таин – в чем оно состоит, для чего дано, и какая от него польза. *Едино тело,* сказано, мы бываем и *уди от плоти Его и от костей Его* (Еф. 4, 4). Да внимают сим словам посвященные! – Итак, чтоб не любовию только, но и самым делом быть нам членами плоти Христовой, будем соединяться с сею плотию. А это бывает чрез пищу, которую Христос даровал, чтоб выразить Свою великую любовь к нам. Для этого Он смесил Самого Себя с нами и растворил тело Свое с нами, чтоб мы составили нечто единое, как тело, соединенное с главою. И это есть знак самой сильной любви. На это указывал и Иов, когда говорил о своих домочадцах, которые так сильно

любили его, что желали срастись с его плотию: *кто убо дал бы нам от плотей его насытиться?* (Иов. 31, 31). Так говорили они, желая выразить свою великую любовь к нему. С этою же целию так поступил и Христос: чтоб ввести нас в большее содружество с Собою и показать любовь Свою к нам, Он дал желающим не только видеть Его, но и осязать, и вкушать, и касаться зубами плоти Его, и соединяться с Ним, и насыщать им всякое желание» (Беседа на Ин. 46, стр. 551–552, ч. 1-я). Еще: «приобщающиеся этой крови стоят вместе с Ангелами, Архангелами и прочими горними силами, облеченные в царскую одежду Христову и имея оружие духовное. Но этим я не сказал еще ничего великого: они бывают облечены в Самого Царя. Но сколько велико и чудно это таинство, столько же верно и то, что если приступишь к нему с чистотою, приступишь во спасение, если же с совестию лукавою, – в наказание и мучение. *Ядый бо,* сказано, *и пияй* Господа *недостойне, суд себе яст и пиет* (1 Кор. 11, 29). Если и оскверняющие царскую порфиру наказываются одинаково с раздирающими ее: то что удивительного, если приемлющие Тело Христово с нечистою душою подвергнутся тому же наказанию, какому и те, которые истерзали Его гвоздями. Смотри, на какое страшное наказание указывает Павел в словах: *отверглся кто закона Моисеева, без милосердия при двоих и триех свидетелехумирает. Колико мните горшия сподобится муки, иже Сына Божия поправый и кровь заветную скверну возмнив, еюже освятися* (Евр. 10, 28, 29)» (Там же, стр. 555–556). И еще: «Причащаясь Тела Господа и пия Кровь Его, будем твердо помнить, что мы приобщаемся того Тела, которое восседит горе и которому поклоняются Ангелы, которое находится близ нетленной силы, – сие именно Тело мы вкушаем. О, сколько открыто нам путей ко спасению! Он соделал нас Своим Телом, дал нам Свое Тело, и все это не отвлекает нас от зла?! О, омрачение! О, бесчувствие!» (Беседа на Посл. к Еф. 3-я, стр. 47). – И опять: «Дивный некий старец поведал мне, что он сподобился увидеть и услышать нечто такое, – что если имеющие преселиться отсюда причастятся Святых Таин с чистою совестию, то когда умрут, Ангелы, ради сего причащения доринося, возносят их отсюда».

И божественный Иоанн Дамаскин (о вере прав. кн. 4, гл 13): «Поелику мы двояки и двусоставны, то надлежит и рождению у нас быть двоякому, и ястию сложну. Рождение дается нам водою и Духом, ястие же нам есть хлеб животный, Господь наш Иисус Христос, сшедший с небес». – Еще – гораздо ниже: «И как в крещении, поелику обычно людям мыться водою и мазаться елеем, сочетал Он с елеем и водою благодать Духа и соделал то банею пакибытия: так и, поелику обычно нам ясти хлеб и пить воду и вино, сочетал Он с ними Свое Божество и соделал их Своим Телом и Своею Кровию, дабы чрез то, что обычно и что по естеству бывает, бывать нам в состоянии, которое выше естества. Тело во-

истину соединено с Божеством, – то Тело, которое от Святой Девы, не потому что само Тело, вознесшееся на небеса, сходит, но потому что самые хлеб и вино претворяются в Тело и Кровь Господа Бога. Если желаешь знать, как это бывает, то довольно тебе услышать: Духом Святым, как от Святой Девы Духом Святым Сам Себе и в Самом Себе Господь плоть составил. Больше этого мы ничего не знаем, но только то, что Слово Божие истинно есть, действенно и всемогуще, способ же: как – неисследим». – И еще немного спустя: «С верою достойно причащающимся бывает Св. Причастие во оставление грехов и в Жизнь Вечную, и в охранение души и тела, а кои без веры недостойно причащаются, – в осуждение и мучение, как и смерть Господня. – И не есть хлеб и вино только образ Тела и Крови Христовой. Да не будет! – Но самое Тело Христово обоженное и самая Кровь. Ибо Он говорит: *плоть Моя истинно есть брашно, и кровь Моя истинно есть пиво».* Еще пониже: «Тело и Кровь Христовы служат к укреплению нашей души и тела, но не истощаются и тлению не подвергаются, а бывают нам в охрану и очищение от всякой скверны. – Им будучи очищаемы, соединяемся мы с Телом Христовым и Духом Его, – и бываем тело Христово. Хлеб сей есть начаток будущего хлеба, который есть насущный. Ибо *насущный* или на будущий хлеб указывает, т. е. на хлеб будущего века, или на тот, который мы теперь принимаем к сохранению нашего существа. Ибо плоть Господня есть Дух животворящий, потому что от животворящего Духа зачалась; рожденное же от Духа Дух есть. Говорю же это я, не отрицая естество тела, но желая показать его животворящность и божественность». – И еще в самом конце сей главы: «Сии (Тело и Кровь в Таинстве) называются вместообразными будущих не како не сущие истинно Тело и Кровь Христовы, но потому что ныне чрез них мы причащаемся Христова Божества, тогда же мысленно чрез одно созерцание Его».

И божественный Макарий: «как вино по всем членам пиющего расходится, и бывает вино в нем и он в вине: так и пиющий Кровь Христову Духом Божества напояется, Который по всей душе расходится, и душа бывает вся в Нем, и освятившись таким образом делается достойною Христа Господа. Ибо Апостол говорит: *вси единем Духом напоихомся* (1 Кор. 12, 13). Также и истинно причащающиеся хлеба в Евхаристии сподобляются причастниками быть Духа Святого, и так достойные души вовеки могут живы быть. И как для тела жизнь не из него самого есть, но извне его есть, т. е. от земли, так и душе благоволил Бог не из собственного ее естества, но из Своего Божества, из Духа Своего и света иметь брашно, питие, одеяние, кои суть истинный живот души. Ибо Божественное естество имеет и Хлеб жизни, рекший: *Аз есмь хлеб животный* (Ин. 6, 44), и воду живую, и вино веселящее, и елей радования».

И св. Исидор: «Приобщением называется причастие Божественных Таин, потому что оно подает нам соединение со Христом и соделовает

нас общниками Царствия Его». – И св. Нил: «Невозможно иначе спастися верному и оставление прегрешений получить и Царствия Небесного сподобиться, если со страхом, верою и любовию не причащается он пречистых Таин Тела и Крови Христовых». – Подобное сему пишет и св. Василий Великий в письме к благородной Кесарии: «Хорошо и преполезно каждый день приобщаться и принимать Святое Тело и Кровь Христову; потому что Сам Христос ясно говорит: *ядый Мою плоть и пияй Мою кровь, имать живот вечный* (Ин. 6, 54). Ибо кто сомневается, что непрестанно быть причастником жизни не иное что значит, как жить множайше. Мы причащаемся четыре раза каждую седмицу: в день Господень, в среду, в пяток и субботу, также и в иные дни, если бывает память какого святого» (т. 6, письмо 89).

Думаю, что в эти дни и литургисал святой сей, ибо всякий день не мог, будучи обременен столькими попечениями. И св. Аполлос сказал, что «монахи должны, если могут, приобщаться каждодневно Святых Таин, потому что кто удаляется от Святых Таин, тот удаляется от Бога, а кто постоянно приобщается, тот всегда принимает в себя Спасителя; ибо Сам Спаситель говорит: *ядый Мою плоть и пияй Мою кровь во Мне пребывает и Аз в нем* (Ин. 6, 56). Итак, сие весьма полезно монахам, потому что чрез сие они постоянно творят воспоминание спасительной страсти Христовой. К тому же при сем каждодневно должно им быть готовыми и так приготовлять себя, чтоб быть всегда достойными приять Святых Таин и отпущения грехов сподобиться». (Лавс. стр. 169). В братстве преподобного Аполлоса всегда соблюдался такой порядок жизни (там же, стр. 167).

Св. Лествичник говорит: если тело, другому телу прикасаясь, изменяется действием его, то как не измениться тому, кто непорочными руками прикасается Телу Божию?» (Сл. 28, 52). – Написано также и в Геронтике: «Иоанн Вострский, муж святой и власть имеющий над духами нечистыми, спросил бесов, живших в некоторых отроковицах бесноватых и злодействовавших в них, говоря: каких вещей боитесь вы в христианах? Те ответили: вы воистину имеете три великие вещи: первая та, что носите вы на шее вашей; вторая та, чем омываетесь вы в церкви; третья та, что вкушаете вы в собрании. Когда спросил он их еще: из сих трех, чего больше боитесь вы? они сказали: если б вы добре хранили то, чего причащаетесь, то никто из нас не возмог бы оскорбить христианина. – Эти вещи, коих боятся наши неистовые враги паче всего, суть: крест, крещение и причащение».

93) Конец всех пространно изложенных вещей; и частное увещание просившему о том

Се, чадо любезнейшее, исполнено твое прошение, с Божиею помощию. Если, может быть, мы не сумели сделать это в точном соответст-

вии твоему желанию и ожиданию; то всяко сделали по силе своей. Но Богу любезно делаемое по силе. Ты же смотри, не до сего только простирай твою любовь к научению и труд по нему, но яви себя и делами любителем научения и ревнителем. Ибо знаменитый брат Божий говорит: *«братие мои возлюбленнейшие! бывайте творцы слова, а не точию слышателие, прельщающе себе самех. Зане аще кто есть слышатель слова, а не творец, таковый уподобися мужу, смотряющу лице бытия своего в зеркале: усмотри бо себе и отъиде и абие забы, каков бе: приникий же в закон совершен свободы, и пребыв, сей не слышатель забытлив быв, но творец дела, сей блажен в делании своем будет»* (Иак. 1, 22–25).

94) Как должно слушать и принимать духовные словеса отцов

Паче же всего надлежит тебе уразуметь, как следует, верно и с подобающим благоговением принимать и выслушивать божественные и духовные законоположения отцов. Ибо св. Макарий говорит: «духовные предметы недосязаемы для не испытавших их. К душе же святой и верной на помощь к постижению их приходит причастие Святого Духа; и тогда небесные сокровища Духа приемлющему их опытом одному бывают явственны, не посвященному же в сие даже и помыслить о том совершенно невозможно. Итак благоговейно слушай о них, пока и ты, веры ради, сподобишься получить то же. Тогда самым опытом душевных очес узнаешь, каких благ и таинств души христиане могут быть причастны еще здесь».

Находясь в таком состоянии, ты очень скоро соберешь богатый приплод и пользу и от того, что написано, и от того, что услышать случится; и соединяя с научением и делание узнанного, преуспеешь до того, что будешь в состоянии и других увещевать и руководить самым опытом к вещам божественнейшим, для многих недоступным. Что и буди тебе, всемощною дланию Господа Иисуса Христа держимому и направляемому! Аминь.

Поелику пресыщение словом неприятно для слуха, как пресыщение пищею для тела, и вообще умеренность во всем есть наилучшее дело; то надлежит и нам, избегая излишества и лобызая мерность как наилучшее, потолковав еще немного о нашем предмете и сделав краткое некое оглавление настоящего сочинения, на этом бросить якорь слова нашего.

95) Возглавление всего (главнейший пункт), – как должно молиться, – и об истинном просвещении и Божественной силе

Отцы говорят, что желающий разумно трезвенствовать пусть, сошедши путем дыхания внутрь сердца, непрестанно понуждает себя молиться чисто и непарительно, одним внимая словам молитвы и в них углубляясь, именно: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя!» дотоле, пока ум просветится в сердце, как говорит св. Диадох: «которые

сие святое и преславное имя непрестанно содержат мысленно во глубине сердца своего, те могут, наконец, увидеть и свет ума своего» (гл. 59). Когда же сие совершится по Божию мановению, тогда с момента сего все остальное течение нашего по Богу жительства, яко во свете ходящие, паче же яко сынами света сущие, незаблудно и непреткновенно пройдем мы, как говорит Сам света податель Иисус: *дондеже свет имате, веруйте во свет, да сынове света будете* (Ин. 12, 36); еще: *Аз есмь свет миру: ходяй по Мне, не имать ходити во тме, но имать свет животный* (Ин. 8, 12). И святой Давид так взывает к Господу: *во свете Твоем узрим свет* (Пс. 35, 10). И божественный Павел: *Бог, рекий из тмы свету возсияти, Иже возсия в сердцах наших* (2 Кор. 4, 6). Ибо Им, как неугасимым и всесветлым светильником, истинно верные путеводятся и простирают взор свой за пределы чувственного, – и им, яко чистым сердцем, отверзается небесная дверь ко всякому равноангельному и высокому образу жизни и устроению. И таким образом, как из солнечного диска, воссиявает им свет, делающий их способными духовно воссуждать, рассуждать, прозревать, предузревать и подобное. И вообще чрез Него воссиявает им всякое показание и откровение безвестных таин; и силою преестественною и божественною исполняются они в Духе Святом, этою же преестественною силою и персть их облегчается, или лучше, плоть их утончается и, как метеор, будто горе воспаряет. Сею, в Духе Святом просветительною силою, некоторые из святых отцов, еще в теле суще, будто невещественные и бестелесные, немокрыми переходили ногами реки непроходимые и моря кораблеходные, долгие и многодневные пути в одно мгновение проходили и много других совершали дивных дел на небе, на земле, в солнце, в море, в пустынях, в городах, во всяком месте и стране, в зверях, в гадах и вообще во всякой твари и во всех стихиях, – и прославились. Когда стояли они на молитве, святые и честные тела их поднимались от земли, как бы окрыленные; по кончине – оставались нетленными и творили знамения и чудеса; по воскресении же *восхищены будут в сретение Господне на воздусе, и тако всегда с Господом будут,* как удостоверяет таинник Божий Павел (1 Фес. 4, 17). И святой Макарий: «всякая душа, верою и тщанием о всех добродетелях еще здесь сподобившаяся облещися во Христа в силе и удостоверительно, сподобляется всегда получать существенное ведение небесных таин, соединена будучи с небесным светом нетленного образа своего. В день же воскресения тело, в силу того же славного небесного образа, спрославится душе и Духом восхищено будет в сретение Господа на воздухе, соделавшись сообразным телу славы Его».

96) Другое возглавление

Сих новых и невыразимых словом вещей и разумений началом и породительницею бывает упомянутое пред сим безмолвие, при совершенном беспопечении и в соединении со вниманием и молитвою, имея основанием твердым и ограждением неодолимым исполнение Божественных заповедей. От сих же, беспопечения, говорю, безмолвия, внима-

ния и молитвы, – сердечное движение и теплота, страсти и бесов палящая и сердце, как в горниле, очищающая, а от этой –

Господа Иисуса Христа вожделение и неистощимое любление, от сего – сладкое, как из источника, течение сердечных слез, коими душа и тело в покаянии, любви, благодарении и исповедании, как иссопом очищаются и утучняются, от них – тишина и мир помыслов, коему нет предела, яко всяк ум превосходящему, а от него – снегосиятельно светлое осияние. Конец же всего – доступное человеку бесстрастие, души прежде тела воскресение, образа и подобия Божия возображение и возвращение в сие состояние путем деяния и созерцания, веры, надежды и любви, также совершенное горе к Богу простертие, непосредственное с Ним соединение, исступление и почитие в Нем и стояние, в настоящем веке, яко в зерцале, гадании и залоге, а в будущем – видение Бога лицом к лицу, совершенное Его причастие и присносущное Им наслаждение.

97) О том, что сей есть воистину незаблудный, истинный, и отце-преданный образ жизни по Богу, т. е. безмолвие после послушания, которое достойно названо святыми жизнию во Христе сокровенною

Сей путь, сие духовное по Богу жительство и священное делание истинных христиан есть истинная, незаблудная и неподдельная, во Христе сокровенная жизнь. Его проложил и к нему тайноводствовал Сам Богочеловек, сладчайший Иисус; по нему прошли божественные апостолы; по нему проследовали бывшие после них, и им, как и должно, последовавшие славные руководители наши и учители, которые с самого начала, с Первого на землю пришествия Христова даже доныне, как светила, сияя в мире зарями живоносных словес и дел предивных, одни другим передавали и тем, кои в наше время суть, передали сие доброе семя, сей священный квас, сей начаток святой, сей залог некрадомый, сию благодать и силу свыше, сей бисер многоценный, сие божественное отеческое наследие, сие на селе сокрытое сокровище, сие обручение Духа, сие царское знамение, сию живую и текущую воду, сей огнь божественный, сию честную соль, сей дар, сие запечатление, сей свет – и подобное сему. Что и отселе будет, как наследство, передаваемо и таким образом переходит из рода в род, до самого Второго пришествия Христова. Ибо неложен обетовавший: *се Аз с вами есмь до скончания века. Аминь* (Мф. 28, 20).

98) О том, что хотя и другие есть спасительные пути, но этот предпочтительно царский есть, ведущий к усыновлению

Хотя и иные пути и жительства, если же хочешь, и делания были и суть в обычае, яко добрые, ко спасению ведущие и покой дающие тем, кои их проходят; но этот есть предпочтительно царский, все другие делания, как душа тело, превосходящий, яко вполне обновляющий до усыновления Богу и дивно в Духе обожающий человека, который проходит его достодолжно, как говорит Василий Великий: «Дух Святый, пришед-

ши в душу, дал жизнь, дал бессмертие, воздвиг лежащего. Подвигнутое же от Духа Святого движением присносущным, стало животным, святым; и человек по Духу, всельшемуся в него, приял достоинство пророка, апостола, Ангела, Бога, сущи прежде того землею и пеплом».

99) По причине высоты делания жительство сие многоименно

Сего ради святые отцы жительство сие величают многими славными наименованиями: они наименовали его путем разумным, деянием похвальным и созерцанием верным, пространнейшею молитвою, трезвением ума, умным деланием, делом будущего века, ангельским жительством, небесным житием, божественным поведением, страною живых, таинственным воззреванием, духовною трапезою полнейшею, раем, Богом соделанным, небом, Небесным Царством, Божиим Царством, мраком превысшим света, жизнию во Христе сокровенною, боговидением, обожением преестественнейшим и другими близкими к сим.

Сим божественным отцам последуя, и мы, в лукавых и нечистых помыслах, словах и делах живущие, решились старательно исполнить твое, возлюбленный, прошение и не поленились сделать, как ты просил, даже и больше меры нашей, твоей ради любви и отеческой заповеди, как сказали мы в предисловии к сему труду. Жизни же сей равноангельной предводитель есть Сын Божий, Бог Слово, по новому неизреченному воплощенному домостроительству Своему, по благоволению безначального Отца и содейству Святого Духа.

100) Нравоучение, – что с Божиею помощию и благодатию и нам, сколько можно стараться, должно и подвизаться; да сподобимся отныне еще в виде залога таких сверхъестественных и величайших даров, и ради малого разленения, увы! да не упустим их: что да не буди нам!

Когда такие и толикие предлежат нам блага, возлюбленные, не в надежде только и по обетованиям в будущем, но ныне воистину и делом, возревнуем улучить их, пока имеем время. Потечем, восподвизаемся, да сподобимся их и мы за малое и привременное рачение о них и краткий труд, паче же по дару и благодати Божией. *Недостойны бо страсти нынешняго времене, к хотящей славе явитися в нас* (Рим. 8, 18), по словам Павла, божественного проповедника. Послушаем его; и если отныне потщимся, обретем их, по уверению его, в виде начатка и обручения (Рим. 8, 23; 2 Кор. 1, 22). Потщимся же: ибо если приглашаемые из низкой доли к сродству и общению с царским домом все для получения того пускают в ход – и слова, и дела, и умышления, хватаются даже за самое недостижимое с презрением нередко самой жизни; и это ради славы и чести привременной и скоропреходящей, служащей иной раз не на добро, а на пагубу; то сколько паче надлежит употребить и деятельности и рвения нам, призываемым к общению, браку и сочетанию с Богом,

всех царей Царем и Содетелем, всегда пребывающим и свойственникам Своим славу и честь подающим пресветлую и непрестающую, и не это одно, но еще с получением области чадами Божиими быть, как говорит Евангелие: *елицы приняша Его, даде им область чадом Божиим быти верующим во имя Его* (Ин. 1, 12). Область дает Он, а не властительски влечет и не против желания нашего принуждает. Ибо властительское принуждение всегда вооружает принуждаемого против принуждающего, чтоб воздать злом за зло. Сим образом Он воздает честь древнему нашему самовластию, дабы, когда дело благое всецело делается по Его благоволению и благодати, совершение его приписывалось нашей ревности и рачению. Он, хотя Бог есть и Владыка, все Свое сделал: всех одинаково создал, за всех также и умер, чтоб всех равно и спасти. За нами же оставлено приступить к Нему, уверовать, соделаться своими Ему, истинно возлюбившему нас, человеколюбивому Владыке и Попечителю, до вожелания даже и смерть за нас подъять самоохотно, и смерть поносную, чтоб избавить нас от тиранства диавола, началозлобного врага нашего, примирить с Богом и Отцом и наследниками Божиими и сонаследниками Своими соделать. Что предивно и преблаженно. – Не дадим же себе, ради малого какого-либо и краткого самоугодливого разленения и вознерадения и поддельного какого удовольствия отстранить себя от таких и толиких благ, честей и наслаждений; но ревностно будем делать все подобающее и всякие нести труды, не щадя, если потребуется, и самой жизни ради угождения Господу, как и Он не пощадил Своей ради нас, и притом Бог сый, – да сподобимся таким образом и нынешних и будущих даров и венцов. – Буди же всем нам улучити их благоволением и благодатию Господа и Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, столько Себя за нас смирившего и таковым смирением преестественную и Боготворную благодать Свою еще от зде самым делом богатно нам подающего. Ему подобает всякая слава, честь и поклонение, со безначальным и пречистым Его Отцом, и с соприсносущим и всесвятым, и благим, и животворящим Его Духом, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.



Евагрий Понтийский

Краткое сведение о нем [31]

Родился этот ученый муж около 345 года в небольшом понтийском городке Ивора, расположенном на севере современной Турции. Евагрий был также в клир святителя Василия и рукоположён им во чтеца. После внезапной кончины в 379 году Василия Великого Евагрий покинул Каппадокию и прибыл в Константинополь к епископу Григорию Богослову. Став архиепископом Константинопольским, святитель Григорий Богослов сделал Евагрия своим архидиаконом.

Уклонился от многообещающей церковной карьеры ради монашества: с 383 года сперва в Нитрийской, затем в Келлийской пустыни в Египте. В Келлиях Евагрий оставался вплоть до своей кончины. Духовным отцом его стал преподобный Макарий Египетский, подвизавшийся ещё дальше в глубине пустыни, в Скиту, где Евагрий постоянно навещал его, ища духовного назидания.

К концу своей жизни Евагрий стал истинным старцем, духовного назидания и утешения которого жаждали многие верующие, приезжавшие к нему даже из далеких стран. Около него собрался и круг учеников. Имена по крайней мере двух из них нам известны: это Палладий, автор известного «Лавсаика», и впоследствии епископ Еленопольский, и Ираклид, родом с Кипра, позднее рукоположённый святителем Иоанном Златоустом в епископа Ефесского.

Проводя свою жизнь в трудах, молитве, и духовном окормлении паствы, Евагрий завершил свой земной путь в 399 году.



[31] Публикуется по современным данным.

Евагрия монаха, образ иночества, поучающий, как должно подвизаться и безмолвствовать [32].

Иеремии сказано: *и ты да не поймеши себе жены на месте сем. Яко сия глаголет Господь о сынех и дщерех, раждающихся на месте сем: смертию болезненною погибнут* (16, 1 и др.). Слово сие на то же наводит, что и Апостол говорит: *оженивыйся человек печется о мирских, како угодити жене... И посягшая жена печется о мирских, како угодити мужу* (1 Кор. 7, 33, 34); если поймем, что у пророка не о тех только сынах и дщерях, кои происходят от брачной жизни, сказано: *смертию болезненною погибнут;* но о сынах и дщерях, рождающихся в сердце, т. е. о плотских помыслах и пожеланиях, так как и они умирают в болезненном, немощном и расслабленном мудровании мира сего, а небесной и вечной жизни не достигают. *Неоженивыйся же,* говорит, *печется о Господних, како угодити Господеви* (1 Кор. 7, 32, 2), и творит всегда зеленеющие и бессмертные плоды небесной жизни.

2. Таков инок, и таким подобает быть иноку; т. е. чтоб он, удаляясь от жены, не творил сынов и дщерей в сказанном месте, – и не это только, но чтоб был и воином Христовым, не вещественолюбивым, свободным от забот, чуждым помышлений и дел многомятежного мира, как и Апостол говорит: *никтоже воин бывая обязуется куплями житейскими, да воеводе угоден будет* (2 Тим. 2, 4). В сих наипаче да пребывает инок, оставив все вещи мира сего и стремясь к прекрасным и добрым трофеям (победознамениям) безмолвия. Как прекрасен и добр подвиг в безмолвии, как воистину прекрасен и добр! *Иго его благо и бремя легко* (Мф. 11, 30): сладка жизнь, любезно деяние.

3. Хочешь ли, возлюбленный, как следует восприять уединенническую жизнь и устремиться к трофеям безмолвия? Оставь там попечения мирские, с их началами и властьми, т. е. будь как не вещественный, бесстрастен и чужд всякого похотения, чтоб, быв свободен от сопряженных

[32] В переводе Феофана Затворника.

с тем беспокойных случайностей, мог ты добре безмолвствовать. Ибо если кто не исторгает себя из всего этого, то справить этого рода жизни, как следует, не сможет. Пищу назначь простую, удобоприобретаемую и не требующую много о себе забот, а не разнообразную и ввергающую в развлечения. Если придет тебе помысл о ценных яствах, будто странноюбия ради, оставь его, нимало ему не внимая. Ибо чрез это наветует тебе враг, наветует, чтоб отвратить тебя от безмолвия. Имеешь Господа Иисуса, в лице Марфы укоряющего душу, пекущуюся об этом, и говорящего, что *о многом печешься и молвишь. Едино есть на потребу* (Лк. 10, 41), то, чтоб слушать слово Божие, прочее же после сего без труда найдется. Почему Он тотчас и прибавляет: *Мария же благую часть избра, яже не отыметься от нея* (42). Имеешь и пример вдовицы Сарептской, чем она угостеприимствовала пророка (3 Цар. 17, 10). Хотя бы ты имел только один хлеб и воду, можешь и с ними как следует совершить дело гостеприимства и удостоиться за то воздаяния. Но если бы ты и этого не имел, прими странника только с добрым произволением и слово благое ему скажи, и этим можешь равно стяжать мзду странолюбия. Ибо сказано: *благо слово паче даяния* (Сир. 18, 16, 17).

4. Также должен рассуждать ты о милостыне. Не пожелай иметь богатство для раздаяния бедным. Ибо и это есть лесть лукавого, часто приходящая в видах тщеславия и ввергающая ум в дела многомятежные (многосделочные). Имеешь в Евангелии от Господа Иисуса получившую доброе свидетельство вдовицу, которая двумя лептами превзошла произволение и силу (достоинство пожертвований) богачей. *Вси бо,* сказал Господь, *от избытка ввергоша в сокровищное хранилище; сия же все имение свое* (Лк. 21, 4). Что же касается до одеяния, то не желай иметь лишних одежд; промысли себе только такие, какие достаточны к удовлетворению этой потребности тела. *Возверзи на Господа печаль твою* (Пс. 54, 23), и Он промыслит о тебе. *Яко Той печется* о нас, говорит Слово Божие (1 Пет. 5, 7). Если имеешь нужду в пище или одежде, не стыдись принять, если будут подавать тебе их другие. Ибо это есть вид гордости. Если и сам будешь в них излишествовать, давай тому, у кого их нет. Бог хочет, чтоб чада Его (или рабы) так вели свое домостроение (или экономию). Почему и Апостол, пиша к Коринфянам, говорит о терпящих оскудение в потребном: *ваше избыточествие во онех лишение, да и оных избыток будет в ваше лишение, яко да будет равенетво, якоже писано: иже многое, не преумножил есть; и иже малое, не умалил* (2 Кор. 8, 14–15). Итак, имея потребное на настоящее время, не заботься о том на будущее время, на день, например, или на неделю, или на месяц, или на год. Когда настанет завтрашний день, время то само доставит тебе потребное, если ты ищешь паче Царствия Небесного и правды Божией. Ибо Господь говорит: *ищите Царствия Божия и правды Его, и сия вся приложатся вам* (Мф. 6, 33).

5. Не принимай отрока, чтоб враг не воздвиг из-за него какого-либо соблазна и твоей головы не встревожил заботиться о ценных яствах; ибо тогда не можешь уже ты пещись об одном себе. Пусть придет этот помысл (отрока иметь) для успокоения телесного (будто необходимого); но ты взыщи лучшего, т. е. покоя духовного: ибо духовный покой всеконечно лучше телесного. Пусть помысл приложит внушение, что так сделать надо ради пользы отрока, не верь ему: ибо это не наше дело, а других святых отцов, живущих в киновии. Об одной своей пекись пользе, соблюдая как следует чин безмолвнической жизни. Не люби жить с людьми вещелюбивыми и хлопотливыми. Или один живи, или с братиями невещелюбивыми и единомысленными тебе. Живущий с людьми вещелюбивыми и хлопотливыми, конечно и сам приобщится к их хлопотливости, и начнет работать человеческим обычаям, пустым речам и всем другим злым делам, гневу, печали, неистовому вещелюбию, страху, смутам. Не позволяй себе развлекаться родительскими заботами и родственными дружбами. Откажись от частых с ними свиданий, чтоб они не похитили твоего келейного безмолвия и не ввергли тебя в обычные им хлопоты. *Остави,* говорит Господь, *мертвых погребсти своя мертвецы: ты же гряди по Мне* (Мф. 8, 22). Если даже келлия, в которой живешь, будет многомолвна, беги, не пощади и ее, чтоб не расстроиться по любви к ней. Так все делай, все твори, чтоб убезмолвиться, упразднясь от всего, и об одном стараться, как бы пребыть в воле Божией и успешно бороться с невидимыми силами.

6. Если невозможно тебе как следует безмолвствовать в своей стране, решись убезмолвиться на чужой и на это обрати весь свой помысл. Будь как искусный купец, все испытывая для устроения себе настоящего безмолвия и соглашаясь на все, для того необходимое и полезное. Впрочем, говорю тебе, возлюби странничество; ибо оно избавляет от неудобств, какие неизбежны в своей стране, и одно дает вкусить все благо безмолвной жизни. Избегай бывания в городе и терпеливо сиди в пустыни. *Се бо,* говорит святой Давид, *удалихся бегая, и водворихся в пустыни* (Пс. 54, 8). Если можно, и совсем не ходи в город: ибо не увидишь ты там ничего благопотребного, ничего полезного, ничего способляющего тебе избранный тобою образ подвижнической жизни. *Видех,* говорит опять тот же святой, *беззаконие и пререкание во граде* (Пс. 54, 10). Ищи же уединенных и неразвлекающих мест и не бойся поселиться в них. Если увидишь там и бесовские привидения, не пугайся и не убегай с этого спасительного для нас поприща. Потерпи не страшась, и узришь *величия Божия* (Исх. 14, 13), заступление, покров и всякое другое удостоверение о спасении. *Чаях,* говорит блаженный оный муж, *Бога спасающаго мя от малодушия и от бури* (Пс. 54, 9). Да не победит твоего произволения (жить безмолвно) желание походить для развлечения. Ибо такое блуждание с похотию *пременяет ум незлобив*

(Прем. 4, 12). Много от этого бывает искушений. Бойся падений и тверже сиди в келлии своей.

7. Если имеешь друзей, избегай частых с ними свиданий. Видаться с ними чрез долгие промежутки будет полезнее и для тебя, и для них. Если же почувствуешь, что тебе от них бывает какой-либо вред, совсем не приближайся к ним. Друзей надлежит тебе иметь таких, которые были бы полезны тебе и пособствовали твоему житию.

Избегай встреч с людьми лукавыми и немирными, и ни с кем из таких не живи вместе; и от недобрых предложений их отрицайся: ибо они не Богу служат, и не ради Него живут. Да будут друзьями твоими мужи миролюбивые, братия духовные, отцы святые. Ибо таковых назвал так Господь, говоря: *Мать Моя, и братья Мои, и сестры суть те, которые творят волю Отца Моего, Иже на небесех* (Мф. 12, 50; Мр. 3, 35). Не водись с хлопотливыми и суетливыми и не ходи к ним на трапезу, чтобы они не увлекли тебя в свои прелести и не отвели от науки и искусства безмолвнической жизни: ибо есть у них такая страсть (увлекать). Не преклоняй уха твоего к речам их; и не принимай замыслов сердца их. Ибо они поистине вредны. К верным земли пусть лежит душа твоя, и соревнованием плачу их да болит сердце твое, по примеру Давида, который говорит: *очи мои на верныя земли, посаждати я со мною* (Пс. 100, 6). Если кто из шествующих путем любви Божией, пришедши к тебе, позовет тебя вкусить хлеба-соли, и ты захочешь пойти, пойди, но скорее возвращайся в келлию свою. Если можно, никогда не ночуй вне келлии своей, чтоб всегда с тобою пребывала благодать безмолвия и ты беспрепятственно совершал установленное тобою келейное служение.

8. Не поблажай похоти добрых яств и не увлекайся приманкою удовольствий роскоши: ибо–*питающаяся пространно жива умерла,* как говорит Апостол (1 Тим. 5, 6). Не насыщай чрева своего чужими яствами, чтоб не пристраститься к ним и не сделать привычки по часту трапезовать на стороне. Ибо сказано: *не прельщайся насыщением чрева* (Притч. 24, 15). Если увидишь, что тебя часто зовут из келлии, отказывайся; ибо часто бывать вне келлии вредно. Это отъемлет благодать, помрачает мысли, истнивает теплое желание (безмолвного с Богом пребывания). Посмотри на вино, как оно, если долго очень стоит неподвижно на одном месте, хорошо отстаивается, делается светлым и благоуханным; а если его переносят с места на место, то оно бывает мутно, мрачно и на вкус неприятно по причине поднявшихся осадков и дрожжей. Приравнивая себя к нему, пытайся уподобиться ему, каково оно бывает в первом случае: пресеки сношения с многими, чтоб ум твой не был рассеян помыслами и не возмущался чин безмолвия твоего. Учреди у себя рукоделие и будь за ним, если можно, день и ночь, чтоб не только самому никого не тяготить собою; но иметь возможность подавать другим, как и заповедует св. апостол Павел (2 Фес. 3, 12; Еф. 4, 28). Этим будешь

побеждать ты и беса уныния, и отревать все другие вражеские похотствования. Ибо дух уныния обычно нападает на праздного, о котором говорит Премудрый, что он *в похотех есть* (Притч. 13, 4). От даяния и приятия не избежишь греха. Потому, продаешь ли что, или покупаешь, понеси небольшой убыток сравнительно с настоящею ценою, чтоб добиваясь настоящей цены, не увлечься приемами корыстолюбцев и не впасть в пагубные для души дела – любопрение, клятвопреступление, измену словам, и тем не обесчестить и не посрамить досточестного достоинства нашего звания. Помышляя об этом, держи себя осторожнее в даянии и приятии твоем[33]. Если же хотел бы ты избрать лучшее, – и это для тебя возможно, – передай другому кому, человеку верному, заботу о себе, чтоб сделавшись таким образом благодушным (свободным от томящих забот, мирным в себе), пожил ты затем, благими и радостными преисполняясь надеждами.

9. К таким благопотребным делам обязывает тебя чин безмолвия. Предложу тебе теперь и о прочем, что еще в нем необходимо бывает содержать. Ты же слушай меня и делом совершай, что тебе заповедую. Сидя в келлии своей, вспомни день смерти, вообрази тогдашнюю мертвость тела, представь крайность (в какой будет находиться душа) и возболезнуй о том. Этим подкрепишь ты в себе презрение к суете, мятущей мир, возгреешь любовь к смиренной избранной тобою доле своей и возревнуешь неуклонно и неослабно пребыть в безмолвии своем. Вспомни и о теперешнем состоянии душ во аде. Подумай, каково им там, в каком они горьком молчании, в каком мучительном стенании, в каком страхе и замирании от ожидания (Страшного Суда), каково их непрестанное раздирание душевное, каковы их безмерные слезы. Вспомни также и о дне воскресения и предстания пред Богом. Вообрази страшный и ужасом потрясающий оный Суд, выведи на среду, что ожидает там грешников – стыд пред лицом Бога и Христа Его, пред Ангелами, Архангелами, властями и пред всеми людьми; представь и все мучилища – огнь вечный, червя неусыпающего, тартар, тьму, над всем же этим скрежет зубов, страхи и мучительные страдания. Приведи также на мысль и блага, отложенные праведным, дерзновенное освоение с Богом Отцом и Христом Его, с Ангелами, Архангелами, властями и со всем ликом святых, Царство с сокровищами его, радость и наслаждение. То и другое приводи себе на память. И об участи грешников стенай, плачь, облекись в одежду сетования, страшась, как бы и самому не быть в числе их; а о благах, уготованных праведным, радуйся, ликуй и веселись. И этих (благ) старайся сподобиться, а тех (мучений) избежать. Смотри же никогда не забывай об этом; в келлии ли своей находишься, или вне где, памяти об

---

[33] Давать и брать – фраза, выражающая все сделки житейские и все сношения с другими. В даянии и приятии то же, что в твоих сношениях и сделках с другими.

этом не позволяй выходить из ума твоего, чтоб хоть чрез это избежать тебе нечистых и пагубных помыслов.

10. Пощение у тебя да будет сколько силы есть пред лицом Господа. Оно очистит грехи твои и беззакония, сделает душу степенною и важною, освятит ум, отгонит бесов, Бога приблизит. Однажды вкусивши в день, в другой раз не возжелай, чтоб не иметь много иждивения и не возмутить ума своего. От этого у тебя всегда будет, что употребить на дела благотворения, и умертвятся страсти телесные. Но если случатся братия, и тебе нужно будет вкусить во второй и в третий раз, не мрачи лица своего и не посупляйся; но паче радуйся, что мог послужить потребе братий. Почему во второй и в третий раз вкушая, благодари Бога, что исполнил закон любви, и что потому уже Самого Бога иметь будешь Попечителем о твоей жизни. Бывает, что иногда болезнь случится, и немощь телесная потребует вкусить дважды, трижды, даже и много раз, не смущайся помыслом. Ибо нет необходимости телесные подвиги нашей жизни выдерживать строго и во время болезней; но в некоторых из них делать послабление, чтоб поскорее поправиться в здоровьи и опять начать те же подвижнические труды. Относительно того, от каких яств воздерживаться, Слово Божие ничего не возбранило есть, но изрекло: *се дах вам все, яко зелие травное. Ядите, ничтоже сумнящеся* (Быт. 9, 3; 1 Кор. 10, 25, 27). И еще: *не входящая во уста сквернят человека* (Мф. 15, 11). Итак, воздерживаться от некоторых яств да будет всегда делом нашего произволения и самоохотным подвигом души.

11. Спание на голой земле, бдение и все другие преутруждения выдерживай с охотою, взирая на имеющую тебе открыться славу со всеми святыми. *Недостойни бо страсти нынешняго времени к хотящей славе явитися в нас,* говорит Апостол (Рим. 8, 18). Когда станешь упадать духом, молись как написано (Иак. 5, 13); но молись со страхом и трепетом, с болезнованием сердца, трезвенно и бодренно. Так молиться должно особенно ради злобных и злокозненных невидимых врагов наших, которые всегда покушаются причинить нам помеху в этом деле. Когда они увидят нас стоящими на молитве, тогда и они проворно приступают к нам и влагают нам в ум то, о чем во время молитвы вспоминать или думать не должно, чтобы увести пленником наш ум и сделать бесплодными, тщетными и бесполезными наши моление и молитву во время молитвословия. Ибо тщетны и бесполезны молитва, моление и прошение, когда они, как сказано, совершаются не со страхом и трепетом, не с трезвением и бодренностию. Если приступая к царю – человеку, всякий излагает свое прошение со страхом и трепетом и со всем вниманием; не тем ли паче Богу, Владыке всех, и Христу, Царю царствующих и Господу господствующих, подобным образом должно предстоять, и таким же образом творить пред Ним свои молитвы и моления? Богу нашему слава во веки веков. Аминь.



Того же Евагрия.
Главы о различении страстей и помыслов [34].

1. О трех основных помыслах

Из бесов, противостоящих [духовному] деланию[35], первыми выступают те, которым вверены аппетиты чревоугодия, а также те, которые побуждают нас [к исканию] славы человеческой. Все другие [бесы] следуют за этими, воспринимая от предшественников [души] уязвленных ими. Ибо нельзя попасть в руки духа блуда тому, кто перед этим не впал [в страсть] чревоугодия; нельзя возмутиться гневом тому, кто не сражается за яства, или за деньги, или за славу человеческую; нельзя избежать беса печали тому, кто всего этого лишился, или не может стяжать[36]; нельзя избежать гордости, этого первого порождения диавола, тому, кто не исторг [из себя] «корень всех зол — сребролюбие» (1 Тим. 6, 10), поскольку, согласно мудрому Соломону, «нищета мужа смиряет» (Притч. 10, 4). И сказать кратко: нельзя человеку попасть [в руки какому-либо] бесу, если он прежде не был уязвлен предстоятелями [бесов][37]. Поэтому эти три помысла диавол некогда предложил Спасителю: первый, — когда просил камни сделать хлебами; второй, когда обещал [отдать] весь мир, если [Господь], пав, поклонится ему; третий, когда говорил, что если [Христос] послушается его, то про-

---

[34] Приводится по переводу А.И. Сидорова. Решил оставить подробные комментарии, на они были слишком подробные (перекрывали текст) и я их «подрезал».

[35] «Делание» (ἡ πρακτική), согласно учению Евагрия, является основным этапом духовного преуспеяния.

[36] Здесь речь идет об «укоризненной» печали или скорби (λυπή).

[37] Термин πρωτοστάτης обозначал офицера, стоящего впереди своего подразделения; здесь же, скорее всего, Евагрий подразумевает бесов — «застрельщиков», начинающих духовную брань и идущих как бы «в первых рядах» демонской рати.

славится и ничего не потерпит, бросившись вниз [с крыла храма][38]. Но Господь наш, явив Себя выше этих [искушений], повелел диаволу отойти прочь, научая этим также нас, что нельзя отразить диавола, если не презреть эти три помысла[39].

2. Чувственные представления и память на служке помыслам

Все бесовские помыслы вносят в душу представления чувственных вещей; запечатленный ими ум вращает образы этих вещей в самом себе. Следовательно, исходя из [представляемой] вещи можно узнать приближающегося [к нам] беса. Например, если мысленно предо мною предстает лицо обидевшего и унизившего меня, то этим изобличается приближение помысла памятозлобия; если всплывает воспоминание о богатстве или славе, то ясно, что мучитель наш узнается по вещи, [вызывающей эти воспоминания]. И в отношении других помыслов [также можно сказать, что] ты можешь обнаружить [того беса], который предстоит и внушает [тот или иной помысел]. Я не говорю, что все воспоминания о таковых вещах случаются от бесов, поскольку и самому уму, приводимому в движение человеком[40], присуще воображать [нечто] о существующих [вещах]. Нет, от бесов происходят только те воспоминания, которые увлекают яростное или желательное [начала души, заставляя их] двигаться вопреки своей природе[41]. Вследствие смятения этих сил [души] и ум прелюбодействует и [начинает] бунтовать[42], будучи не в состоянии воображать о Боге — Законоположнике своем[43], если только [не] появится та светозарность, которая бывает в [нашем] владычествен-

---

[38] См.: Мф. 4, 1-10. В двух посланиях Евагрия также говорится о том, что искушения Господа связаны с попыткой лукавого внушить ему страсти чревоугодия, сребролюбия и славолюбия.

[39] Трем названным помыслам или страстям всегда уделялось особое место в святоотеческой аскетике.

[40] Данное выражение (ο νους κινούμενος υπό του άνθρωπου) предполагает, скорее всего, что ум подчиняется волевому началу в человеке.

[41] Выделение в душе трех начал (разумного, яростного и желательного) было известно еще Платону и стало как бы «общим достоянием» античной антропологии. По поводу естественного движения этих трех начал ср. одно рассуждение Евагрия: «Разумная душа действует в соответствии с природой, когда желательная часть ее устремляется к добродетели, яростная же часть сражается за эту добродетель, а разумная часть обращается к созерцанию тварных вещей»..

[42] Это выражение (μοιχεύει και μάχεται) показывает, что беспорядочное движение неразумных частей души (яростной и желательной) приводит в смятение и часть разумную, которая по природе призвана владычествовать. Соответственно, это отражается и на соотношении духовного и телесного начал в человеке..

[43] Данное высказывание (του νομοθετησαντος αυτόν Θεού την φαντασίαν άναδέξασθαι μη δυνάμενος), как и встречающееся выше (των γεγονότων… τάς φαντασίας), показывает, что способность воображения («фантазия» в лучшем смысле этого слова), согласно Евагрию, является существенной способностью ума. Ее, как и все прочие способности, исказило грехопадение, сделав «прелестью», или способностью строить ложные иллюзии.

ном начале во время молитвы, при условии, [конечно], отсутствия всех мыслей о [тленных] вещах[44].

3. О борьбе против помыслов и предостережение против тщеславия

Человеку невозможно устранить страстные воспоминания, если он не приложит попечения о желательном и яростном [началах своей души]: первое ему следует истощать постом, бдением и сном на голой земле, а второе умерять долготерпением, прощением обид и милостыней. Из этих двух страстей[45] образуются почти все бесовские помыслы, которые ввергают ум «в бедствие и пагубу» (1 Тим. 6, 9). Никто не может одолеть эти страсти, если не пренебрежет он яствами, богатством и славой [мирской], а также если не пренебрежет он телом, ибо бесы часто пытаются нанести [свои] удары по нему[46]. Необходимо подражать тем, которые, подвергаясь опасности на море от сильных ветров и вздымающихся волн, выбрасывают [за борт лишние] вещи. Однако, делая это, следует бдить, чтобы не быть на виду у людей, ибо иначе можно потерпеть более страшное, чем прежнее, кораблекрушение, попав под встречный ветер тщеславия[47]. Поэтому и Господь наш, воспитывая ум — кормчего [нашего][48], говорит: «Смотрите, не творите милостыни вашей пред людьми с тем, чтобы они видели вас: иначе не будет вам награды от Отца вашего Небесного» (Мф. 6, 1). Также: «Когда молишься, не будь как лицемеры, которые любят в синагогах и на углах улиц, останавливаясь, молиться, чтобы показаться перед людьми. Истинно говорю вам, что они уже получают награду свою» (Мф. 6, 5). И еще: «Когда поститесь, не будьте унылы, как лицемеры: ибо они принимают на себя мрачные лица, чтобы показаться людям постящимися. Истинно говорю вам, что они уже получают награду свою» (Мф. 6, 16). Но здесь следует внимать Врачу душ[49]: как он посредством милостыни исцеляет яростное [начало души], посредством молитвы очищает ум, а желательное [нача-

---

[44] См.: Frankenberg W. Evagrius Ponticus. Berlin, 1912, S. 525. Сам же Евагрий (судя по всему, уже позднее) отвечал на этот вопрос довольно ясно: «Признаком бесстрастия является то, что ум начинает зрить собственное сияние, пребывает безмолвным в отношении к призракам сновидений и безмятежно взирает на все вещи».

[45] Подразумевается та мысль, что яростное (θύμος) и желательное (επιθυμία) начала души при их неправильном развитии превращаются в страсти гнева и похоти.

[46] Для Евагрия, как и для всех отцов-подвижников, чуждо еретическое презрение к телу, которое он рассматривает в качестве благого творения Божия и «орудия» (όργανον) души.

[47] На страсть тщеславия Евагрий, подобно другим древним инокам, обращает особое внимание. Так, разрабатывая «тактику» и «стратегию» духовной брани, он в трактате «О восьми лукавых духах», посвящает этому пороку целую главу.

[48] Обозначение разумного начала в человеке в качестве «кормчего» (κυβερνήτης) довольно часто встречается у Климента Александрийского.

[49] Так весьма часто обозначался Господь в древнецерковной письменности.

ло души] изнуряет постом. Из этого и образуется новый человек, «который обновляется… по образу Создавшего его» (Кол. 3, 10), в котором, вследствие бесстрастия, «нет мужеского пола, ни женского» (Гал. 3, 28) и в котором, благодаря единой вере и любви, «нет ни Еллина, ни Иудея, ни обрезания, ни необрезания, варвара, Скифа, раба, свободного, но все и во всем Христос» (Кол. 3, 11).

4. Значение памяти в сновидениях

Следует исследовать то, каким образов бесы запечатлевают наше владычественное начало и производят в нем образы во время сновидений. Ибо то же самое, как кажется, случается с умом, когда он либо [что-нибудь] видит посредством очей, либо слышит посредством слуха, либо [воспринимает что-нибудь] посредством одного из чувств, либо [черпает что-нибудь] из памяти, которая запечатлевает владычественное начало не через тело, но приводит в движение то, что получено ею посредством тела[50]. Итак, мне представляется, что бесы [при некоторых сновидениях] приводят в движение память, запечатлевая владычественное начало душа, ибо организм [в это время] пребывает бездействующим вследствие сна. Далее, следует исследовать еще и то, каким образом [бесы] приводят в двйжение память. Возможно, посредством страстей? — Да, и это явствует из того, что [мужи] чистые и бесстрастные не претерпевают ничего подобного[51]. Но бывает и простое движение памяти, происходящее либо от нас самих, либо от святых Сил, — и тогда мы встречаемся в сновидениях со святыми [мужами], беседуем и трапезничаем с ними. Следует обратить внимание на то, что те образы[52], которые душа воспринимает вместе с телом, эти же образы память приводит в движение и помимо тела — данное обстоятельство очевидно из того, что часто во снах мы претерпеваем подобные вещи, хотя тело пребывает в состоянии покоя. Например, вспоминать о воде можно, как испытывая жажду, так и не испытывая ее; о золоте можно вспоминать с [чувством] корыстолюбия, а можно и без него; в отношении прочих вещей дело обстоит также. И признаком злохудожества бесов[53] служит то, какие различные [сочетания] видений обретает ум [во время сна][54]. Кроме того, необходимо знать, что бесы пользуются и внешними вещами, чтобы [произвести в

---

[50] Следует отметить то, что в антропологии и в аскетическом учении первого учителя Евагрия — св. Василия Великого — память играла большую роль.

[51] Подразумеваются мужи, стяжавшие духовное здравие, т. е. достигшие святости.

[52] В данном случае Евагрий употребляет термин εἴδωλον, который в древнецерковной письменности весьма часто имел негативные смысловые значения, обозначая языческие идолы, призраки, грёзы, «фантомы ума» и т. д.

[53] Или: «ухищрения, злого умысла» (της εκείνων κακοτεχνίας).

[54] Так. кажется лучшим переводит это выражение (τό δέ τοιάσδε η τοιάσδε εύρίσκειν φαντασιών διαφοράς τον νουν). Предполагается, вероятно, что видения («фантазии») во снах могут иметь страстный или нейтральный характер.

уме] мечтание; например, они пользуются шумом волн для плывущих [по морю].

5. Господство над яростным началом [души]

Наше яростное начало, когда оно движется вопреки естеству, весьма способствует достижению бесами своей цели и бывает очень полезно для всякого злохудожества их. Поэтому никто из бесов не отказывается от того, чтобы ночью и днем приводить в смятение это начало. Однако, когда видят его скованным кротостью[55], тогда стараются под какими-либо предлогами освободить его, дабы оно, став более стремительным, могло сделаться пригодным для их зверских помыслов[56].

Вследствие чего нельзя раздражать это начало ни праведными, ни неправедными делами, чтобы не давать опасный меч в руки внушающих [нам злые помыслы], — я знаю, что многие часто делают это, воспламеняясь [гневом] больше, чем нужно, и [часто] по ничтожным поводам. Ради чего, скажи мне, ты столь скор на тяжбу[57], если ты презрел яства, богатства и славу [человеческую]? Почему ты [обильно] питаешь этого пса, дав обет ничего не иметь? Если он лает и бросается на людей, это значит, что он имеет нечто внутри и желает сохранить это стяжание. Я же убежден, что таковой [гневный человек] далек от чистой молитвы, зная, сколь губителен гнев для подобной молитвы. Кроме того, я удивляюсь, неужели он забыл святых, например, Давида, который восклицает: «Престани от гнева и остави ярость» (Пс. 36, 8), Екклезиаста, который заповедует: «Отстави ярость от сердца твоего, и отрини лукавство от плоти твоея» (Еккл. 11, 10), и Апостола, который повелевает воздевать на всяком месте «чистые руки без гнева и сомнения» (1 Тим. 2, 8)? Почему мы не научаемся из таинственного и древнего человеческого обычая: изгонять собак из жилищ во время молитвы?[58] Ведь он означает, что [в душе] молящихся не должно быть гнева. Также [сказано]: «Ярость змиев вино их» (Втор. 32, 33), а назореи воздерживаются от вина[59]. Один из внешних мудрецов произнес, что желчный пузырь и задние части брюшка [жертвенного животного] несъедобны для богов[60], не, ведая, как думаю я, о чем говорит. А по моему мнению желчный пузырь есть символ гнева, а задние части брюшка — символ неразумной похоти.

---

[55] Как вообще все пороки возникают из злоупотребления какой-либо силой или способностью души (благого творения благого Творца), так и порок гнева происходит из злоупотребления (т. е. противоестественного движения) яростного начала; лечится же он противоположными гневу добродетелями, в первую очередь — кротостью.

[56] Другими словами, яростное начало души должно постоянно находиться в узде или быть связанным, пребывать связанным (δεθέντα).

[57] См.: Притч. „25, 8. Букв, «на брань, на спор, на ссору» (εις μάχην).

[58] К сожалению, об этом обычае практически ничего не известно.

[59] См.: Втор. 6, 3. Образ «назорея» ассоциировался в древнецерковной письменности с христианским подвижничеством.

[60] Евагрий, обладающий хорошим светским образованием, ссылается на античного писателя Менандра.

6. Отсутствие попечения о мирских вещах

О том, что не следует печься об одежде или яствах, по моему мнению, излишне писать, ибо Сам Спаситель запрещает это, говоря: «Не заботьтесь для души вашей, что вам есть, что пить и во что одеться» (Мф. 6, 25)[61]. [Такое попечение] присуще язычникам и неверующим, отвергающим Промысл Владыки и отрицающим Творца. Христианам же, сразу уверовавшим, что и две малые птицы, продающиеся за ассарий (Мф. 10, 29), находятся под управлением святых Ангелов, подобное [отношение] совершенно чуждо. Однако у бесов есть обычай внушать после нечистых помыслов [помыслы] попечения [о суетных вещах], чтобы «Иисус скрылся в народе» (Ин. 5, 13), [то есть скрылся в массе многопопечительных] умопредставлений, [столпившихся] на месте мысли[62], и чтобы слово [Божие], заглушаемое терниями заботы [века сего], осталось бесплодным (Мф. 13, 22). Поэтому, отложив помыслы, [исходящие] из заботы [века сего], возвергнем «на Господа печаль нашу» (Пс. 54, 23)[63], «довольствуясь тем, что есть» (Евр. 13, 5); проводя скудную жизнь и пользуясь бедной одеждой, ежедневно будем отвергать отцов тщеславия. А если кто считает, что позорно носить бедную одежду, пусть посмотрит на святого Павла, который «на стуже и в наготе» (2 Кор. 11, 27) ожидал «венец правды» (2 Тим. 4, 81). И поскольку Апостол назвал мир сей «позорищем» (1 Кор. 4, 9) и «ристалищем» (1 Кор. 9, 24), то посмотрим, возможно ли тому, кто облачился в помыслы [житейского] попечения, устремляться «к почести вышнего звания Христова» (Флп. 3, 14) и бороться «против начальств, против властей, против мироправителей века сего» (Еф. 6, 12). Я этого не знаю, поскольку воспитан [только] земной действительностью[64]; [а она научает], что атлету [на состязаниях] мешает хитон, который делает его уязвимым. Так и уму мешают по-

---

[61] Так цитирует Евагрий. Для древних иноков это место Священного Писания, наряду с Мф. 6, 33-34; Мф. 6, 23 и другими, служило основой той главной интуиции их миросозерцания, которая предполагала убеждение, что целью монашеского жития является внутренняя свобода, т. е. свобода от тревог о будущем, свобода от, тирании воспоминаний о прошлом и т. д.

[62] Фраза, достаточно трудная для перевода (νοημάτων ἐν τω κατά διάνοιαν τόπω). Но, вероятно, «умопредставления» о суетных вещах, внушаемые бесами, становятся как бы «толпой» (ὄχλου — «народом»), беспорядочно кишащей в уме («месте мысли»); эта «толпа», производящая своего рода «броуновское движение», совершенно поглощает «Иисуса», т. е. Богомыслие, которое должно царствовать в этом «месте». Другими словами, житейская многозаботливость вытесняет из духовного центра человеческой личности молитву, как постоянное слово и мысль о Боге.

[63] Греческое слово μέριμναν («забота, попечение») текста «Септуагинты» передается в церковнославянском переводе как «печаль». Евфимий приводит толкование св. Кирилла: «Выражение — возлагать заботу на Господа — не означает совершенной безболезненности и бесчувствия...

[64] Букв, «научаемый самой этой чувственной историей» (ἀπ'αύτης δε της αισθητης παιδευόμενος ιστορίας). Скорее всего, данную фразу можно понимать как выражение обычного смирения и скромности, которые были присущи Евагрию.

мыслы [житейского] попечения, если истинно слово [Божие], глаголющее, что ум должен быть привержен своему сокровищу. Ибо сказано: «Где сокровище ваше, там будет и сердце ваше» (Мф. 6, 21)[65].

7. О том, как одни помыслы пресекают другие

Из помыслов одни пресекают, а другие бывают пресекаемы. Так, помыслы лукавые пресекают помыслы благие, а лукавые, в свою очередь, пресекаются благими. И Святой Дух внимательно следит за тем, какой помысел водворяется первым [в уме] и, судя по этому, осуждает или принимает [нас]. Под моими словами необходимо подразумевать следующее: я имею помысел страннопримства, и имею его ради Господа[66], но этот помысел пресекается [другим], когда приходит искуситель и внушает [мысль] страннопримствовать ради славы. Но, с другой стороны: имею помысел страннолюбия для того, чтобы перед людьми казаться [гостеприимным], и этот помысел пресекается, когда его перехватывает лучший, направляющий добродетель нашу паче ко Господу и понуждающий нас не ради людей творить такие [деяния]. Итак, если делами [своими] мы пребываем верными первым [помыслам], хотя и искушаемся вторыми, то будем иметь воздаяние за первый из водворенных помыслов, потому что, будучи людьми и находясь в состоянии борения с бесами, мы не в силах всегда сохранять первый помысел нетленным[67]; но и наоборот, нельзя лукавому помыслу [в нас всегда] быть неискушаемым, поскольку мы стяжали семена добродетели. Впрочем, когда один из пресекающих помыслов задерживается, он занимет место помысла пресекаемого, — и тогда человек, побуждаемый этим [задержавшимся] помыслом, приступит к действию.

8. Три вида помыслов: помыслы ангельские, человеческие и бесовские

Путем долгого наблюдения мы познали различие между помыслами ангельскими, человеческими и бесовскими[68]; а именно: мы познали, что

---

[65] См. толкование: «Сердцем здесь назвал ум. Он говорит: если даже ничего из того не бывает, однако вообще, где сокровище, там будет и ум ваш. Но не малый вред для души в том, что ум пленен здесь, связан многоразличною заботою об охранении сокровища, порабощен такой тирании и не смеет перейти к другой мысли».

[66] Добродетель «страннопримства» (φιλοξενίας) высоко ценилась древними иноками.

[67] Эта фраза (αεί κατέχει τον ορθόν λογισμόν αφθαρτον ουκ ισχύομεν) находит отклик в одной схолии на «Книгу Притч», где Евагрий, толкуя Притч. 5, 20 («не много будь к чуждей»), замечает, что, будучи человеком, невозможно полностью воздерживаться от лукавых помыслов; однако, для человека возможно не задерживаться (μή χρονίζειν) в них.

[68] Это различие помыслов, предполагающее учение о «различении духов», восходит к древнехристианскому аскетическому богословию. Свидетельство о нем оставил Ориген, который говорит: «Мы находим, что помыслы, исходящие из нашего сердца, или воспоминание о каких-нибудь событиях, или представление о каких-либо вещах и делах иногда происходят от нас самих, иногда возбуждаются противными силами, иногда же внушаются Богом или святыми Ангелами».

ангельские [помыслы] прежде всего усердно взыскуют естество вещей и отыскивают их духовные смыслы[69]. Например, они взыскуют, ради чего создано золото и почему оно рассеяно в виде песка где-то в недрах земли, отыскиваемое здесь с большим усилием и трудом? Почему, найденное, оно промывается водой и предается огню, а потому уже попадает в руки мастеров, делающих из него для скинии светильник, кадильницу, возливальники и чашу (Исх. 25, 29, 31), из которых, по благодати Спасителя нашего, не пьет уже царь Вавилонский (Дан. 5, 1-30), но Клеопа, который приносит пылающее от этих таинств сердце (Лк. 24, 13-32)[70]. Бесовский же помысел не ведает и не знает этого, но только лишь бесстыдно внушает [желание] обладать чувственным золотом, предсказывая, что [подобное обладание] принесет роскошь и [земную] славу. А человеческий помысел ни стяжания золота не ищет и не исследует символом чего является оно, но только вносит в мысль простой образ золота, вне всякой связи со страстью корыстолюбия.

То же самое рассуждение можно распространить и на другие вещи, тайнозрительно упражняя [ум свой] соответственно этому правилу[71].

9. О бесе — «скитальце»

Есть бес, называемый «скитальцем»[72], который предстает перед братиями преимущественно под утро. Он водит ум из города в город, из селения в селение и из дома в дом; сначала устраиваются простые встречи, затем происходят беседы со знакомыми и, наконец, ведутся долгие разговоры. Вследствие таких [мнимых] встреч губится собственное [мирное] состояние [души подвижника][73] и он понемногу отходит от ве-

---

[69] Учение об этих «смыслах»,: «словесах» или «логосах» (πνευματικούς… λόγους) играет существенную роль в миросозерцании Евагрия. Подобный «логос» какого-либо естества, согласно ему, представлял онтологический принцип или «идею» его.

[70] Эту мысль Евагрия, вероятно, можно истолковать так: тайны тварного мира, сосредоточенные в его «смыслах» или «логосах», были частично явлены в ветхозаветном Откровении (символом его является скиния и ее золотые сосуды), а затем похищены язычниками (их символизирует царь Вавилонский). Но с Воплощением Бога Слова полнота их явлена в Церкви Христовой (ее олицетворяет Клеопа).

[71] Данная фраза (κατά τον κανόνα τούτον μυστικως γυμναζδμενος) предполагает широко распространенное представление о христианине (идеальным воплощением его является подвижник, инок) как об атлете, борце.

[72] Слово πλάνος может иметь смысл и «обманщик», но здесь речь идёт именно о бесе — «бродяге», который заставляет ум подвижника «блуждать», поскольку, по словам самого же Евагрия, «ум легкоподвижен и неудержим [в своем стремлении] к беззаконным мечтаниям».

[73] Данное «состояние» (την οίκείαν κατάστασιν), вероятно, не является тем «мирным состоянием», которое случается по причине «тактического отступления» темных сил, но есть состояние духовной сосредоточенности (а его также можно назвать «умиротворенным, спокойным»), стяжаемое долгим подвижническим трудом;

дения Божиего и от добродетели, забывая [в конце концов] и об обете [своем]. Поэтому отшельнику необходимо внимательно наблюдать за этим бесом [и знать], откуда он приходит и куда уходит, потому что не наобум и не как придется совершает он этот большой круг[74], но поступает он так [намеренно], желая погубить [мирное] состояние [души] отшельника, дабы ум, распалившись подобными вещами и опьянев от таких встреч, сразу попал [в руки] или беса блуда, или беса гнева, или беса тоски, то есть тех бесов, которые более всего омрачают светлость состояния [души] отшельника. Однако, если мы ставим перед собой цель ясно знать коварство этого беса, то нельзя сразу же обращаться к нему со словами [прекословия] и обнаруживать тем самым происходящее[75]: как он устраивает встречи [с близкими людьми] в мысли [нашей] и как он понемногу загоняет ум [в сети] смерти. — [Если он обнаружит это, то сразу же] убежит от нас, ибо не переносит того, чтобы [кто-нибудь] видел его деяния; а вследствие этого мы не узнаем того, что стремились узнать. Поэтому лучше позволим ему на другой или на третий день довестй до конца свое действо[76], чтобы, точно разузнав о [всей] интриге его, обличить его [одним] словом и обратить в бегство. Но поскольку во время искушения ум [наш обычно] бывает замутненным[77] и не может ясно видеть происходящее, то, после удаления беса, тебе надо сделать следующее: сидя [в келлии своей][78], вспомни о том, что произошло с тобой, откуда ты вышел и куда дошел, на каком месте был схвачен духом блуда, или гнева, или тоски и каким образом все произошло. Изучи это и запечатлей в памяти, чтобы изобличить беса, когда он придет; укажи и

благодаря этому последнему состоянию, и произрастают семена добродетели, изначально посеянные Богом в нашей душе.

[74] Эта фраза (τον μακρόν εκείνον κύκλον εργάζεται) предполагает, что под утро (вероятно, после ночных молитв или богослужения) указанный бес ходит как бы окрест подвижника, улавливая подходящий момент для нападения.

[75] Подобное высказывание Евагрия (μή ταχέως φθεγξώμεθα προς αυτόν μηδε μηνύσωμεν τά γινόμενα) следует понимать, скорее всего; в свете той духовной практики «прекословий», которая получила распространение в древнеегипетском монашестве и которую в определенной степени систематизировал Евагрий. Суть этой практики сводилась к тому, что при нападении какого-нибудь определенного беса или при приражении конкретного помысла читались известные места из Священного Писания и соответствующие молитвы.

[76] Букв, «пьесу, драму» (τό δραμα). Бес предстает в данном случае как режиссер и одновременно актер, ставящий в своем «театре одного актера» пьесу, имеющую фабулу («интригу» — τό σκευώρημα).

[77] Или: «омраченным» (τεθολωμένον); о такой способности бесовских сил помрачать или замутнять владычественное начало нашей души говорил и Ориген (τό ήγεμονικόν ημών θολώσαντος). См.: Origene. Commentaire sur saint Jean, t. IV. Ed. par C. Blanc // Sources chretiennes, N 290, Paris, 1982, p. 320.

[78] Обычное положение древних иноков при молитвенном созерцании или рукоделии.

скрываемое им место — и ты уже больше не последуешь за ним. А если захочешь привести [этого беса] в бешенство, обнаружь, где он находится, а также словом обозначь первое место, в которое он вошел, а затем — второе и третье: тогда он придет в сильное негодование, не перенося позора[79]. Доказательством того, что ты вовремя обратился к нему со [словом] обличения, будет бегство помысла от тебя, ибо он не может пребывать на месте, будучи [столь] явно обличаемым. За победой над этим бесом следуют: тягчайший сон, омертвение очей, сопровождаемое их сильным охлаждением, непомерная зевота, отягощение и оцепенение плеч — все это расторгнет Святой Дух благодаря усиленной молитве.

10. Совершенная ненависть к бесам

Ненависть к бесам весьма способствует нашему спасению и очень пригодна для свершения добродетелей. Однако мы не в силах питать ее в самих себе, словно благой зародыш, поскольку сластолюбивые духи умерщвляют ее и опять призывают душу к обычной дружбе [с бесами]. Впрочем, эту дружбу, или, вернее, трудноисцелимую гангрену, исцеляет Врач душ посредством богооставленности[80], попуская терпеть от этих бесов нечто ужасное и днем и ночью. И душа [благодаря этому] опять возвращается к первообразной ненависти, научаемая обращаться ко Господу со словами, сказанными Давидом: «Совершенною ненавистию возненавидех я, во враги быша ми» (Пс. 138, 22). Ведь совершенной ненавистью ненавидит врагов тот [человек], который на грешит не только делом, но и в мысли[81]. А это есть признак великого и первого бесстрастия.

11. О бесе нечувствительности

Стоит ли что-нибудь говорить о бесе, делающем душу нечувствительной? Что касается меня, то я боюсь даже писать о нем, [то есть писать о том], как душа во время прихода его удаляется от [мирного] своего состояния, совлекает с себя страх Божий и благоговение, грех не считает грехом, а беззаконие — беззаконием, вспоминает о наказании и вечном Суде, только как о пустом слове, и «ругает же ся трусу огненосному» (Иов. 41, 21). Конечно, [такая душа] исповедует Бога, но повеле-

---

[79] Согласно Евагрию, бесы «весьма негодуют на тех, кто предается [духовному] деланию ведующим образом, желая состреляти во мраце правые сердцем (Пс. 10, 2)».

[80] Об этой богооставленности (ἐγκατάλειψις) Евагрий говорит: «Помни о пяти причинах богооставленности, чтобы смочь оправиться от малодушия, которое является следствием печали. Прежде всего, богооставленность проявляет скрытую добродетель. Когда же об этой добродетели не радеют, то она через наказание восстанавливается и становится причиной спасения других. А когда добродетель становится слишком выдающейся, то богооставленность научает смирению тех, кто ею обладает. Наконец, опытно испытавший зло [начинает] ненавидеть его, а поэтому опыт есть отпрыск богооставленности, сама же богооставленность есть дочь бесстрастия».

[81] В другом своем сочинении («К монаху Евлогию» — оно неправильно приписывается преп. Нилу) Евагрий говорит о «ненависти ко греху» (το της αμαρτίας μίσος).

ний Его не знает. Бьешь себя в грудь, когда она движется ко греху, но она [ничего] не чувствует; говоришь от Писаний, а она, целиком окаменев, [ничего] не слышит; представляешь ей поношение от людей, а она ни во что ставит срам перед братиями. [Вообще, такая душа ничего] не воспринимает подобно свинье, которая, закрыв глаза, ломает ограду свою. Этого беса приводят [с собой] задержавшиеся [в душе] помыслы тщеславия; и о нем [сказано]: «Если бы не сократились те дни, то не спаслась бы никакая плоть» (Мф. 24, 22). [Таковой бес часто] бывает у тех, . кто редко встречается с братиями, и причина этого очевидна, ибо при виде несчастий других либо угнетаемых болезнями, либо попавших в тюрьму, либо пораженных внезапной смертью, этот бес пускается в, бегство, поскольку душа, постепенно приходя в сокрушение и [преисполняясь] сочувствием, освобождается от окамененного бесчувствия, возникшего под влиянием беса. Впрочем, [зрелища подобных несчастий] мы лишены вследствие [нашего обитания] в пустыне и редкости [среди нас] немощных[82]. Изгонять именно этого беса особенно повелевает в Евангелиях Господь, предписывая навещать больных и посещать находящихся в темнице: «Был болен, и вы посетили Меня; в темнице был, и вы пришли ко Мне» (Мф. 25, 36). Кроме того, следует знать, что если кто-нибудь из отшельников, попав [в руки] этого беса, не принял блудных помыслов или не оставил [своего] жилища вследствие уныния[83], это значит, что он принял нисшедшие [к нему] с небес целомудрие и терпение. Блажен он, [сподобившись] такого бесстрастия. Что же касается тех, которые, дав [иноческий] обет, предпочитают, вместо [строгого] благочестия, жить с мирскими [людьми], то пусть они остерегаются этого беса. А что до меня, то [при желании] говорить или писать об этом бесе что-нибудь еще меня охватывает стыд перед людьми.

12. О бесе печали

Все бесы научают душу [быть] сластолюбивой и только один бес печали не позволяет ей этого делать; [более того], он [даже] губит [порочные] помыслы тех, кто вступил [в пустыню], кто пресек всякое наслаждение своей души и иссушил его печалью[84], если действительно

---

[82] Евагрий жил обычно в пустыне Келлий, куда «удалялись обыкновенно любители уединения из горы Нитрийской, после того как уже утвердились в жизни иноческой.

[83] Согласно Евагрию, грех уныния (ἀκηδία) проявляется во множестве форм (лень заниматься рукоделием, нерадение в исполнении своего правила, незнание Священного Писания и т. д.). Одной из разновидностей такого внешнего проявления этого греха является ненависть к избранному месту подвижничества — к своей келлии, к своему монастырю и т. д.

[84] По аскетическому учению Евагрия, лукавые помыслы (а также их вдохновители — бесы) не только «сотрудничают» друг с другом и вступают в «военные союзы», но и часто соперничают друг с другом, ссорятся, и даже ведут «междоусобные брани». Победителям в этих «бранях» нередко оказывается бес печали, ибо, как говорит Евагрий, «из помыслов одни только помыслы печали являются гибельными для всех [остальных] помыслов».

«мужу печальну засышут кости» (Притч. 17, 22). И умеренно воюя с отшельником, он делает его искусным, убеждая его не приближаться ни к одному [из удовольствий] мира сего и избегать всякого наслаждения. Однако, укоренившись [в нас, этот бес] рождает помыслы, которые советуют душе убить саму себя[85], либо побуждают ее бежать подальше от места [своего подвижничества]. Это некогда помыслил и претерпел святой Иов, мучимый этим бесом: «Аще бы возможно было, сам бых себе убил, или молил бых иного, дабы ми то сотворил» (Иов. 30, 24). Символом этого беса является ехидна, яд которой, даваемый человеку в умеренных дозах, уничтожает яды других зверей[86], а принятый в неумеренном количестве губит само живое существо, [принявшее его]. Этому бесу [Апостол] Павел предал коринфского беззаконника (1 Кор. 5, 1-5); поэтому он вскоре опять пишет к коринфянам: «Окажите ему любовь, дабы он не был поглощен чрезмерною печалью» (2 Кор. 2, 7-8)[87]. Впрочем, [Апостол] знал, что этот угнетающий людей дух [иногда] становится защитником благого покаяния. Поэтому святой Иоанн Креститель назвал ужаленных этим бесом и прибегающих к Богу «порождениями ехидны», говоря им: «Кто внушил вам бежать от будущего гнева? Сотворите же достойный плод покаяния; и не думайте говорит в себе: «отец у нас Авраам»; ибо говорю вам, что Бог может из камней сих воздвигнуть детей Аврааму» (Мф. 3, 7-9). Впрочем, всякий, кто, подражая Аврааму, исшел из земли своей и от рода своего (Быт. 12, 10), стал [тем самым] сильнее этого беса[88].

13. О стяжании кротости

Кто одолел ярость, тот одолел бесов, но кто стал рабом этой ярости, тот чужд монашеской жизни и непричастен путям Спасителя, поскольку Господь, как говорится, «научит кроткия путем Своим» (Пс. 24, 9). И потому ум отшельников становится трудноуловимым [для бесов], что он убегает на [широкую] равнину кротости. Ибо ни< одна из добродетелей

---

[85] Так, думается, лучше переводить выражение: ὑπεξάγειν ἑαυτην. Ср.: «Немилосердных после смерти примут немилосердные бесы, а наиболее немилосердных — бесы еще более бесчеловечные. А если дело обстоит так, то от [насильственно] прекращающих свою жизнь скрыто, какие бесы встретят их после кончины? Ибо говорят, что никто из тех, чья смерть произошла по воле Божией, не предается таковым бесам».

[86] Как констатируют издатели в своем комментарии, Евагрий в данном случае ссылается на один из принципов медицины Гиппократа: «подобное исцеляется подобным» (similia similibus curantur).

[87] Так цитирует Евагрий. По святоотеческому изъяснению, «таковой может сделать то же, что сделал Иуда, или что он в образе жизни может сделать хуже. Ибо хотя, говорит, он и не таков, чтобы не мог более переносить мучений продолжительного наказания, но, потеряв терпение и надежду, легко может посягнуть на свою жизнь, или предаться большему нечестию».

[88] Авраам в древнемонашеской письменности часто выступал как прообраз христианских иноков и их «странничества».

не является столь страшной для бесов, как кротость[89]. Именно ее стяжал тот великий Моисей, который назван кротким «паче всех человек» (Чис. 12, 3); и святой Давид назвал ее достойной памяти Божией, сказав: «Помяни, Господи, Давида и всю кротость его» (Пс. 131, 1); наконец, и Сам Спаситель повелел нам быть подражателями кротости Его: «Научитесь от Мене: ибо Я кроток и смирен сердцем» (Мф. 11, 28). Однако, если кто-нибудь, воздерживаясь от яств и напитков, раздражает лукавыми помыслами яростное начало [своей души], то он подобен плывущему в открытом море кораблю, кормчим которого является бес. Поэтому необходимо внимательно следить, насколько возможно, за этим нашим псом[90] и обучать его тому, чтобы он уничтожал только волков, а овец не трогал, проявляя «всякую кротость ко веем человекам» (Тит. 3, 2).

14. О помысле тщеславия

Из помыслов только один помысел тщеславия многовещественен[91]; он охватывает почти всю вселенную и открывает врата всем бесам, словно лукавый предатель некоего града. Особенно смиряет он ум отшельника, наполняя его многими словами и вещами, и разрушает его молитвы, которыми отшельник старается исцелить все язвы своей души. Этот помысел взращивают все вместе уже побежденные бесы[92]; и, с другой стороны, благодаря ему входят в души [людей] все [прочие] бесы — и тогда они действительно делают «последнее хуже первого» (Мф. 12, 45). От этого помысла рождается помысел гордыни[93], низринувший с небес на землю «печать уподобления и венец доброты» (Иез. 28, 12)[94]. «Но отскочи, не замедли на месте» (Притч. 9, 18)[95], чтобы не предать «иным живота» нашего и «жития» нашего «немилостивым» (Притч. 5,

---

[89] В своих творениях Евагрий неоднократно обращается к добродетели кротости (πραότης), считая ее обычно главным противовесом яростного начала души (о θυμός), а, соответственно, и страсти гнева. Кротость часто ассоциируется у него со смирением, милостивостью и прочими добродетелями; именно она в первую очередь делает ум чистым, а тем самым открывает ему путь к высшему ведению.

[90] Яростное начало души сравнивается с собакой.

[91] Ср.: «Из помыслов одни нематериальны (αυλοί —невещественны), другие — маломатериальны (όλιγόυλοι — маловещественны), а третье — многоматериальны (πολύυλοι — многовещественны). Нематериальные суть помыслы, [происшедшие], из первой гордыни, маломатериальные — помыслы блуда, а многоматериальные — помыслы тщеславия».

[92] Ср.: «После поражения остальных помыслов, только помыслы тщеславия и гордыни начинают возникать в нас».

[93] В другом своем сочинении («О восьми лукавых духах», приписываемом преп. Нилу) Евагрий замечает: «Блистание молнии предуказывает громовой удар, а гордости возвещает тщеславие».

[94] Ясно и неоднозначно это место Священного Писания (наряду с другими) соотносит с Люцифером преп. Иоанн Кассиан Римлянин.

[95] Ср. краткое объяснение Евагрия: эти слова означают, что ум не должен медлить (задерживаться) среди порочных умопредставлений (ού δει τον νουν έγχρονίζειν τοις φαύλοις νοήμασι). Evagre le Pontique. Scholies aux Proverbs, p. 212.

9)[96]. Этого беса изгоняет усиленная молитва и добровольный отказ от того, чтобы что-либо делать или говорить для [стяжания] проклятой славы.

15. Начало бесстрастия и тщеславие

Когда ум отшельников достигает некоторого бесстрастия[97], то сразу же он приобретает коня тщеславия и скачет [на нем] по городам, упиваясь неумеренной похвалой [тщетной] славы. Тогда, по Домостроительству [Божиему], его встречает дух блуда и запирает в один из хлевов. Так он научает ум не оставлять свой одр до полного выздоровления[98] и не уподобляться тем беспутным больным, которые, еще нося остатки недуга в себе, пускаются в путешествия, позволяют себе несвоевременно посещать бани, а поэтому опять впадают в прежние болезни. А поэтому лучше будем, сидя [в келлиях своих], внимать самим себе[99], чтобы, преуспевая в добродетели, сделаться нам трудноподвижными к пороку, а обновляясь в ведении, воспринять множество разнообразных созерцаний[100] и, наконец, вознесшись горе в молитве, узрить нам яснейшим образом свет Спасителя[101].

---

[96] Как объясняет опять Евагрий, эти слова Писания показывают, что яростная часть преобладает в [душе] бесов (τό θυμικόν μέρος έπιρατει έν τοις δαίμοσχν). Ibid., p. 150.

[97] Данная фраза Евагрия (όλιγης άπαθείας — «малого бесстрастия») показывает, что в аскетике его различается несколько стадий преуспеяния в бесстрастии, по крайней мере две (см. выше в гл. 10 высказывание о «первом и великом бесстрастии»). Это учение развил преп. Максим, который выделяет четыре таких стадии: «Первое бесстрастие есть полное воздержание от осуществления зла на деле, и оно наблюдается у новоначальных; второе бесстрастие — полное отвержение и в мысли [всякого] соизволения на порочные помыслы у тех, которые сопричаствуют добродетели вместе с разумом; третье бесстрастие — полная неподвижность желательного начала [души] относительно страстей у тех, которые через зримые образы вещей проникают умным видением в смыслы («логосы») их; четвертое бесстрастие есть полное очищение и от простого представления о страстях в воображении у тех, которые посредством ведения и созерцания соделали владычественное начало своей души чистым и прозрачным зерцалом Божиим».

[98] Подразумевается, что страсти суть заболевания души и ума; под «одром» («постелью») в данном случае подразумевается келлия.

[99] Эта фраза (καθεζόμενοι πρόσχωμεν μάλλον έαυτοίς) является, скорее всего, отзвуком Втор. 15, 9.

[100] Данная фраза (άνακαινούμενοι δέ έν τη γνώσει ποικίλων προσλαμβάνομεν πλήθος θεωρημάτων) соотносится с этапом «естественного созерцания» и является развитием мысли св. Апостола Павла о «многоразличной премудрости Божией» (Еф. 3, 10).

[101] Эти слова (υφούμενοι δέ πάλιν κατά την προσευχήν φανερώτερον τό του Σωτηρος ημών έποπτεύομεν φως) относятся, согласно учения Евагрия, уже к этапу собственно богословия. Для Евагрия подобное богословие было совершенно немыслимо без молитвы, а, к тому же, врата Боговедения, как он постоянно подчеркивал, может открыть нам только Спаситель наш Господь Иисус Христос. Естественно, что Евагрием предполагается и важнейшая роль церковных таинств (в первую оче-

16. О злоумышлениях бесов

Я не могу описывать все коварства бесов и стыжусь перечислять все злоумышления их, боясь [ввести в соблазн] наиболее простых из читателей[102]. Впрочем, послушай о лукавстве беса блуда. Если кто-нибудь стяжает бесстрастие желательной части [души] и постыдные помыслы [уже достаточно] охладеют [в нем], то тогда [бес] внедряет [в сердце образы] мужчин и женщин, занимающихся [срамными] игрищами друг с другом, и делает отшельника зрителем этих постыдных дел и [бесстыдного] поведения. Но это искушение не из числа долго задерживающихся [в душе], ибо усиленная молитва и весьма скудное питание, вместе с бдением и упражнением в духовных созерцаниях, рассеивают его словно «.безводное облако» (Иуд. 12). Бывает, что [этот бес] касается плоти, насильно заставляя ее разжигаться неразумным огнем[103]. Этот лукавый изобретает и тысячи других [козней], которые нет необходимости делать известными и передавать в письменном виде. Весьма действенным в отношении таковых помыслов является кипение яростного начала [души], когда оно направлено против беса, — этой ярости он боится больше всего, если она возмущается против его помыслов и уничтожает умопредставления, [внушенные] им[104]. Это и означают слова: «Гневайтеся, и не согрешайте» (Пс. 4, 5), которые являются полезным лекарством для души, применяемым при искушениях. Этому бесу подражает бес гнева, который выдумывает, что некоторые из родителей, друзей или сродников подвергаются оскорблениям от [людей] недостойных, и [таким образом] возбуждают ярость отшельника, [заставляя его] либо произнести дурные слова мысленно представляемым [обидчикам], либо совершить [что-либо оскорбляющее их]. Поэтому необходимо быть внимательным к та-

---

редь — крещения), которые позволяют «свету в нас» зрить Божественный Свет. В данном случае, как и в ряде других, он наследует лучшие традиции александрийского богословия.

[102] В данном случае, как и во многих других, Евагрий являет себя глубоко целомудренным писателем. В «Антирретике» он также замечает, что бесовские «неизреченные пороки» не должны с обнажающей ясностью запечатлеваться в письменном виде (ἐν τῇ γραφῇ), чтобы не охлаждать усердия подвизающихся (την σπουδήν των άγονιζομένων), не вносить смуту в душу уже отрекшихся от мира и не соблазнять простых людей (ἰδιώτας), пребывающих в миру.

[103] В сочинении «К монаху Евлогию» (оно в некачественных и поздних рукописях неверно приписывается преп. Нилу) Евагрий описывает и совершенно иную тактику бесов: иногда они усыпляют в подвижнике «разжжение плоти, с хитрым намерением не дают во внутренности места нечистым помыслам, чтобы человек подумал, будто бы дух блуда препобежден суровостию его жизни, сердце его, близко к светлости святых и взошел он на самый верх святости».

[104] Ср. следующую мысль Евагрия: «Когда, борясь за добродетель, яростное начало [души] наносит удары бесам (πυκτεύτι τοΓς δαίμοσιν), оно является сильным и достохвальным (επαινετός), а когда оно, сражаясь за тленные вещи, наносит удары людям, то [делается] зазорным (ψεκτός)».

ким [вещам] и побыстрее избавлять от этих призраков ум, чтобы он не задерживался в них во время молитвы и не стал «головней дымящейся» (Ис. 7, 4). Этим искушениям [особенно] подвержены [люди] раздражительные, легко склонные на гнев — они [обычно] бывают далеки от чистой молитвы и ведения Спасителя нашего Иисуса Христа.

17. О необходимости защищать добрые умопредставления

Умопредставления века сего Господь поручил человеку, как [поручают] овец доброму пастырю[105], ибо говорит: «Всякий век дал есть в сердце их» (Еккл. 3, 11)[106] в помощь уму[107] он присоединил к нему яростное и желательное [начала души], чтобы посредством первого он обращал в бегство умопредставления волков, а посредством второго он, часто настигаемый [сильными] дождями и [шквальными] ветрами, любил [своих] овец. К этому Господь присовокупил закон, как пасти овец, а также [даровал] «место злачно» и «воду покойну» (Пс. 22, 2), «псалтирь» и «гусли» (Пс. 56, 9; Пс. 107, 3), «жезл» и «палицу» (Пс. 22, 4), чтобы от этого стада он и питался, и одевался, и собирал «сено нагорное» (Притч. 27, 25). Ибо [Апостол] говорит: «Кто, пася стадо, не ест молока от стада?». (1 Кор. 9, 7). Поэтому отшельник должен ночью и днем стеречь это стадо, чтобы не оказалось ни одного из умопредставлений «растерзанного зверем» (Быт. 31, 39) или попавшего разбойникам (Лк. 10, 30). А если что-нибудь подобное случится [где-либо] в лесистом ущелье, то [следует] сразу же исторгать [похищенный помысел] из пасти

---

[105] Толкуя Притч. 28, 7 («Хранит закон сын разумный; а иже пасет несытость, бесчестит отца своего»), Евагрий замечает: «Он называет «пастухом» ум, а «овцы» же суть страстные умопредставления, которые в нем (τά ἐν αὐτω εμπαθή νοήματα); когда он питает их в себе, то «преступлением закона бесчестит Бога» (Рим. 2, 23). Ибо несытость души есть страстные помыслы, которые осуществляются [на деле] посредством тела, а несытость ума есть принятие (ὑπόληψις) ложных догматов и созерцаний».

[106] Изъясняя Еккл. 3, 10-13 в довольно обширной схолии, Евагрий говорит, что Бог дает мысли человеческой попечение о чувственных вещах до того, как она пройдет процесс очищения. После него «чистый» (о καθαρός) уже не рассматривает эти чувственные вещи как единственные предметы, достойные попечения ума, но видит в них лишь средства для духовного созерцания (την πνευματικήν θεωρίαν). Ибо одно дело, когда ум запечатлевается (τυποῦται ο νους) чувственными вещами, т. е. когда он рассматривает [все] чувственным образом и посредством чувств, и другое дело, когда он созерцает «смыслы» («логосы»), которые находятся в этих вещах. Ведения этих «смыслов» удостаиваются только люди «чистые», тогда как постижение (κατανόησις) [чувственных] вещей посредством чувств присуще как «чистым», так и «нечистым». Это постижение и называется «преходящим попечением» (περισπασμόν πρόσκαιρο ν), ибо Бог, промышляя о страстной душе, даровал ей и чувства, и чувственные вещи, чтобы она, мысля и заботясь о них, избегала [лукавых] помыслов, внушаемых супротивниками. Под «веком» подразумеваются «смыслы века» (τους λόγους του αιώνος), и это есть то Царство Небесное, которое внутрь нас есть (Лк. 17, 21) и которое не находится людьми, ибо сокрыто от них их же страстями.

[107] Букв. «ему», но подразумевается человек, отождествляемый с умом.

льва и медведицы (1 Цар. 17, 34-37). Помышление о брате растерзывается зверем, если оно пасется в нас вместе с ненавистью; помышление о женщине растерзывается зверем, если оно вскармливается в нас вместе с постыдным вожделением; помышление о серебре и золоте [становится добычей зверей], если находится в загоне вместе'с корыстолюбием; а помыслы о святых дарованиях [делаются их жертвой], если они щиплят траву [на пастбище] мысли вместе с тщеславием. То же самое происходит и с другими умопредставлениями, похищаемыми [разнообразными] страстями. Их должно стеречь не только днем, но неусыпно охранять также ночью, ибо бывает, что [человек], предавшийся постыдным и лукавым мечтаниям, губит свою собственность. Об этом и говорит [праотец наш] Иаков: овец «звероядины не принесох к тебе: аз воздаях тебе от мене самаго татбины денныя и татбины нощныя: бых во дни жегом зноем, и студению в ночи, и отхождаша сон от очию моею» (Быт. 31, 39-40). Если вследствие тяжкого труда[108] на нас нападает уныние, взберемся немного на скалу ведения, возьмем в руки псалтирь и ударим [плектром] добродетелей по струнам ведения. Тогда снова будем пасти овец под горой Синайской, чтобы Бог отцов наших и к нам возвал из купины (Исх. 3, 1-6), даровав и нам [познание] смыслов знамений и чудес[109].

18. Два вида бесов

Из нечистых бесов одни искушают человека как „ человека, а другие приводят его в смятение как неразумное животное. Когда на нас нападают первые, они внедряют в нас мысли тщеславия, гордости, зависти и осуждения, которые не встречаются ни в одной из неразумных [тварей]; а когда приближаются вторые, то они приводят в противоестественное движение яростное или желательное [начала души], ибо эти страсти суть общие для нас и для неразумных животных, хотя у нас они скрываются под разумной природой. Поэтому тем [людям], которые впадают в [чисто] человеческие помыслы, Святой Дух речет: «Аз рех: бози есте, и сынове Вышняго вси. Вы же яко человецы умираете, и яко един от князей падаете» (Пс. 81, 6-7). А что глаголет Он тем, которые приводятся в движение [вторыми бесами и поступают] неразумно? — «Не будите яко конь и меск, имже несть разума: броздами и уздою челюсти их востягниши, не приближающихся к тебе» (Пс. 31, 9). Если «душа же согрешающая, та умрет» (Иез. 18, 4 и 20), то ясно, что люди,

[108] Эта фраза (ἐκ του καμάτου) подразумевает вообще христианское трудничество и тяжкий труд аскезы иноков, в частности. О таком трудничестве см. одно высказывание преп. Макария Египетского: «Христианин не должен, как наемник или раб, искать удобного случая, чтобы отлынивать от тяжелой работы, но, как сын и наследник (Гал. 4, 7), с благим расположением и усердием служить [своему] Отцу до конца, чтобы потом стать наследником отцовского достояния».

[109] Вероятно, речь идет о том духовном ведении, которое даруется благодатью Божией. В святоотеческом богословии образ неопалимой купины довольно часто ассоциируется с подобным ведением.

умирающие яко человецы, людьми и погребены будут[110]; те же, которые умирают как неразумные животные, становятся пищей неясытей и воронов: одни птенцы их призывают Господа (Пс. 146, 9), а другие — валяются в крови (Иов. 39, ЗО)[111]. «Кто имеет уши слышать, да слышит» (Мф. 11, 15).

19. Два способа борьбы против бесов

Когда какой-либо из врагов, приблизившись, готов нанести рану тебе, а ты желаешь, по написанному,, обратить его меч в сердце его (Пс. 35, 15), тогда делай так, как мы говорим. В себе самом раздели помысел,· внедренный им, [и исследуй], каков он, из каких вещей образовался и что в этих вещах более всего угнетает ум. Мои слова означают следующее: пусть будет послан на тебя врагом помысел сребролюбия — раздели его [на составные части, то есть] на воспринявший помысел ум, на мысль о золоте, на само золото и на страсть сребролюбия. Потом задай [себе] вопрос: какая из этих [составных частей] является грехом? Является ли грехом ум и каким образом? — Ведь он есть образ Божий. Может быть, грех есть мысль о золоте? — Но разве может подобное утверждать кто-нибудь из обладающих умом? Или же само золото есть грех? — Тогда почему оно сотворено? Стало быть остается, что причиной греха является четвертое [из названных], которое не есть ни сущностным образом существующая вещь, ни мысль о вещи, ни бестелесный ум, но есть некое человеконенавистническое наслаждение, порождаемое свободным произволением [человека] и понуждающее ум злоупотреблять Божиими тварями — обрезать это наслаждение вверено закону Божиему[112]. И когда ты [все это так] разберешь, то помысел погибнет, расчленяемый в его собственном созерцании[113], а бесовское [наваждение]

---

[110] Очень свободная аллюзия на Мф. 8, 22.

[111] Образ «неясытей (коршунов) и воронов» (γυπών η κοράκων), вероятно, намекает на различные мучения грешников после смерти (возмездие им несут Ангелы). Ср. толкование Евагрия Притч. 30, 11 («око ругающееся отцу, и досаждающее старости материи, да исторгнут е вранове от дебрия, и да снедят е птенцы орли»): «Эти вороны, с одной стороны, таинственнымобразом питают праведных (τους μεν δικαίους τρέφουσι μυστικώς), а, с другой стороны, наказывают неправедных, вырывая у них очи неправедности (τους της αδικίας οφθαλμούς έξορύττοντες) за то, что они подвергали осмеянию Отца всяческих и не почитали изначальное ведение, породившее их (την γεννώσαν αυτούς άρχαίαν γνώσιν). Он (Соломон. — А. С.) называет «воронами» [Ангелов], исторгающих очи неправедного, а «орлами» — тех [из Ангелов], кто целиком съедают его: первым вверено частичное очищение, а вторым — очищение полное».

[112] Ср. одну мысль Евагрия в «Умозрительных главах», где он замечает, что духовное (умопостигаемое) обрезание есть добровольное удаление от страстей ради ведения Божиего.

[113] Данная фраза (φθαρήσεται μεν ο λογισμός εις την ιδίαν άναλύομενος θεωρίαν) предполагает, вероятно, что метод «духовного самоанализа», начертанный кратко

убежит прочь от тебя, так как мысль твоя вознесется горе благодаря этому ведению. Если же ты хочешь воспользоваться мечом врага, но желаешь прежде одолеть его с помощью пращи своей, то вынь камень из пастушеской сумки твоей (1 Цар. 17, 48—51)[114] и исследуй в созерцании следующее: почему Ангелы и бесы посещают наш мир, а мы не проникаем в их миры? Ибо мы не можем ни Ангелов сочетать теснее с Богом, ни желать бесов сделать более нечистыми[115]. И почему «денница восходящая заутра сокрушися на землю» (Ис. 14, 12)[116] и «мнит же море яко мироварницу и тартар бездны яко пленника: возжигает же бездну, яко же пещь медную» (Иов. 41, 22-23), всех возмущая своей злобою и желая начальствовать над всеми? Созерцание этих вещей весьма уязвляет беса и обращает в бегство все его полчище. Однако это случается только с теми [христианами], которые достигли некоторой степени чистоты и начали в какой-то мере видеть смыслы сотворенных [сущностей]. Нечистые же не знают о созерцании этих [вещей] и, если даже они, узнав о них от других, стали бы повторять как заклинания [слова их], то все равно не будут услышаны, вследствие обилия пыли и громкого шума, производимого страстями во время [духовной] брани. Ведь полчищу иноплеменников необходимо, разумеется, успокоиться, чтобы только один Голиаф вышел навстречу нашему Давиду. [Наконец, можно сказать, что] в отношении всех [прочих] помыслов следует пользоваться и таким различением, и таким видом [духовной] брани.

Евагрием выше и составляющий одну из граней духовного ведения («гносиса»), приводит к уничтожению помысла на его же «собственной территории».

[114] Образ Давида, поразившего Голиафа, несколько в ином плане толкуется преп. Максимом, который, считает, что «Духовный Давид есть Господь наш Иисус Христос» и «Он Тот, Кто поразил духовного Голиафа, то есть диавола, ростом в пять локтей, вследствие пятичастной страстности нашего чувства: ведь до такой величины и роста возносится диаволом порочность, до какой расширяется сила чувства в нас, посредством [внешних] ощущений приведенная в страстное состояние».

[115] Эта мысль Евагрия о взаимоотношении трех «миров» (ангельского, человеческого и бесовского) буквально повторяется в одном из его «Посланий» и в «Умозрительных главах». Но она говорит не о познании человеком двух противоположных миров, а об его активном воздействии на эти миры, подобном их воздействию на мир человеческий. Познания же этих миров с помощью духовного зрения Евагрий отнюдь не отрицает, следуя в данном плане святоотеческой традиции. Ср. с учением преп. Макария Египетского, согласно которому, «мы нуждаемся в Хорошем духовном зрении, чтобы видеть весь этот невидимый мир враждебных или дружественных духов, окружающих нас и вмешивающихся в нашу внутреннюю жизнь. Он может быть видим только духовными очами.

[116] Традиционное древнецерковное толкование этого места Священного Писания можно наблюдать у Оригена, который замечает: «Это пророчество весьма ясно показывает, что с неба ниспал тот, кто прежде был Денницею и восходил утром… Таким образом, и сатана был некогда светом, и только потом совершил измену и ниспал в это место, и слава его обратилась в прах».

20. Два объяснения быстрой победы над помыслами

Когда некоторые из нечистых помыслов быстро обращаются в бегство, то нам необходимо исследовать причину этого. Почему это произошло? По редкости ли вещи, [желаемой нами]? Или потому, что трудно добыть вещество [для помысла]? А, может быть, потому, что свойственное нам бесстрастие не позволяет врагу что-либо предпринять против нас? [Для примера рассмотрим такой случай]: если кто-нибудь из отшельников, будучи терзаем бесом, вообразит в уме, что ему вверено духовное руководство в первенствующем граде, то этот помысел не задержится долго в мечтающем, — и причина этого ясна из сказанного[117]. Если же он, [вообразив себя предстоятелем] любого другого града, будет рассуждать подобным же образом [и останется невозмутимым], то удостоится блаженства за свое бесстрастие[118]. Подобным же образом может быть обретен и такой же способ исследования в отношении других помыслов. Это нам необходимо знать для того, чтобы, либо преисполнившись усердия и силы, перейти нам Иордан и быть вблизи «града Фиников» (Втор. 34, 3), либо, если мы останемся жить в пустыне, быть побитыми иноплеменниками[119].

21. О том, что за весом сребролюбия следуют весы тщеславия и гордыни

Весьма разнообразным и изобретательным на обольщение кажется мне бес сребролюбия. Часто он, утесняемый крайним отречением [от мира], сразу прикидывается рачительным и нищелюбивым[120]: он радушно принимает еще не появившихся странников и отправляет [инока] на служение к другим нуждающимся — посещает темницы города, выкупает продаваемых [пленников и рабов], прилепляется к богатым женщинам, показывает им, кому [из нуждающихся] следует благострадать, а также советует другим [из богачей], туго набившим кошелек, отречься [от мира]. И таким образом постепенно обольщая душу, он опутывает ее помыслами сребролюбия и передает ее бесу тщеславия. А тот приводит множество [людей], прославляющих Господа за такие рачительные [слова и поступки подвижника]; некоторые [из них] мало-помалу заводят между собой разговоры о [его священстве]; затем [бес] предсказывает

---

[117] Подразумевается «редкость вещи» (την σπάνιν του πράγματος), ибо, хотя по теории вероятности можно предположить, что какой-либо египетский анахорет мог стать константинопольским архиереем, но осуществление этой вероятности в действительности могло быть только исключительным явлением.

[118] Следует напомнить, что древнеегипетские иноки, по своему великому смирению, довольно часто отказывались от великой чести быть архиереями и иереями.

[119] В «Антирретике» Евагрий также говорит, что если мы будем верить во Христа и соблюдать Его заповеди, то перейдем Иордан и получим «град Фиников».

[120] Эти слова (τον οἰκονόμον και φιλόπτωχον υποκρίνεται) указывают, помимо всего прочего, и на тот факт, что древним инокам, известным своей нестяжательностью, довольно часто давались значительные суммы денег благодетелями для раздаяния, по их усмотрению, бедным. Естественно, что это бывало иногда причиной искушений.

его кончину, как уже сущего во иереях, и присовокупляет, что ему не избежать [священства], даже если он приложит тысячу усилий для этого. Так многострадальный ум, заключенный в узы этих помыслов, вступает [в мысленную] брань с теми из людей, которые [якобы] не принимают [его избрания в священника], а охотно признавших [его он также мысленно] осыпает дарами и одобряет их за благоразумие; некоторых же возмутившихся [против него] предает судьям и требует изгнать их из города. Когда эти помыслы находятся уже внутри [ума] и вращаются [там], то сразу же предстает и бес гордыни, постоянно изображающий молнии в воздухе келлии, посылающий крылатых змиев[121] и, наконец, он делает так, что [подвижник] лишается ума. Но мы, помолившись о погибели этих помыслов, с благодарением будем жить вместе [с братией] в бедности. «Ибо мы ничего не принесли в мир; явно, что ничего не можем вынести из него. Имея пропитание и одежду, будем довольны тем» (1 Тим. 6, 7-8), помня, что сказал [еще Апостол] Павел: «Корень всех зол есть сребролюбие» (1 Тим. 6, 10).

22. Разрушительные следствия задерживания злых помыслов в душе

Все нечистые помыслы, задерживаясь в нас по причине страстей, низводят ум «в бедствие и пагубу» (1 Тим. 6, 9). Ибо как мысль о хлебе задерживается в голодном по причине голода и мысль о воде в жаждущем по причине жажды, так и мысли о деньгах и [многих] стяжаниях задерживается [в человеке] вследствие корыстолюбия, а мысли о яствах и скверные помыслы, рождающиеся от яств, задерживаются [в нем] вследствие [соответствующих] страстей. Подобное же [соответствие] можно обнаружить, если [рассматривать] помыслы тщеславия, а также другие [сходные] мысли. И невозможно уму, удушаемому такими мыслями, предстать пред Богом и увенчаться «венцом правды» (2 Тим. 4, 8). Увлекаемый долу такими мыслями трижды несчастный ум, [как сказано] в Евангелиях, отказался от трапезы Боговедения[122]. Также и связанный по рукам и ногам и брошенный «во тьму внешнюю» имел одеяние, сотканное из тех же помыслов, которое Звавший признал недостойным подобных брачных пиров (Мф. 22, 11-13), потому что брачное одеяние есть бесстрастие разумной души, отвергнувшей «мирские похоти» (Тит. 2, 12)[123].

---

[121] Ср.: «Не отдавай сердца своего гордыне и не говори пред лицем Божиим: силен я, — дабы Господь не оставил души твоей и лукавые бесы не смирили бы ее. Ибо тогда враги через воздух наведут ужас на тебя, явив тебе страшные ночи».

[122] См.: Мф. 22, 2-7. Преп. Макарий, разъясняя эту притчу Господа, говорит, что здесь речь идет о приглашении на небесный и духовный пир (ο δε γάμος εκείνος ουράνιος και πνευματικός έστιν), где жених — дух, невеста — дух, служители — духи и вообще все духовно.

[123] Брачные образы и символы довольно часто встречаются у Евагрия, который в духе Оригена, св. Григория Нисского, преп. Макария Египетского и др. дает им возвышенное («анагогическое») и духовное толкование.

А о том, какова причина того, что задерживающиеся [в уме] мысли о чувственных вещах разрушают ведение, — об этом сказано в «Главах о молитве»[124].

Евгария монаха, от трезвенных глав [125].

23. монах всегда должен действовать так, как будто он к утру встретит смерть, а относиться к телу так, как будто ему отпущена долгая жизнь. Первое отсекает помыслы уныния, и делает его прилежным (усердным, тщательнейшим), второе же здоровым сохраняет тело, и равномерное соблюдает воздержанье [126].

24. Достигший ведения и испытавший наслаждение от плодов его уже не будет поддаваться убеждениям беса тщеславия, предлагающего ему все утехи мира. Ибо что может обещать он более великое, чем духовное созерцание? Но поскольку мы еще не отведали ведения, будем со всем рвением осуществлять духовное делание, показывая Богу, что целью наших деяний является ведение Его.

25. Мы должны рассмотреть пути монахов, которые предшествовали нам, и достигать нашей цели следуя их примерам. Между тем, некто из них говорил, что не тяжелая и равномерная пища, с любовью сопряженная, быстро приводит монаха в пристанище бесстрастия[127].

[128] 26. Как–то в самый жаркий полдень, когда солнце стояло в зените, я пришел к святому отцу Макарию и, томимый жаждой, попросил у него воды напиться. Он же сказал: «Для тебя достаточно и тени, ибо многие путешествующие и плавающие в сей момент лишены и её». Затем, когда я завел речь о воздержании, он сказал: «Будь мужественным, сын мой: целые двадцать лет не вкушал я до сытости ни хлеба, ни воды, ни сна. Ибо хлеб я ел, отвешивая малый кусок; воду пил, отмеривая малой мерой; а малую толику сна урывал, прислонившись к стене».

---

[124] Евагрий ссылается на свое «Слово о молитве» (особенно на гл. 55-57, 67-68, 70, 112, 115), которое ошибочно приписывалось в некоторых рукописях преп. Нилу. См. Нил Постник «Слово о молитве» (слав. Добротолюбие, том 4).

[125] 2 трезвенные главы по переводу А.И. Сидорова, остальные 3 по славянскому и английскому переводам (так как у Сидорова и Феофана я не нашел перевода этих глав).

[126] В английском переводе: «…и его самоконтроль делает сбалансированным»

[127] В англ.: «Один из их полезных советов в том, что скромное и сбалансированное питание, сопровождаемое присутствием любви, быстро приводит монаха в гавань бесстрастия.»

[128] В славянском Добротолюбии (судя по переводу Сидорова и английскому переводу) переведено неточно. Хотя смысл сохранен верно:

Сре́теся не́кто в глубо́кую но́щь со святы́м мака́рием, и вельми́ жа́ждою томи́мь, прося́ше у него́ воды́ пи́ти. О́н же глаго́ла: бу́ди дово́лен се́нию: мно́зи бо путеше́ствующе ны́не и пла́вающе, и сея́ су́ть лише́ни. Та́же упраждни́вся разсужде́нием с ни́м о воздержа́нии, дерза́й, рече́, ча́до: а́з бо в це́лыя два́десять ле́т, ниже́ хле́ба, ниже́ воды́, ниже́ сна́ в сы́тость прия́х, но хле́б мо́й ядо́х ве́сом, и во́ду пия́х ме́рою, к стена́м же ма́ло приклони́вся, не́колико сна́ восприма́х.

27. Прельщаемый (блуждающий) ум исправляет (стабилизирует) чтение, бдение и молитва. Жгучую похоть иссушает алчба (голод, жажда), труд (усилие) и отшельничество (уход от мира). Ярость же возмущающую (гнев) укрощает псалмопение, долготерпение и милость. Но что-либо, совершенное без меры и не во время, недолговременно, вредно и не полезно.

